

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1 9 6 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

1966

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мариан Жсыловский</i> (ПНР). Тысячелетие Польши (гз-бренные проблемы — Польша — католическая церковь — Ватикан — Германия)	3
<i>Е. П. Львова</i> . Болгарское изобразительное искусство межвоенного двадцатилетия	18
<i>Т. В. Попова</i> . К характеристике взаимодействия между системами вокализма и консонантизма (на материале болгарских диалектов)	33

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>М. Я. Гольберг</i> . Заметки Франко на полях книги Марковича	43
<i>И. Н. Киселев</i> . О творческих связях советских и чехословацких ученых в области общественных наук	51
<i>Ю. И. Штакельберг</i> . Из истории восстания 1863 года	60
<i>Ф. В. Недзельский</i> . К вопросу об изучении научного наследия Р. И. Бошковица	69
<i>Ю. К. Вегунов</i> . Отражение «Беседы» Козмы Болгарского в «Молении Даниила Заточника»	71
<i>Л. П. Жуковская</i> . Вопросы Н. П. Румянцева к Вуку Караджичу и ответы на них	75

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>В. В. Марьина</i> . Некоторые вопросы социалистической перестройки деревни в работах чехословацких историков	78
<i>И. Я. Каганов</i> . Вопросы славянского книговедения на страницах сборников «Книга»	81
<i>М. Р. Тульчинский</i> . Экономика стран социализма в 1964 г.	83
<i>А. С. Мыльников</i> . «Dějiny Sovětského Svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech»	85
<i>Ю. М. Гроссман</i> . Исследование о повинностях королевских крестьян	86

<i>А. П. Соловьева.</i> «Realismus a modernost. Proměny v české proze 19 století» . . .	90
<i>В. Д. Савицкий.</i> Не только «о чем», но и «как»	93

З а м е т к и о к н и г а х

<i>Ю. Ф. Зудинов.</i> «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны» . . .	96
<i>И. К. «Przemieniu społeczne w Polsce Ludowej»</i>	96
<i>А. Д. Бачинский, М. Д. Дыган.</i> Книга по истории русско-болгарских связей	97
<i>Л. К. Josef Polák.</i> Americká cesta Josefa Václava Sládka	98

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965—1966 гг. (продолжение)	99
Содержание иностранных журналов	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т. В. Попова, А. С. Львов.</i> В комиссиях Международного комитета славистов . .	112
<i>Т. А. Воздвиженская.</i> Собрание, посвященное Дню болгарской культуры и славянской письменности	114
<i>Н. Зуева, Е. Шатогина.</i> 90-летие Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии	115
<i>В. П.</i> В Институте истории АН СССР	116
<i>Б. В. Левшин.</i> Постоянная выставка в Архиве АН СССР, посвященная академику М. Н. Тихомирову	117

В И н с т и т у т е с л а в я н о в е д е н и я А Н С С С Р

<i>К. И.</i> Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Ю. Мархлевского	118
<i>В. Глинский.</i> Симпозиум по проблеме «Дранг нах Остен»	120
<i>Н. С. Захарьина, Е. П. Наумов.</i> Защита диссертаций.	124
<i>Ю. Б.</i> Встреча с чехословацкими учеными	125

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Юзеф Дуткевич</i> (ПНР). Теоретические вопросы исторической науки в трудах польских ученых	125
<i>П. Ольшанский.</i> К столетию со дня рождения Ю. Мархлевского	132
<i>Б. Ф. Стахеев, Е. З. Цыбенко.</i> Генрик Вольпе	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ,
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕШИН

МАРИАН ЖЫХОВСКИЙ

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ПОЛЬШИ

(избранные проблемы — Польша —
католическая церковь — Ватикан — Германия)

1966 год для польского народа является особенным годом — в этом году завершается празднование 1000-летия Польского государства.

Годовщина эта знаменательна глубоким содержанием наследия уже десятивековой письменной истории польского народа и исключительной важностью момента, в который она отмечается. Тысяча лет — это мало, если речь идет об общем развитии культуры на польских землях, но это и много, если иметь в виду бурную историю последнего тысячелетия. А последние 50 лет (считая со дня Октябрьской революции), если принять во внимание огромные масштабы перемен, происшедших за эти годы в государственном строе, социальной, экономической и культурной жизни и в технике, — это как бы сокращенный цикл тысячи лет.

Глубокая связь прошлых веков с современностью, использование исторического опыта для решения стоящих ныне задач — вот важнейшие основы, которые с самого начала определяют характер всенародного празднования великой годовщины. На этой основе возникли различные начинания, которые обогатили Польшу новыми замечательными ценностями: трудовые обязательства, общественные мероприятия в общепольском и региональном масштабе, и прежде всего прекрасная и благородная акция, создавшая великий и прочный памятник 1000-летию — патриотический подвиг строительства свыше 1200 школ на общественные средства. Усилиями общественности от Буга до Одры и Ниссы и от Карпат до Балтики сооружены тысячи километров новых дорог, сотни культурных учреждений, лечебных заведений, стадионов и спортивных залов, коммунальных объектов. Все это свидетельствует о патриотическом подъеме польского общества, связанном с празднованием 1000-летия.

Празднование 1000-летия вместе с тем способствовало расширению сферы научных исследований, посвященных нашему прошлому, и популяризации знаний о нашей истории, о революционных, демократических и прогрессивных традициях, что значительно повысило историко-политическую сознательность польского общества.

Массовые манифестации на полях сражений, происходивших с X в. до последних дней второй мировой войны, укрепили сознательность у молодежи и старшего поколения. Торжественно отмечались победа Польши над Орденом крестоносцев, 45-летие силезских восстаний, 20-летие народного Войска Польского. Все это напоминало о вековой борьбе против германской феодальной агрессии и гитлеровских захватчиков. Празднование 20-летия, 21-й и 22-й годовщины Народной Польши, 20-летия образования Польской рабочей партии, 20-летия возвращения Западных и Северных земель Польше продемонстрировало единую позицию польского общества по отношению к претензиям боннских реваншистов, непоколебимое стремление к укреплению союза с Советским Союзом, Германской

Демократической Республикой и другими социалистическими странами для обеспечения безопасности Польши и защиты мира в Европе. 600-летний юбилей Ягеллонского университета, 100-летие со дня смерти выдающегося историка XIX в. Иоахима Лелевеля, 100-летие со дня рождения выдающегося писателя Стефана Жеромского и многие другие мероприятия показали достижения в области польской культуры и науки, вклад Польши в общемировую сокровищницу культуры.

Годовщины польских национально-освободительных восстаний XVIII, XIX и XX вв. напомнили, как наша борьба за независимость была тесно связана с идеями социального прогресса, с революционным движением в Европе и во всем мире. А годовщина конституции 3 мая 1791 г. напомнила народу, в какой упорной борьбе с реакцией прокладывался путь к прогрессу. 100-летие I Интернационала, 80-я годовщина создания «Великого Пролетариата» — первой марксистской партии на польских землях, 60-летие революции 1905 г., 30-летие VII конгресса III Интернационала, 30-летие начала войны в Испании, торжества, посвященные памяти многих польских революционеров и деятелей рабочего движения, и в особенности 100-летие со дня рождения Юлиана Мархлевского, напомнили о славных страницах истории борьбы рабочего класса и народных масс за свободную и справедливую Польшу и за свободу других народов. В особенности празднование 20-летия Народной Польши показало огромные достижения трудящихся масс во всех областях жизни за годы народной власти и продемонстрировало, что Народная Польша является венцом всего исторического процесса развития народа и государства.

Празднование 1000-летия послужило поводом для того, чтобы проанализировать исторический путь развития, по которому польский народ идет много веков, и уяснить себе, какие стороны нашего исторического развития, какие события, какие идейные и моральные образцы могут и должны вдохновлять нас на преобразование действительности, чтобы польская нация заняла достойное место в мире.

Путь нашего народа был нелегким и небезконфликтным. Он изобилует победами, а также ошибками и поражениями, были также периоды пассивности и сильные проявления своекорыстия и смуты, приводившие к ослаблению государственной власти. В тысячелетней истории мы имеем большие и славные примеры героизма и патриотизма. Опыт истории учит, что государственный и национальный суверенитет следует укреплять посредством активного участия Польши в том движении современности, которое служит наиболее прогрессивным идеалам и социализму. Путеводной нитью нашего развития является союз, дружба и сотрудничество Польши с Советским Союзом, ГДР, Чехословакией и другими социалистическими государствами, оборонительный союз государств Варшавского договора на основе единства интересов и принципов пролетарского интернационализма — фундамента безопасности Польши и нерушимости ее границ.

Социализм открыл Польше перспективу динамического развития хозяйства, просвещения и культуры, реализации принципов социальной справедливости. Социализм впервые в истории Польши обеспечил ей национальную безопасность. Польша солидаризируется с освободительными стремлениями освобожденных и освобождающихся от колониальной зависимости народов. Наконец, польская политика основывается на принципе конструктивной борьбы за мирное сосуществование со всеми государствами с различным социальным строем.

«Мы принадлежим к тем немногим народам Европы, — говорил Зенон Кжишко в Штутове 24 апреля 1966 г., — которые пережили наиболее суровые исторические испытания и убедились, каким великим и необходимым

благом является независимость и собственное независимое государство»¹. Этому научила поляков борьба с эпохи Мешко I, принявшего в 966 г. христианство из Чехии, чтобы защитить польское государство от агрессии германских феодалов. Научила их этому борьба за свою государственность, которую пришлось вести с Германской империей, Бранденбургской маркой, с Орденом крестоносцев, Люксембургами, Гогенцоллернами, Габсбургами, с гитлеровским империализмом. Этому научило поляков более чем 120-летнее национальное угнетение, продолжавшееся с конца XVIII в. до 1918 г., а затем гитлеровская оккупация в годы второй мировой войны. К захватчикам могли приспособиться магнаты, часть буржуазии, но против неволи всегда выступал польский народ, который подвергался двойному гнету — социальному и национальному. Польшу вели к гибели магнаты и церковная иерархия, буржуазия и помещики. Их правление — своеволие и анархия — привело к упадку государства и утрате национальной независимости в XVIII в. Трагическими были для Польши последствия преступной антисоветской внешней и антидемократической внутренней политики. За все это расплачивался польский народ.

Все выводы из прошлого сделала польская левица уже в период второй мировой войны; она повела народ под своими знаменами к Народной Польше. Этих выводов не сделала еще до сих пор часть церковной иерархии в Народной Польше, а в особенности руководство польского епископата католической церкви, стоящее на антикоммунистических, антисоциалистических позициях. Оно ничем не засвидетельствовало понимания и поддержки элементарных истин, вытекающих из прошлого и настоящего нашей страны.

Часть иерархии решила использовать 1000-летие как предлог для возобновления политической деятельности и противопоставления юбилея принятия христианства в Польше юбилею истории народа и польского государства. Католическую церковь пытались представить как решающий фактор культурного, социального и политического развития Польши, чрезмерно преувеличивалась роль церковной организации во всем том, что было создано общими усилиями, трудом поколений, их талантом.

Такого рода позиция — при замалчивании отрицательных сторон истории церкви — проявляется во всех посланиях, направляемых епископам других стран (в том числе и ФРГ) и во всех, почти без исключения, других документах и выступлениях. Никто в Польше не имеет намерения скрывать, что польская церковь внесла свой вклад в общенациональное дело, особенно в средние века, но нельзя также утаить те расхождения интересов церкви, представляющей политику, определенную в Риме, с интересами польского государства, которые имели место, между прочим, во время борьбы с Орденом крестоносцев или в период реформации и контрреформации, а также бесславные деяния Ордена иезуитов и церковной иерархии во времена разделов и национально-освободительных восстаний. Мы не скрываем имен тех представителей духовенства, которые совершали патриотические подвиги, борясь плечом к плечу с повстанцами в XIX в., а в период второй мировой войны погибли в лагерях смерти от рук гитлеровцев. Нельзя, как это делает руководство польского епископата, идентифицировать принадлежность к польскому народу с принадлежностью к католическому вероисповеданию и таким способом делить польский народ по критерию — верующий и неверующий. В Народной Польше существует только деление на сторонников и противников социализма.

Владислав Гомулка в своем выступлении в Познани 17 апреля 1966 г. говорил: «Мы правильно оцениваем историческое значение факта креще-

¹ «Trybuna ludu», 25 IV 1966.

ния Мешко I. В те времена это был важный акт, он имел большие политические последствия. Единая и всеобщая религия, освящая власть монарха, укрепила тогдашнее государство Пястов. Христианство... тогда служило соединению в единый государственный организм малых государств и племенных союзов., облегчало централизацию и подчинение всей страны королевской власти. Оно лишало германский „Дранг нах Остен“ возможности захвата мечом и огнем славянских территорий под предлогом „обращения в веру“ проживавших здесь племен... Поэтому нельзя противопоставлять традиции начала централизованного польского государства традициям начала христианства в Польше»².

Проблема собственного государства, его прочности и независимости имела кардинальное значение для жизни и развития польского народа. В раннем средневековье польская государственная организация сформировалась в результате политического объединения племенных государств. Это соединение было осуществлено государством Пястов путем добровольной федерации и принуждения. Укрепление уз, связывающих население, проживающее на территории государства Пястов, было исторической необходимостью, обусловленной потребностями защиты от экспансии и агрессии немецких феодалов, которые захватывали западнославянские земли под предлогом их христианизации. Целью же их было подчинение и германизация этих земель. Перед лицом германской угрозы укреплялось чувство общепольской национальной солидарности и славянской взаимности.

Уже с раннефеодального периода истории Польши и славян на первое место выдвинулась германская проблема. Она является и одной из центральных проблем исторической литературы, посвященной 1000-летию Польши. Эту проблему нельзя рассматривать без учета роли папства, а также роли католической церкви в Польше, тем более, что и польский епископат в связи с 1000-летием введения христианства выдвинул на первое место вопросы польско-немецких отношений, искажая их картину в польской истории. Выдвигается тезис о роли Германии в привнесении на польские земли «западной культуры», он связывается с «концепцией» диалога и «сближения» современной Польши с Западной Германией через так называемую «западную культуру». Понятие «немецкой агрессии» суживается и относится только к германизаторской и экстремистской политике крестоносцев, прусского государства и гитлеровского режима. Остальные периоды в истории отношений Польши с западными соседями характеризуются довольно безапелляционно и односторонне как «плодотворные польско-немецкие отношения».

* * *

Корни агрессии немецких феодалов против славян следует искать еще в дохристианский период. Что же касается польской государственной организации, то агрессивные немецкие планы приобрели для нее особое значение в X в. Германская экспансия была определена социально-экономическими и классовыми интересами немецких феодалов. Речь шла о захвате земель — основного средства производства в ту эпоху в славянских странах, причем ни ничьих земель, а земель в большей своей части заселенных, плодородных и возделываемых. Под агрессией немецких феодалов мы понимаем также проникновение немецкого городского патрициата — богатых купцов, располагавших капиталом, стремившихся к политической и экономической гегемонии в польских городах. Другой формой агрессии была политика поселения немецких монахов, создания монастырей, имев-

² «Trybuna ludu», 18 IV 1966.

ших также политическое и экономическое значение для немецких феодалов. Белое и черное духовенство в большом количестве прибывало в западные районы Польши, в Великую Польшу, на Западное Поморье, в Силезию, то есть в те самые районы, где находились немецкие рыцари, используемые удельными князьями в их внутренней борьбе. Приток немецкого клира, например, в Западное Поморье и Силезию, приводил к тому, что польская церковная организация вытеснялась из этих районов. Немецкие рыцари, богатые патриции и монахи приходили на польские земли не как носители высшей культуры, а как захватчики плодородных и обрабатываемых земель и развивавшихся городов, и что интересно, редко направлялись в районы слабо заселенные, отставые в экономическом отношении.

Напомним при этом некоторые документы, например, документ 1108 года, в котором формулируются *expressis verbis* цели восточносаксонских феодалов: «Против нас восстали и добились успехов жестокие язычники, мужи, не знающие сострадания и возгордившиеся злостью своего нечеловеческого характера... Спешите все на войну Христову, идите на помощь рыцарям Христа. Эти язычники злы, но их земля очень хороша она изобилует мясом, медом, мукой, и если ее возделывать, принесет такие плоды, что ни одна из других сравниться с ней не сможет. Так говорят те, которым известна эта земля»³.

Другой документ, написанный рукой Гельмольда, сообщает, что «так как господь бог щедро оказал милость и принес победу нашему князю и другим князьям (речь идет о набеге на полабских славян), славяне теперь рассеяны повсюду и изгнаны; и пришли от самых границ океана мужественные и многочисленные народы, которые получили земли славян, построили города и церкви, умножили свое богатство, за что достойны всяческого уважения» (*Helimond. Chronicon Slavorum. Script. Reg. Germ. in. us. schol., cap. 89*).

Мотивы агрессии, как следует из вышеизложенного, ясны. Одним из свидетельств является также известное письмо епископа Свины к коллегии кардиналов (Ленчица, 17 I 1285), в котором он оценивает опасность, которую несет польским землям агрессия немецких феодалов, агрессия, явная и скрытая, агрессия, угрожающая уничтожением поляков («*Fines Pologne per principes Theutonie occupantur*»).

В немецкой агрессии против Польши участвовали различные круги: немецкие короли, бранденбургские маркграфы, маркграфы Мейссена, архиепископы Магдебурга, Орден крестоносцев, немецкие города, рыцарство, монахи. В этой агрессии они соперничали друг с другом в борьбе за польские земли. Официальная немецкая историография утверждала, что период завоеваний немецкой империи закончился до XII в. и что с того времени немецкая экспансия на восток шла без участия императоров. Очевидно, что создание этого мифа, этой фикции имело свои определенные цели. Поддержка императоров существовала в различной форме, в основном в виде признания прав магдебургского архиепископа на польские земли (Любуша), а затем бранденбургских маркграфов и крестоносцев. Разве случайностью было то, что польские князья в 1253 г. обвиняли в епископской курии немецких князей и крымского короля в захватничестве? Кто же как не немецкие короли подтверждали захваты крестоносцев в Гданьском Поморье? В 1285 г. Свинка писал о том, что император утвердил захват польских земель. Разве польские епископы подчинились влиянию немецкой историографии и читали только немецкие труды по истории славян и ранней истории Польши? Было когда-то так, что иностранные ученые и политики верили феодалам, верили высказываниям о темноте, неработоспособности славян и восхищались заслугами немцев, которые якобы принесли культуру на земли, лежащие на восток от Эльбы, возвратили их цивилизованному миру, отняв у славянских варваров.

Напомним несколько фактов из ранней истории Польши.

Династия Оттонов использовала традицию империи Карла Великого, но уже в модернизированном облике имперского универсализма. Оттоны, подчинив себе Рим, стремились возродить миф о преемственности Римской империи. В этот период (вплоть до папы Григория VII, 1073—1085) церковь была политическим орудием в руках немецких императоров, а этот период в истории папства определяется историками церкви как период упадка (*saeculum obscurum*), слабости и бессилия. Папство политически поддерживало немецких императоров и королей во всех без исключения агрессивных начинаниях под лозунгами обращения язычников в христианскую веру. Мешко I справедливо противился подчинению Польши новой империи. Сын Мешко I Болеслав

³ «*Quellen zur geschichte der ostdeutschen Kolonization*» Leipzig, 1912, № 3, S. 10. См.; J. Baszkiewicz. *Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV w.* Warszawa, 1954, s. 162.

Храбрый приветствовал в 1000 г. Оттона III, прибывшего в Гнезно не только к гробнице св. Войцеха, но и к двору польских властителей, чтобы заручиться помощью князя Болеслава в осуществлении проекта идеальной империи, которая должна была стать федерацией государств и народов.

Однако император Оттон III умер в 1002 г. Его политика была лишь кратковременной попыткой мирного сотрудничества империи с государством Пястов. Наконец, хроники тех дней, т. е. 1000-летней давности, отмечали, что Болеслав Храбрый во взаимоотношениях с Оттоном III выступал как равный с равным. Большим политическим успехом для Болеслава Храброго явилось согласие папы на создание Гнезненской метрополии и одновременно епископств в Кракове, Вроцлаве и Колобжеге. Итак, государство Пястов того времени должно было быть мощным в военном отношении, богатым и обладать высокой культурой и вместе с тем взять под опеку слабую, только что учрежденную католическую церковь.

Поэтому 1000 лет назад не церковь была созидательной и деятельной силой, а государство, польские правители. Не церковь защищала Польшу от внешних врагов, а ее самое защищали от германской угрозы, исходившей от немецкого духовенства и немецких феодалов.

С самого начала также необходимо было вести ожесточенную борьбу с архиепископством в Магдебурге за политическую независимость польской церковной провинции. Более того, в 1004—1012 гг. был даже составлен якобы папой документ о подчинении Познани Магдебургу. Не случайно в 1860 г. Иоахим Лелевель предложил праздновать 1000-летие польской культуры и государственности, а также соорудить памятник на берегу озера Гоппа в Крушвице. В 1863 г. действительно было организовано празднование принятия христианства, связанного с именами Кирилла и Мефодия. Лелевель имел право говорить так потому, что задолго до официального принятия христианства существовали строители польской государственности, которые подготовили почву для Пястов — Мешко и Болеслава Храброго. Государство и аппарат власти как организация не могли быть чем-то новым для Мешко I, они не могли быть также заимствованными в 996 г., в день принятия христианства. Однако истина состоит в том, что лишь со времени первых Пястов Польша выходит на арену всеобщей истории как мощный государственный организм.

Начнем с факта, который относится, между прочим, ко времени Оттона I, когда маркграф Геро прославился приглашением на пир 30 славянских князей, которых отправил, а затем в 963 г. выступил против серболоужицких славян и впервые вторгся в бассейн Одера и Шейссе. Не нужно напоминать, что принятие христианства Мешко I не защитило польское государство от агрессии «культурных» немецких феодалов. Всем историкам хорошо известно, что немецкие короли, начиная с 962 г., т. е. с момента возобновления титула римского императора, стали разрабатывать политическую идеологию, которая была поставлена на службу территориальной экспансии. На первой линии агрессии оказались полабские славяне. Подчинение их создало предпосылки для непосредственного нападения на государство Мешко I, на Силезию.

Памятен 972 год, когда маркграф Одо был разгромлен под Целной Мешко I, а Поморье было присоединено вплоть до Волпы и Колобжега. После кратковременных хороших отношений Болеслава Храброго с Оттоном III наступил период кровавой и ожесточенной борьбы с Германской империей. Генрих II провозгласил открытую агрессию на Восток. Направление этой экспансии было санкционировано Римом. Многолетняя война между германским императором и Болеславом Храбрым завершилась победой Польши, что нашло отражение в мирном договоре, заключенном в Будзисине, который вместе с тем создавал основу интегрального включения западных земель в состав Польши. Преемники Болеслава Храброго вели многолетние войны с Германией, борясь за каждую пядь польской земли, отторгаемую немецкими агрессорами оружием и интригами. Искусно действовал Болеслав Смелый, провозгласивший себя сторонником папы Григория VII, борющегося с императором за инвеституру. Эффективным следствием политики Болеслава Смелого было получение короны в 1075 г. Польские правители одновременно боролись против политических устремлений церкви. Выражением этого было дело краковского епископа Станислава, который за государственную измену был приговорен Болеславом Смелым к смерти. Болеслав Кривоустый вел мужественную и победоносную войну с Германией. В это время в защите границ Польши принимали участие широкие массы населения, о чем свидетельствует оборона Глогова в 1109 г. Это был, между прочим, пример рождающегося общенационального патриотизма.

Болеслав Кривоустый должен был бороться против объединенных сил империи и папства, так как в 1113 г. папа Иннокентий II подчинил епископства на польских землях Магдебургу. Однако Кривоустому удалось значительно изменить это решение и в 1136 г. вернуть права гнезненской метрополии, что было выражено в специальной булле. Делом всей жизни Кривоустого было восстановление польской власти на Поморье, что ему удалось осуществить полностью в отношении Гданьского Поморья и частично в отношении Щецинского. Итак, можно без преувеличения сказать, что христианизация

ция Западного Поморья и неразрывная связь его с культурой Польши X—XII вв. было бесспорно делом Пястов, а не германских императоров.

Феодальная раздробленность поколебала положение Польши на международной арене, а одновременно создала условия для эмансипации духовенства. Григорианские реформы коснулись также и Польши. Церковь получила большие привилегии (в частности, лэнчицкая в 1180 г., вольборгская в 1212 г.), которые дали духовенству судебный иммунитет, право капитулам избирать епископов, отмену *ius spoli*, изъятие владений духовенства из-под княжеской юрисдикции и т. д. Борьбу за политические права церкви повел архиепископ Г. Кетлич (1199 г.). Тогда-то и возникли огромные владения светского духовенства и монастырей. Церковь стала феодальной силой и вместе с тем главным эксплуататором. В XII в. папы неоднократно вмешивались во внутренние дела Польши. Одновременно у границ разбитой на уделы и ослабленной Польши трагическая судьба постигла полабских славян. Под предлогом христианизации в середине XII в. саксонские князья начали завоевание земель между Эльбой и Одером. Затем пали и земли ободритов. Одновременно другой германский феодал, Альбрехт, по прозвищу Медведь, который получил от императора в лен Северную марку, покорил северозападную часть Полабщины. Славянский вал, который заслонял Польшу в течение многих десятилетий с запада, рухнул под ударами немецкой агрессии. На завоеванных территориях была создана Бранденбургская марка — зародыш опасной силы, которая немедленно развернула свои захватнические действия и сыграла такую трагическую роль в дальнейшей истории Польши. Агрессия германских феодалов направилась против Западного Поморья. Во второй половине XIII в. германские феодалы завладели Любюшской землей, пробив таким образом большую брешь в западной границе Польши.

В начале XIII в. дело дошло также до отделения Восточного Поморья. Из местных можновладцев здесь выросла новая княжеская династия, из которой происходил Святополк, принявший участие в тайном убийстве краковского князя Лешка Белого в 1227 г., того князя, который пытался восстановить верховную власть Польши над Поморьем. На эти годы приходится также трагическое по своим последствиям решение осадить на северных рубежах тогдашней Польши Орден крестоносцев (1226 г.). Крестоносцы, изгнанные венгерским королем, поспешно приехали предложить поселиться на Хелминской земле и вступить в борьбу с язычниками-прусами. В течение немногих лет крестоносцы сумели устроиться на Хелминской и Добжинской землях как у себя дома. Так возник зародыш Орденского государства, горячо поддерживаемого папами и императорами и вскоре вступившего в борьбу против поляков и литовцев. А поляки, ослабленные татарским нашествием, не могли устоять и дать отпор немецким феодалам и крестоносцам. Была потеряна Силезия, а затем и Поморье. В 1308 г. Орден коварно захватил Гданьское Поморье, а немецкая династия Люксембургов в Чехии, вступив в союз с крестоносцами и Бранденбургом, захватила Силезскую землю, претендуя на польскую корону. Борьбу вроцлавского Генрика IV (1270—1290 гг.), по прозвищу Пробус, против захватчиков, как и великопольского князя Шлемыслава II (1279—1296 гг.), который, получив в наследство Гданьское Поморье и объединив часть польских земель, короновался в 1295 г., прервала преждевременная смерть. Вслед за тем энергичный бжеско-куявский князь Владислав Локетек продолжал борьбу против чешского короля Вацлава II, крестоносцев и Бранденбургской марки. С немецкими феодалами и чешским королем шло заодно немецкое бюргерство, поселившееся в силезских и других городах. В 1310 г. немецкое бюргерство дало о себе знать, в частности, в Кракове, когда воит Альберт возглавил бунт против Локетка. В записи капитулы говорится: «Краковские мещане, обаянные мыслью о германском величии, как друзья изменили и скрытые враги мира подобно Иуде, коварному предателю Христа, предали Локетку». Символом объединения Польши была в 1320 г. коронация Локетка, а победа под Плавцами над крестоносцами поднимала дух и вселяла надежду в борьбе с захватчиками. Казимир Великий, несмотря на многолетние дипломатические усилия, не сумел полностью объединить все польские земли. Он признал верховные права чешского короля над Силезией, а с крестоносцами заключил «вечный мир», в силу которого к Польше возвращались Куявы и Добжинская земля; Гданьское же Поморье и Хелминская земля отошли к крестоносцам. Временный отказ от того, чему придавал такое значение Локетек, был связан с перспективами экспансии в сторону Галицко-Волынской Руси. Продолжателями борьбы с Орденом за Поморье были Ягеллоны. Когда Владислав Ягелло начал борьбу, против Польши снова объединились враги: Орден крестоносцев и Сигизмунд Люксембургский. Блестящая победа под Грюнвальдом в 1410 г., которая объединила силы Польши, Литвы и Руси, была эпохальным событием. Могущество крестоносцев было подорвано раз и навсегда. Ответом на клевету крестоносцев был трактат польского ученого Павла Влодковича из Брудзева, ректора Ягеллонского университета, под названием «О власти папы и императора над неверными», представленный в 1415 г. на соборе в Констанце. Этот трактат разоблачал перед миром истинное лицо Ордена, его методы борьбы с мирно живущими неверными. Он показывал, что крестоносцы всегда вели несправедливую войну под прикрытием креста. Политику папы в Польше реализо-

вал в это время епископ, а позднее кардинал Збигнев Олесьницкий. С Олесьницким и диктатором церкви и папства эффективно боролся Казимеж Ягеллончик, который принудил духовенство к послушанию, добившись решающего голоса в назначении епископов, права раздачи церковных бенефициев и т. д.

Плоды победы под Грюнвальдом полностью пожал только Казимеж Ягеллончик, который, ведя 13 лет войну с крестоносцами, присоединил утраченное Поморье в 1466 г. Орден по Торуньскому миру должен был вернуть Польше Гданьское Поморье вместе с Хелминской, Добжинской землями и Вармией. У Ордена осталась только небольшая часть Пруссии к Крулевецю, так называемая Орденская Пруссия. «Великий» комтур Ордена признал себя ленником Польши и должен был присягнуть польскому королю. Но и в этом случае (Торуньский мир) против Польши был папа Павел II, который не хотел утвердить мир иначе, чем ценой похода Казимежа Ягеллончика против гуситской Чехии.

В 1519 г. снова началась война с Орденом, который заключил союз с врагами Польши. Магистр Ордена, используя распространенные в это время в Европе идеи реформации, объявил земли Ордена светским княжеством, вассалом Польши. Так дошло дело до присяги в 1525 г. в Кракове прусского герцога Сигизмунду Старому, запечатленной в картине Яна Матейки в XIX в. Но такое решение не было наиболее удачным для Польши. Мало кто отдавал себе тогда отчет, что новый организм, хотя он официально и зависит от Польши, может оказаться также опасен для нее, как и крестоносное государство. Новое княжество продолжало пользоваться поддержкой Германии, его объединяли тесные связи с Бранденбургом, где правили представители династии Гогенцоллернов. В результате экспансии на восток Польша фактически отстранялась от западных дел. Польскому двору были безразличны планы князя Богуслава X, прозванного Великим.

В XVI в. церковь в Польше оказалась в критической ситуации и вынуждена была перейти на позицию обороны. Разгорелось сильное реформационное движение. Не входя в детали, стоит напомнить, что папы тогда присылали в Польшу своих легатов для мобилизации духовенства и верующих на борьбу против реформации. После Тридентского собора (1545—1563) католическая церковь приступила к восстановлению своих позиций. В 1564 г. епископ Станислав Гозий пригласил Орден иезуитов, который сыграл в истории Польши бесславную роль. Как раз иезуиты были главными героями Брестской унии, усиленно форсируемой папством (1596), применявшим различные средства для уничтожения православия. В периоды элекций иезуиты поддерживали ту сторону, которая не служила польским государственным интересам.

В то же время все более явно проявляется во внешней политике тенденция экспансии на восток, на украинские и белорусские земли, что соответствовало интересам магнатов, пренебрегающих судьбой утраченных Северных и Западных земель. Из оборонительного союза Польши с Литовско-Русским государством против немецких феодалов уния превратилась в аннексию, соединенную с угнетением православного крестьянства польскими и другими окатоличенными магнатами и шляхтой. Правление магнатской олигархии, истощающее силы страны, ее экспансионистские устремления на востоке, подогреваемые папством и польской католической церковью, вызвали взрыв крестьянско-казацких восстаний и многочисленные войны с Россией.

Поражение Польши в борьбе с Габсбургами за чешский и венгерский трон, а также пренебрежение делами Силезии привели, как это оказалось впоследствии, к большим политическим осложнениям в XVIII в. Никто не предвидел, что в 1740—1742 гг. прусский король в войне с Австрией захватит богатую Силезию, где традиции связей с Польшей были необыкновенно прочны. Прусские феодалы сразу приступили к германизации Силезии.

Падение польского государства в конце XVIII в. и его раздел между Австрией, Пруссией и Россией не только изменили положение польского народа, но и вызвали важные изменения в расстановке политических сил в Европе, в особенности в ее центральной и восточной части. Внешние и внутренние причины падения Польши известны, но нельзя забывать решающую роль Пруссии в разделах. Правда, царская Россия была наиболее сильным абсолютистским государством на востоке Европы и без ее участия разделы были бы невозможны, но с другой стороны, Пруссия играла в истории разделов роль инспиратора. Действовала она и на этот раз в соответствии с давней традицией династии Гогенцоллернов и прусских юнкеров — бывших вассалов Польши. Маркс как-то высказал на этот счет очень резкую фразу: «Исключительная подлость Пруссии в ее отношении к Польше проистекает из того, что Пруссия—это лакей, превратившийся в господина, и что только подлостью может она изгладить воспоминания о своем лакействе»⁴.

В результате разделов Австрия и в особенности Пруссия намного усилили свой хозяйственный и военный потенциал, который стал основой германской мощи в Европе в XIX и XX вв. Захват польских земель — Нижней и Верхней Силезии, Великой Польши, Западного Поморья, а также Вармии и Мазур—создали позднее для Пруссии усло-

⁴ «Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве». М., 1913 стр. 20.

вия для объединения Германии под прусской гегемонией. На протяжении всего периода национальных восстаний Пруссия всегда сотрудничала с парской Россией и иными реакционными силами против освободительной борьбы поляков и всех освободительных движений в Европе. Всегда юнкерско-буржуазные правительства того времени более всего опасались сотрудничества польской демократии с демократией немецкой, так как для той и для другой целью было уничтожение Пруссии и создание на ее развалинах демократической республиканской Германии, дружественной независимой революционной Польше. В период национальных восстаний 1794—1864 гг. вся польская нация, как и польское население захваченных Пруссией земель, в Силезии, на Поморье, в Вармии и на Мазурах, активно участвуя в борьбе за свою землю, за польскую школу, язык и культуру, давало тем самым доказательство своей национальной принадлежности. Не было на протяжении всей истории ни одного поляка-патриота, который не рассматривал бы Силезию, Поморье, Вармию и Мазуры как земли исконно польские, которые Пруссия тщетно пыталась онемечить. Едва ли стоит напоминать то, о чем говорит каждый учебник по истории Польши, каждая научная монография, посвященная истории этих земель, что в период разделов они были в хозяйственном отношении органически связаны с остальными польскими землями.

Прекрасные слова в 1808 г. написал Гуго Колонтай в докладе под символическим названием «*Nil desperandum*»: «К счастью, все страны, лежащие по правому берегу Одры — это славянские страны; жители Силезии от истоков Одры до самой границы Бранденбурга говорят по-польски. Новая Марка — это просто часть давней Великой Польши. Померания населена славянским народом, который тоже говорит по-польски только на кашубском диалекте». Мог ли ошибаться в начале XIX в. Ежи Самуэль Бандтке, учитель польского языка в одной из вrocławских школ, а затем профессор Краковского университета, когда говорил, что «граница языков это река Одра»? Для чего было бы ошибаться Юлиану Урсыну Немцевичу, который, проезжая через Силезию, говорил: «Польша и Силезия — это одна нация, одна страна». В те же времена один из знаменитых польских историков XIX столетия Иоахим Ледель ввухал своим студентам, что Силезия и Поморье, потерявшие польской аристократией, будут возвращены польским народом.

* * *

В XIX в. исключительно важную историческую роль играли польские национальные восстания, которые имели немаловажное значение и для истории Германии. Можно с уверенностью утверждать, что именно польский вопрос в XIX в. играл важнейшую международную роль. С одной стороны, польский вопрос был символом борьбы за независимость, за освобождение угнетенных народов в Европе, особенно в Западной; с другой, польский вопрос был неразрывно связан с освобождением социальным. Польский вопрос стал подлинным символом исторической справедливости во всем тогдашнем прогрессивном мире. Наиболее реакционные государства Европы были противниками любого прогрессивного движения, любого освободительного движения. Именно поэтому польский вопрос имел столь громкий резонанс.

Здесь хотелось бы обратить внимание на особую связь дела польской демократии с делом немецкой демократии и на роль польского вопроса для освобождения Германии. Я затрагиваю эту проблему потому, что со времени третьего раздела Польши польский вопрос и борьба польской демократии за независимость и освобождение приобретали для немецкой демократии особое значение и становились пробным камнем прогрессивности для немецкого общества. Борющемуся польскому народу симпатизировали различные социальные слои в Германии, особенно городское население и крестьянство. Например, с Саксонией Польшу связывали не только политические симпатии, но и узы культуры. Когда поляки боролись в 1830—1831 гг., немцы пели песни, представляющие героизм варшавских повстанцев, а когда после подавления Ноябрьского восстания через Германию во Францию направлялись солдаты, офицеры и гражданские лица, то стихийно провозглашались лозунги немецко-польского братства, а немецкие демократы верили, что Польша не погибла. В международном карбонарском движении польские демократы не однажды встре-

чались с немцами. По первому призыву к восстанию поднялись и поляки в 1833 г. во Франкфурте.

Уместно здесь рассмотреть роль и значение польского вопроса для Германии. Не случайно Маркс во всех своих высказываниях, анализируя события 1848—1849 гг., обращал внимание на особое значение для немецкой демократии программы с требованиями независимости и социального освобождения поляков.

Единственным шансом для Германии, для ее объединения на демократических основах было, с одной стороны, свержение абсолютистской прусской монархии — того режима, который стоял на страже феодальных порядков, и поражение царской России. А для этого сначала нужно было свергнуть прусско-юнкерскую власть и затем на развалинах Пруссии вместе с поляками участвовать в подготовке освободительной войны против царской России, опираясь на демократические принципы объединения.

В это время борьба польского народа за независимость, направленная против царизма и Пруссии, способствовала формированию правильной, демократической программы объединения разделенной на ряд крупных и мелких государств Германии.

Именно польский вопрос стоял в центре внимания всех немецких демократических организаций в 40-х годах XIX в. Не случайным было сотрудничество польских демократов с немецкими демократами Блюмом, Мартини и другими, которые подготавливали совместно с поляками восстание против Пруссии, Австрии и царской России. Не случайно в 1848 г. немецкие народные массы на улицах Берлина, освобождая из Моабита польских узников, определяли свои лозунги однозначно: «Да здравствует Польша, да здравствует свободная Германия, да здравствует демократическая Польша, да здравствует демократическая Германия!»

Когда в 1848 г. в Вадене и Палатинате вспыхнуло восстание, во главе его стал поляк — Людвик Мерославский, только что вернувшийся из Сицилии. И вновь немецкие демократы рассматривали вопрос о возможности организации восстания на польской территории с целью поддержки немецкой революции, а также вопрос о сотрудничестве в борьбе с общим врагом — Пруссией. Вместе с тем в особом документе был сформулирован принцип разрешения национальной проблемы при решении вопроса границы между демократической Польшей и демократической Германией на этнографической основе.

Все это по существу является лишь отражением, символическим выражением того, что было свойственно программе немецкой демократии. Конечно, в 1848 г. дело не могло дойти до ликвидации Пруссии, этого не могло произойти по разным причинам. Отметим только, что либеральная буржуазия изменила знаменн революции. Эта буржуазия в канун 1848 г. хотела во чтобы то ни стало освободиться от пут царской России и от царского диктата. В момент, когда революция начала расправлять свои крылья, буржуазия перешла на позиции конкерства и прусского короля, тем самым она перешла на позиции политики Пруссии и царской России. Таким образом, был нанесен удар делу объединения Германии на демократических принципах и оказалось невозможным объединить борьбу немецкой демократии с борьбой польской демократии. Не случайно в 1863 г. Маркс подчеркивал, что вопрос о свободной Германии неразрывно связан с проблемой независимости Польши; на выводы, которые следовали из факта падения Польского государства в конце XVIII в., неоднократно указывали Маркс и Энгельс, подчеркивая первостепенное значение союза и братства польской демократии с революционным движением России и Германии. Справедливость их мнения подтвердила история национальных восстаний, во время которых, особенно в 1863 г., рядом с польскими демократами героически сражались представители русской и украинской демократии и других национальностей Европы. Позже это подтвердило сотрудничество польского рабочего движения с русским революционным движением, Октябрьская революция и вторая мировая война. Это подтверждает и сегодняшний день.

Стоит вместе с тем в данном контексте сделать несколько замечаний об отношении папства к Польше в XVIII и XIX вв. Политика папства на территории Польши во второй половине XVIII в. находилась в тесной связи с интересами Габсбургов и интересами Австрии; она была направлена на поддержку и санкционирование участия Австрии в разделах Польши.

В тот период позиции папы не были очень сильными. Католической церкви как опоре феодализма угрожали идеи просвещения, а затем папство оказалось один на один с французской революцией. Папа Климент XIV вынужден был под давлением издать известную буллу «*Dominus ac Redemptor*», которая ликвидировала в 1773 г. Орден иезуитов. Но вместе с тем папская дипломатия поддержала русскую дипломатию, противодействуя принятию кодекса Замоиского в 1780 г. — кодекса, который должен был способствовать оздоровлению польской государственности. Папская дипломатия также оказала сопротивление реформам Четырехлетнего сейма, опасаясь каких бы то ни было прогрессивных реформ. А ведь с реформами и борьбой за независимость были связаны также и ксендзы — Станислав Стащиц, Гуго Коллонтай и ряд других прогрессивно настроенных представителей духовенства. Тарговица была ипспирирована римской курией, которая сотрудничала с высшей польской церковной иерархией. Из Рима было дано распоряжение нунцию уговорить короля Станислава Августа Понятовского, чтобы он присоединился к Тарговице.

Победу тарговицан признали в Риме как правильное решение польского вопроса. Под диктовку царской России и Пруссии одобрила второй раздел Польши часть представителей польского епископата, в частности хелмский епископ Скаршевский, виленский епископ Массальский, инфлянтский епископ Коссаковский. Рим же постарался только обеспечить интересы церкви на польских землях.

Не удивительно, что римская курия, как и часть польского епископата, заняла по отношению к восстанию Костюшко недоброжелательную позицию. Зато народ Варшавы и Вильно, выражая свое возмущение предателями в фиолетовых рясах, вздернул некоторых епископов на виселицу (Коссаковского и Массальского), а примас Польши Михал Понятовский избежал петли за свои закулисные переговоры с Пруссией, лишь приняв яд. Папский нунций Литта во время восстания 1794 г. и после падения Польши тайно и явно сотрудничал с прусскими властями, как об этом свидетельствуют документы.

После третьего раздела в 1795 г. папа Пий VI в бреве к гнезненскому архиепископу и варминскому епископу рекомендовал духовенству привить польскому народу верность, послушание и любовь к господам и государям, т. е. к захватчикам. Не без основания приходится с горечью писать, что часть польской католической иерархии, как и римская курия, содействовала объективно и субъективно падению польского государства, той Польши, которую словно в пашежку называли «*semper fidelis*». В период легионов и княжества Варшавского не много нашлось фраз в документах апостольской столицы, которые выражали бы симпатию к полякам. Современники вместе с архиепископом Игнатием Рачиньским правление в княжестве определяли как преследование религии, духовенства и церкви. Гражданский кодекс Наполеона, разрешающий гражданские браки и разводы, тенденция к секуляризации школьного образования подрывали позиции католицизма в области культуры. После поражения Наполеона папа получил Папскую область только благодаря Австрии, России и Пруссии, т. е. тех держав, которые принимали участие в разделах Польши. Система Священного союза поддерживалась апостольской столицей, так как была гарантией существования феодального строя и феодальной собственности. Утверждение, будто бы католическая церковь была фактором, объединяющим польский народ в период разделов, неверно, так как папа осуществил реорганизацию польских епархий применительно к расчлененным польским землям, а духовенство призывалось к приспособлению к новым условиям и покорности властям государств-захватчиков. Вместе с тем духовенство должно было вести борьбу против всяких заговоров и революционного движения, т. е. самой идеи независимости Польши.

Как восстание 1794 г., так и последующие восстания 1830/1831, 1846, 1848 и 1863 гг. свидетельствуют о равнодушном и даже недоброжелательном отношении католической церкви к повстанческой борьбе поляков и их демократическим лозунгам. Разве не должно удивлять послание папы от 15 февраля 1831 г. к польским епископам, рекомендующее им не вмешиваться в повстанческие дела. В энциклике «*Sunt primus*» Григория XVI отрицательно определялось отношение как к восстанию и повстанцам, так и к солидарности с государствами-захватчиками. То же самое было в 1846 г. Часть польской католической иерархии без колебания одобрила лишение сана кс. Петра Сцегиного, например, люблинский епископ — Винцентий Пеньковский; имя куявско-калицкого епископа, который в 1846 г. призывал верующих выдавать заговорщиков полицейским властям, — Томашевский.

Преемник Григория XVI, Пий IX, человек, поссоривший апостольскую столицу почти со всеми правительствами в Европе, поступал почти так же, как его предшественник. Он предавал анафеме все и вся, связанное с прогрессом. Находящееся в конфликте с Россией польское духовенство создало миф о Пие IX как о покровителе поляков и польского народа, защитнике его перед царем. Миф этот создал в эмиграции Орден воскресения, который представлял интересы правого крыла эмиграции — аристократии. Она распространяла слухи о доброжелательности Пия IX по отношению к Польше и приписывала ему инициативу в организации молебствий за Польшу в 1863 г.

Миф о доброжелательном отношении Пия IX к Польше в период январского восстания был создан в связи с тем, что польский вопрос использовался как козырь в борьбе за права католической церкви в части Польши, присоединенной к России. А когда участие папы в дипломатической интервенции Франции и Англии не дало никаких результатов и достигь компромисса с Россией не удалось, апостольская столица не замедлила осудить восстание, в особенности демократическое повстанческое движение (в то же время папа выражал симпатии по отношению к польской аристократии). Это было выражено, в частности, в алокуции папы от 24 IV 1864 г., в энциклике «Ubi Urbaniorum» к епископам в России и Польше 30 VII 1864 г., а затем в алокуции «Luctuosum et nunquam» от 29 X 1866 г., в которой осуждался революционное движение и ксендзы-патриоты. Церковная иерархия в общем преданно служила интересам панства. Такая линия не могла привести к конфликту с царизмом, хотя она и изображалась как линия защиты национальных интересов. Против восстания решительно высказались ксендзы Ордена воскресения во главе с Кайсевичем и другие, которые затем получили царские знаки отличия с надписью: «За подавление польского бунта». Публикация 28 II 1863 г. в нелегальном журнале «Голос польского ксендза» открытого письма польского духовенства Кайсевичу, «брату каплану, греховно горлающему за Москву и схизму», принадлежащего перу члена Национального правительства, ксендзу-повстанцу Каролю Микашевскому, была неслучайной. Стоит вспомнить также выступление того же Микашевского, который в своей брошюре «О реформе церкви как источнике всеобщего мира», говоря об отношении римской курии к польскому национально-освободительному движению, пишет о ложном применении религиозных принципов, вытекающих из соединения церкви с государством и политикой, и даже требует отделения церкви от государства: «Отделение церкви от государства является безусловно необходимым для общественного блага».

В общем можно сказать, что в период национальных восстаний папство скорее стояло именно на стороне государств, разделивших между собой Польшу, на стороне польской аристократии, требуя от польской иерархии и всего духовенства покорности по отношению к иностранным властям, защиты интересов церкви любой ценой и осуждения всех тех ксендзов-патриотов, символом которых был повстанец — ксендз Бжужка, т. е. тех, кто брался за оружие в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Я обращаю внимание на политику папства еще и потому, что до настоящего времени кое-где раздаются голоса, утверждающие, что Ватикан в период восстаний не был в состоянии поддержать борьбу польского народа, что, дескать, он поддерживал его морально и т. д. Это имело место, в частности, и на последнем Международном конгрессе историков в Вене в сентябре 1965 г., где историки — представители апостольской столицы (так же как и известный нам О. Халецкий) пытались представить политику Ватикана в период национальных восстаний как политику, поддерживающую поляков морально, «так как иначе невозможно было поддержать польский народ», потому что якобы папа не мог вмешиваться в военную и политическую игру. Следует отметить, что не только польские историки возражали представителям апостольской столицы, указывая на то, что папа Пий IX решительно выступал против всех проявлений демократии.

* * *

Усиливающаяся во второй половине XIX в. варварская волна германизации не дала никаких результатов, несмотря на политическое насилие, идеологический натиск и миллионные затраты. Польский крестьянин выступил против выкупа земли, устоял перед различными формами экстерминации; устояли польская интеллигенция, польские ремесленники и рабочий класс. Бисмарк и его преемники должны были признать, что они потерпели поражение. Польская историческая наука не скрывает, что

польское духовенство на землях, захваченных Пруссией, показывало примеры мужества в борьбе с германизацией, в защите всего польского, в том числе и католической церкви. Польский народ отстаивал свои традиции, католическую веру — веру своих предков, и только благодаря твердой позиции польского народа в Верхней и Нижней Силезии, в Великой Польше, Вармии и на Мазурах польский язык остался языком церковного богослужения. Но это была борьба в защиту не только религии, но и политических прав польского народа. Католическая церковь вышла победительницей, так как была с народом и народ ее поддерживал в справедливой борьбе с угнетателями. Но известны также факты сотрудничества польского католического духовенства с немецкой церковью и правительственными властями в подавлении социалистического движения в Германии и на польских землях, того движения, которое несло на своих знаменах лозунги социальной справедливости и освободительной борьбы. А католический, мелкобуржуазный «Орендовник» Шиманьского, не колеблясь, исполнял роль доносчика на польских революционеров в 80-е годы XIX в. Это было в период «Гакаты». О таких фактах ни слова нет у папы Льва XIII, который никогда не выступал в защиту Польши и польских католиков, преследуемых прусским правительством. Самыми важными для Ватикана были тогда интересы церкви, а не защита польских католиков в Верхней и Нижней Силезии, Великой Польше и на Поморье. Немецкая католическая и протестантская церковь в те годы действовала заодно с прусским правительством против поляков.

Во время первой мировой войны как Антанта, так и центральные державы стремились использовать польский вопрос в своих великодержавных интересах. Ватикан не хотел даже выразить симпатии по отношению к полякам и польскому вопросу. Только свержение царизма и победа социалистической революции в России, а затем революция в Германии и Австро-Венгрии позволили польскому народу обрести собственное, независимое государство. Этот факт имел огромное значение для развития народа, дал ему возможность пойти по пути развития собственной экономики и культуры. Однако буржуазно-помещичьи силы, определяющие классовый характер возрожденного польского государства, продолжали далее экспансию на восток, что вызвало вооруженный конфликт с Советской Россией.

В результате войны 1920 г. в границах Польши оказались обширные территории, заселенные в большей части дискриминированными в национальном отношении украинцами и белорусами, что ослабляло внутреннее единство Польского государства. Восточная экспансия затруднила возврат исконных западных земель и получение более широкого выхода к морю. Три вооруженных восстания силезского народа решили вопрос о возвращении Польше части Верхней Силезии, вопреки позиции немецких и английских капиталистов, Ватикана и немецкой церковной иерархии в Силезии. Аналогичное значение имело также восстание в Великой Польше. Однако за границами Польши оставались земли, заселенные сотнями тысяч поляков, подвергавшихся германизации.

В результате реакционной и антисоветской политики санационных правительств возросла угроза независимости Польши. Санационное правительство отвергало концепцию коллективной безопасности, облегчая тем самым государствам фашистской оси реализацию их агрессивных целей, и даже перед лицом непосредственной опасности со стороны III рейха ограничилось гарантиями со стороны Англии и Франции, отказавшись от военной помощи со стороны Советского Союза. В результате Польша осталась одинокой перед лицом вторжения гитлеровских войск. Не только была утрачена национальная независимость, но и поставлено под угрозу само физическое существование народа. В экстремистской политике III рейха

активное участие принимал также немецкий епископат, участвуя в физическом уничтожении части польского духовенства. Пий XII, несмотря на то, что он располагал информацией об экстремистской политике в отношении к полякам, ни разу за время второй мировой войны не осудил гитлеризм. Перед лицом угрозы всеобщего уничтожения польский народ развернул национально-освободительную войну, которая героически велась силами сопротивления в стране и польскими воинскими формированиями в СССР и на Западе. Программу действий, отвечающую национальным и социальным интересам, сформулировала и постепенно проводила в жизнь Польская рабочая партия и сотрудничающие с ней левые социалисты и левые. Вместе с ними ППР создала Крайову ряду народов, а затем Польский комитет национального освобождения.

Левые силы во главе с ППР в период гитлеровской оккупации развернули борьбу в стране и в эмиграции за возвращение западных земель в соответствии с традициями борьбы польского народа. Они заявляли: «Сегодня борьба за сильную Польшу — это борьба за то, чтобы эта новая Польша включила в себя все земли, заселенные поляками, чтобы она объединила всю польскую нацию, как наших братьев на западных землях, подвергающихся в настоящее время жестокой германизации, так и братьев на территории „Остланда“. Мы верим, что как необходимость дружеского соседства с братскими белорусским и украинским народами, так и понимание польского вопроса в СССР приведет к тому, что проблема наших восточных границ найдет свое справедливое решение». Программа ППР и СПП по вопросу восточных границ исходила из принципа установления этнографических границ Польши, что создавало благоприятные условия для нормализации польско-советских отношений и ликвидировало национальные конфликты, разрывавшие и ослаблявшие единство польского государства в 1918—1939 гг. Естественно поэтому, что уже в период второй мировой войны линия Керзона стала предметом обсуждения на конференциях в Москве, в Тегеране, а затем в Ялте. Окончательное признание линии Керзона в качестве основы при установлении восточной границы народной Польши произошло в Потсдаме. Сила польского народа, говорилось в воззвании ППР от 1 V 1943 г., заключается в исконно польских землях, на которых на заре истории жил польский крестьянин, а позднее польский рабочий. Историческая справедливость восторжествовала, когда Потсдам утвердил западную границу Народной Польши. Эти земли, как и независимость, польский народ приобрел в ходе тяжелой борьбы против гитлеровских захватчиков; под знаменами антифашистского и демократического фронта борьбы отдавали свои жизни партизаны и солдаты, рабочие и крестьяне, представители трудовой интеллигенции, юноши и старики, демократы и революционеры в рядах Гвардии Людовой, а позднее Армии Людовой, РППС, Батальонов хлопских, Армии Крайновой, Польской армии, сражавшейся плечом к плечу с Красной Армией, а также Польской армии на Западе. Красная Армия была той решающей силой, которая вернула Польшу свободу и независимость. Осуществились мечты польских и русских революционеров XIX в.

Поляки вышли из этой войны окровавленными, но победителями, а не «побежденными и проигравшими», как это пытались представить польские епископы в своем послании немецким епископам. Современная Польша — это богатое государство, государство сильное, государство, которое обретает свою мощь в возвращенных навсегда Западных и Северных землях. Поляки сильны силой социалистического лагеря, силой постоянных и братских союзов с Советским Союзом и другими странами народной демократии. Они сильны еще и потому, что пришли к единодушию с Германской Демократической Республикой.

Постоянный союз польского и немецкого народов возможен. Этот союз Польша реализует с ГДР в каждодневной заботе об общем благе, опираясь на дружбу и признание границы по Одере и Нейссе. Политический реализм требует широкого взгляда на современное состояние польско-немецких отношений. Следует помнить, что существуют два немецких государства: ГДР, которая граничит с Польшей, и ФРГ, которая граничит с ГДР. Каждый здравомыслящий поляк осознает, что для Польши, как говорил Владислав Гомулка, уже не существует проблемы границы по Одере и Нейссе, а прежде всего существует проблема мира. Именно поэтому вопрос польско-немецких границ рассматривается и может рассматриваться только и исключительно с польской точки зрения, а не с точки зрения националистически немецкой или универсально-католической. Ответ на вопрос о границах Польши на западе в первую очередь дает нам история. Территория между бассейнами Одера и Буга должна рассматриваться как нераздельная территория. Этой территорией может владеть только один политический организм — Народная Польша. Исторические права Народной Польши на Северные и Западные земли основываются на том, что: а) эти земли всегда были заселены славянскими, а не германскими племенами; они были ближе польскому народу с точки зрения языка и культуры; б) с начала польской государственности они принадлежали польским Пястам и были обращены в христианство Польшей, а не Германией; эти земли были захвачены путем экспансии, немецкой агрессии; в) претензии, основывающиеся на договорах и оккупационных актах, осуществленных путем насилия, предательства и обмана, не могут рассматриваться как законные, так как они сами были незаконны; г) польский народ на этих землях, несмотря на германизацию, в течение двух последних веков не покорился насилию и в течение всего этого времени боролся за свои права, за польскую культуру, польский язык, боролся за право воссоединения с родиной.

Торжества по поводу 1000-летия, проходящие в Народной Польше, являются символом новых времен, новых идей, а также продолжением лучших, прогрессивных, революционных традиций. Поляки сделали все выводы из исторического прошлого. Польская нация, объединенная вокруг ПОРП, вступила во второе тысячелетие своей истории с большими достижениями. Дело чести поколений, которым досталась роль совершить победоносную социалистическую революцию и создать Народную Польшу, идти вперед в братской дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами и всем международным рабочим движением в борьбе за прогресс и социализм.

Е. П. ЛЬВОВА

БОЛГАРСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Изобразительное искусство Болгарии 20—30-х годов нашего столетия давно уже привлекает внимание болгарских критиков, искусствоведов, писателей, общественных деятелей. О болгарских художниках, своих современниках, писали Т. Павлов, О. Василев, К. Кюлявков; статьи, посвященные вопросам искусства, появлялись в «РЛФ» («Работнически литературен фронт»), еженедельнике «Литературен глас», изданиях «Златорог», «Кормило», «Ведрина» и во многих других газетах и журналах. Первая книга о болгарском изобразительном искусстве конца XIX и первых десятилетий XX в. вышла уже в 1933 г. Это был солидный труд А. Протича «50 години българско изкуство». В 40—60-е годы увидели свет и другие книги¹, посвященные искусству Болгарии, но нет еще ни одной специальной обобщающей работы, в которой было бы проанализировано изобразительное искусство 20—30-х годов во всей его сложности и многогранности. В этой области многое еще предстоит исследовать. Задача нашей статьи — попытаться рассмотреть основные процессы, происходившие в болгарском изобразительном искусстве тех лет, выделить наиболее крупных художников, не претендуя на исчерпывающее исследование этого сложнейшего периода в истории искусства Болгарии.

Развитие болгарского искусства неотделимо от тех значительных общественных событий, которыми отмечены первые десятилетия XX века (трагические последствия первой мировой войны, огромное влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции, Сентябрьское восстание 1923 года и последовавшие вслед за его подавлением репрессии). В 20-е годы в искусстве все четче дают себя знать два мировоззрения — пролетарское и буржуазное. Противоречия между ними выясняются в довольно сложной обстановке: многочисленные общества художников, самые различные формы выражения — иногда усложненно-зашифрованные, символические, а порой обнаженно-ясные, декларативные; некоторые художники проходят сложный путь ломки воззрений.

В это время живут и работают И. Мырквичка, А. Митов, И. Ангелов, А. Николов — создатели портретов и жанровых, бытовых произведений, художники, связанные с критическим реализмом XIX века. В портретах и городских пейзажах их учеников и последователей, художников-реалистов Ц. Тодорова, С. Иванова, Н. Петрова намечаются уже новые ка-

¹ Н. М а в р о д и н о в. Новата българска живопис. София, 1947; Л. Б е л м у с т а к о в. Реализъм в новото българско изкуство. София, 1949; А. Б о ж к о в. Българска революционна графика. София, 1956; Д. О с т о и ч. 15 години българско изобразително изкуство. София, 1959; Н. Ш м и р г е л а. Българска скулптура. София, 1961; А. Б о ж к о в. Българско изобразително искусство. София, 1964.

чества. Они вносят в свое искусство элементы психологического анализа, мягкой меланхоличности, печального раздумья.

Характерно для того периода противоречивое творчество Н. Михайлова и Б. Георгиева. Н. Михайлов известен своими ранними убедительными портретами выдающихся болгарских писателей — И. Вазова, П. Тодорова. Позже он приобретает славу модного официального портретиста в странах Западной Европы и в США. Многочисленные портреты Н. Михайлова, как правило, не воссоздают характера человека, художник и не стремится его воссоздать, зато он блестяще изображает шелка, драгоценности, меха в портретах финансовых воротил Европы и Америки, сановников и их жен. Ловкость исполнения портретов Н. Михайлова, салонная слащавость и натуралистическая холодность — показатель духовного оскудения художника. «Я рисую очень быстро, этому меня научила Америка», — небрежно заявил Н. Михайлов в одном из своих интервью². Он писал свои произведения на заказ, буквально сотнями, не брезгуя даже портретами фашистских заправил, которых изображал как героев современной жизни.

Б. Георгиев — ученик Н. Рериха, живший в начале 900-х годов в Петербурге. Впоследствии они встречались на Гималаях, и Георгиев неоднократно писал об этих встречах³.

Если Н. Михайлова вполне устраивает антураж его высокочтимых заказчиков, то Б. Георгиева мучает постоянная неудовлетворенность, безуспешные поиски высоких идеалов и подлинных героев. В погоне за вдохновением он скитается по всем странам мира. По справедливому замечанию Н. Мавродинова, в его произведениях особенно сильно сказалось влияние мастеров раннего итальянского Возрождения и мюнхенского сецессиона⁴. Болгарские авторы склонны трактовать Б. Георгиева как явление исключительное, как творца, сумевшего подняться над житейской суетой, утвердившего «силу духа над материей, красоту как добро»⁵. Стремление Б. Георгиева (автора документально-точных портретов многих общественных деятелей, ученых, писателей; среди них — Р. Тагор, М. Ганди Д. Неру и др.) воссоздать облик совершенного, цельного человека, поиски «духовного убежища» в культуре древних цивилизаций, были вызваны трагическим ощущением утраченного равновесия, потерянной гармонии. В символических картинах Б. Георгиева выражено стремление вырваться из действительности, противопоставив ей некие отвлеченные идеалы, и вместе с тем во многих из них очевиден надлом, болезненность. А нередко вместо ненайденных идеальных героев на полотнах Б. Георгиева появлялись сановные лица, принцессы, представители знати и духовенства разных стран. Такого рода портреты в чем-то невыгодно сближают Б. Георгиева с Н. Михайловым (несмотря на все их несходство). Б. Георгиев, стремясь подняться над событиями, далеко не всегда умел находить в жизни подлинных героев, и свидетельство этому — героизированный образ фашиста Барнаба, созданный художником в годы разгула фашистской реакции.

² «Един час при знаменития български художник Никола Михайлов». — «Литературен глас», София, 1935, № 267.

³ В 1930 г. в Болгарии было организовано «Общество друзей музея Рериха». Узнав об этом, Н. Рерих обратился с «Посланием к болгарским друзьям» («Литературен глас», 1934, № 194). Там же опубликована специальная корреспонденция Н. Рериха из Гималаев «Червен кръст на културата».

⁴ Н. М а в р о д и н о в. Новата българска живопис, стр. 66—67.

⁵ Оценки работ Б. Георгиева см., например, у А. Протица «50 години българско изкуство», София, 1933, стр. 214, 232, и в статьях С. Митова, Ж. Нуриджана, В. Иванова, К. Георгиева — «Литературен глас», 1934, № 240; 1932, № 149; 1937, № 337.

В. Захариев. Старый базар в Самокове

Мы остановились на творчестве Б. Георгиева с его крайним индивидуализмом, потому что оно во всей сложности показывает один из путей, по которым шли буржуазные художники, по-разному определявшие свое место в жизни. Эти пути часто заводили их в тупик. Интересно отметить, что в Болгарии не нашли успеха реакционные художники — представители школ антиреалистических направлений, хотя буржуазные журналы предоставляли место для популяризации всех «сверхмодных модернистских течений в искусстве»⁶. Попытки пропаганды формализма — сюрреализма, футуризма, экспрессионизма — встретили в Болгарии равнодушный прием или откровенную отповедь. Такая участь постигла здесь, например, итальянского футуриста Маринетти и парижанина Папазова, уроженца Болгарии, устроившего в Софии выставку своих сюрреалистических произведений⁷.

В эти годы в Болгарии целая группа художников разрабатывает подчеркнуто исконные, народные образы и мотивы. Темы современной жизни переплетаются в их произведениях с фольклорными или полуфантастическими образами. Порой это приводит к упрощению и нарочитой стилизации, но многие художники творчески решают проблему. Некоторые болгарские критики склонны связывать это направление в искусстве с влиянием русских художников — Врубеля, Билибина, Рериха⁸ и с об-

⁶ «Златорог», 1935, № 6,7 (статья Г. Папазова); 1934, № 5 (статья Сирака Скитника о выставке Г. Папазова).

⁷ См. Н. М а в р о д и н о в. Новата българска живопис, стр. 76; А. П р о т п ч. 50 години българско изкуство, стр. 109; «Кормило», 1935, № 4; «Литературен глас», 1931, № 119.

⁸ См. А. Б о ж к о в. Болгарское изобразительное искусство, стр. 83; Н. М а в р о д и н о в. Новата българска живопис, стр. 70.

ращением к эпохе болгарского Возрождения. Важно отметить, что для Болгарии традиции национального возрождения (а именно к этому периоду чаще всего тяготеют художники) — это не архаические формы далекой культуры, отдаленной от современности столетиями, а наследие недавнего героического прошлого.

В графике эта тенденция выразилась особенно определенно в творчестве талантливых художников, которые обратились к иконе, гравюре эпохи болгарского Возрождения. Старинные церкви, монастыри, часовни, архитектура Пловдива и Самокова были в центре внимания выдающегося болгарского графика, мастера гравюры на дереве, Васила Захариева (род. в 1895 г.). Он создал в эти годы ряд работ, форма которых навеяна самоковскими гравюрами. Искусство болгарского Возрождения вдохновляло и Н. Райнова (1889—1953). Повышенный интерес к народным образам, к темам народной жизни по своему воплотился в творчестве скульптора И. Лазарова — его увлечение стариной не ведет к стилизации, но является здоровой основой, на которой вырастают полные жизненной мощи и силы, а порой юмора и задора образы болгарских крестьян. Его «Плачущие женщины» (1923) и «Смеющиеся крестьянки» (1926) отражают целую гамму сложных переживаний, полноту человеческого существования. А. Божков справедливо отмечает: «...произведения эти не подписаны социальными заголовками — они социальны по существу»⁹.

И. Лазаров. Грусть

Влияние средневековой и возрожденческой гравюры своеобразно коснулось и живописцев. В этот период создают свои полотна Цанко Лавренов¹⁰, Иван Милев (1893—1927), Пенчо Георгиев (1900—1940) и другие художники общества «Родное искусство», основанного в 1919 г.

В творчестве И. Милева социальная острота, стремление к национальной теме и форме уживаются с элементами символизма, оказавшего на художника сильное влияние. Многие произведения И. Милева отличаются декоративностью, сказочной поэтичностью, особенно его работы для театра. Однако самыми значительными в его творчестве были картины и рисунки, посвященные событиям Сентябрьского восстания 1923 года. В своей работе «Сентябрь 1923 года» (1926) художник изобразил болгарского крестьянина — участника восстания, в момент прощания с женой и ребенком. В болгарском искусстве есть немало картин, скульптур и рисунков на аналогичную или близкую тему. Но в работе И. Милева с особенной силой подчеркнут драматизм момента — скорбная фигура женщины, словно замершей в печали, и сильная, приземистая фигура мужчины, уходящего в бой, не детализированы, переданы обобщенно и лаконично, что придает им осо-

⁹ А. Б о ж к о в. Болгарское изобразительное искусство, стр. 107. Иную оценку творчества И. Лазарова дает Л. Белмустаков в книге «Реализмът в новото българско изкуство», стр. 136—139. Он приписывает И. Лазарову идеалистическую, утопическую точку зрения на народную жизнь и пишет об отсутствии в его работах социальной характеристики.

¹⁰ О специфике работ Ц. Лавренова и о картинах художника, связанных с национальными традициями, пишет М. Цончева в монографии «Цанко Лавренов», София, 1958.

С. Венев. Профессорам необходимо обеспечить свободное чтение лекций

бую выразительность. «Сельская мадонна» (1925) — плачущая крестьянка с ребенком — и многие другие работы И. Милева отражают безрадостное настроение, овладевшее художником после подавления Сентябрьского восстания.

Близок по мироощущению к И. Милеву его современник П. Георгиев. Темы его произведений те же, что у Милева, — болгарское крестьянство, его традиции, обряды. Художник остро видит крушение патриархального быта в деревне. Одна из его картин «Задушница» (обряд оплакивания, ежегодные поминки на кладбище) посвящена той же теме, что и одноименная картина И. Мырkvички. Всего четверть века разделяют две картины, но видно, что эта четверть века развеяла патриархальные иллюзии, вдохновлявшие старшее поколение художников. Для Мырkvички традиционный обряд — это сцена народного быта, полного повседневных забот и радостей, в основе своей гармоничного. Он изображает крестьянок в солнечном, радостном пейзаже — и не кладбищенским холодом, а утверждением жизни веет от его «Задушницы». Для П. Георгиева этих иллюзий уже не существует. Он словно вплотную к зрителю подводит изнуренных крестьянок в трауре, которые оплакивают своих близких, павших в сентябре 1923 года. Три женских лица воплощают в себе три человеческих состояния — печальную задумчивость, глубокое отчаяние и гневную решимость. Цвет в картине «Задушница» особенно выразителен: преобладают коричневые, охристые, терракотовые оттенки — краски иссушенной, исстрадавшейся земли; зелено-оливковый стол служит акцентом композиции. Та же внутренняя значительность, уважение к жиз-

ни крестьянина есть и в другой картине П. Георгиева — «У одра», изображающей смерть бедняка.

Было бы неверно, основываясь на внешней непохожести, на различии форм художественного воплощения, противопоставлять творчество живописцев конца XIX — начала XX в., посвятивших себя крестьянскому жанру, художникам нового поколения. Первые-де тяготели к этнографическим подробностям (но их «этнографизм» не был внесоциальным!), а вторые сумели преодолеть повествовательность и пришли к большому обобщению в содержании и форме выражения¹¹. На самом деле была общность, преемственность, было продолжение традиций реалистического искусства Болгарии.

Разумеется, это не означает, что художники нового поколения не были связаны с западноевропейскими школами, с русским искусством. Связи эти существовали, касались творчества таких художников, как Г. Попов, К. Цонев, П. Танев, Сирак Скитник и др. Так, Панайот Тодоров (1884—1943), известный под псевдонимом Сирак Скитник, учился в Петербурге (1908—1912) и создал ряд интересных картин — городских пейзажей, посвященных Петербургу и старым болгарским городам¹². Ученик Добужинского¹³, Сирак Скитник испытал и сильное влияние экспрессионизма западных мастеров. В своих картинах и цветом, и самим мазком он стремился передать внутреннюю динамику, движение материи и ее форм. Участие Сирака Скитника на многих выставках неоднократно отмечалось в современной печати. Оценки эти довольно противоречивы¹⁴. Значительна деятельность Сирака Скитника в журнале «Златорог». На его страницах он систематически печатал свои статьи теоретического плана, обзоры художественных выставок, театральных постановок.

Отстаивая формалистические увлечения западных буржуазных художников и пытаясь их теоретически оправдать (наиболее характерны в этом смысле статьи Сирака Скитника о творчестве сюрреалиста Г. Папазова, а также апологетические статьи Н. Мавродинова, касающиеся заслуг новой школы французского искусства), «Златорог» в то же время много писал и о путях развития современного искусства Болгарии: невозможно было умолчать о рождении нового пролетарского искусства, определившего судьбы национальной художественной культуры.

В болгарское искусство входит образ революционного пролетария, сначала романтический и героизированный, потом конкретный и реалистический. Этому способствовала непосредственная близость пролетарских художников к общественной жизни, участие их в революционной борьбе.

¹¹ Такую оценку мы найдем, например, в статье Б. Иванова «Стоян Сотиров» — «Искусство», 1963, № 6.

¹² Творчество и критическая деятельность Сирака Скитника были затронуты А. Притчев в его книге «50 години българско изкуство», стр. 147—156. Л. Белмустанков не дает анализа произведений Сирака Скитника, но его художественно-критическую деятельность неоднократно приводит как пример формализма и эстетства в искусстве (цит. соч., стр. 108). Такую же оценку см. в кн.: Б. Райнов. Проблеми на изобразителите изкуства. София, 1950. Несколько иной оттенок носит лаконичная оценка деятельности Сирака Скитника в книге А. Божкова «Болгарское изобразительное искусство», стр. 111. Автор пишет, что Сирак Скитник «выработал собственный высокий критерий, который он отстаивал как в своем творчестве, так и в многочисленных критических статьях», не уточняя, однако, каков именно был этот критерий.

¹³ В отделе рукописей Государственного русского музея сохранилось стихотворение Сирака Скитника, написанное в 1911 г., — «В каменля град», собственноручно подписанное автором и посвященное М. Добужинскому. См. отдел рукописей ГРМ, ф. 117, Ф. Ф. Нотгафта, ед. хр. 178.

¹⁴ См., например, Н. Мавродинов. Новата българска живопис, стр. 65; С. Митов. «Литературен глас», 1935, № 281.

Значительное место в болгарской художественной культуре 20-х — начала 30-х годов занимала графика, в ней ранее всего проявилась антиимпериалистическая, антифашистская тенденция. В 1919—1923 гг. выходил редактируемый К. Кюлявковым и Х. Ясеновым юмористический журнал «Червен смях» («Красный смех»), в котором сотрудничали художники А. Жендов, С. Венев, К. Кюлявков, И. Милев, Г. Писков и многие другие авторы карикатур и рисунков на самые злободневные темы. Языком искусства журнал пропагандировал идеи коммунизма, братской дружбы с советским народом, бичевал империалистические круги Запада. Огромное значение журнала заключалось и в том, что он был центром, который объединил прогрессивных художников, особенно творческую молодежь¹⁵.

В эти годы укрепляется творческое сотрудничество между болгарскими и советскими художниками. Один из наиболее активных общественных деятелей, художник и писатель Крум Кюлявков был послан Коммунистической партией Болгарии в Москву делегатом III съезда Коммунистического Интернационала, имел возможность встретиться с Горьким, Есениным, Безыменским, Брюсовым, а во время эмиграции в Советский Союз сблизился с Моором, сотрудничал в журнале «Безбожник» и в ряде газет.

Боевая целеустремленность характеризовала работы молодых художников, закалявшихся в борьбе с цензурой и полицией. Реакционные власти организовали наблюдение за А. Жендовым, К. Кюлявковым, вынудили их эмигрировать, арестовали и убили талантливых молодых художников Г. Пискова, Д. Грынчарова¹⁶. Но начавшаяся борьба не могла прекратиться — прогрессивные газеты, журналы Болгарии имели многотысячную аудиторию, острые карикатуры метко били в цель. Авторы целого ряда таких рисунков не установлены, но можно с полным правом говорить об идейно-художественном единстве коллектива художников, создававших сатирические, злободневные вещи, а также символически-обобщающие композиции.

Подавление восстания 1923 года не смогло даже на самое короткое время парализовать творческие силы пролетарских художников. В 1924—1925 гг. издавалась газета «Звънар» («Звонарь»), где вместе с К. Кюлявковым и А. Жендовым сотрудничал И. Бешков, один из наиболее талантливых и значительных графиков Болгарии. Уже не художники-одиночки, а целое новое художественно-политическое направление определяет в этот период задачи и характер искусства. Все это подготовило победу нового мировоззрения, новых форм в искусстве.

Именно в 30-е годы определяется «почерк», графический стиль С. Венева. Он со знанием дела изображал жизнь болгарского села, быт крестьян; высмеивал попов и сельских богачей, банкиров и буржуазию, помещая своих «героев» в самые неожиданные ситуации, показывая их физическое уродство и вырождение («Банщики», «Безработица и ее причины», «Трудная задача» и др.). За свои работы Венев подвергался неоднократным преследованиям реакционных властей, его привлекали к суду, работы его снимались с выставок. Венев давал активный и серьезный социальный анализ явлений через внешне, казалось бы, безобидный сюжет, сценку из народного быта. Такие карикатуры, как «Профессорам необходимо обеспечить свободное чтение лекций» (1931), «Красный аист» (1937), высмеивают буржуазные порядки, страх перед революцией. Для творческой

¹⁵ См. К ю л я в к о в. На нов етап. София, 1954, стр. 5—6.

¹⁶ Анализ творчества прогрессивных художников журнала «Червен смях» см. А. Б о ж к о в. Болгарская революционная графика, стр. 26; е г о ж е. Художници-антифашисти. София, 1956, стр. 7—57.

И. Фунес. Третий класс

манеры Венева характерно использование фольклорных мотивов, сочетание реального с фантастическим. Он мастерски владел графически тонкими, острыми линиями, которые легко и точно передавали движение, воссоздавали характер.

В 30-е годы расцветает творчество А. Жендова (1901—1953), И. Бешкова (1901—1958), Б. Ангелушева (род. в 1902 г.). Работы А. Жендова отличает острота политического обличения, актуальность тематики. Его рисунки, броские и содержательные, были обращены к событиям внутри страны («После выборов», «Свобода печати» и др.) и за ее рубежами. В карикатуре «Не ссорьтесь, господа, пока не справились с общим врагом»

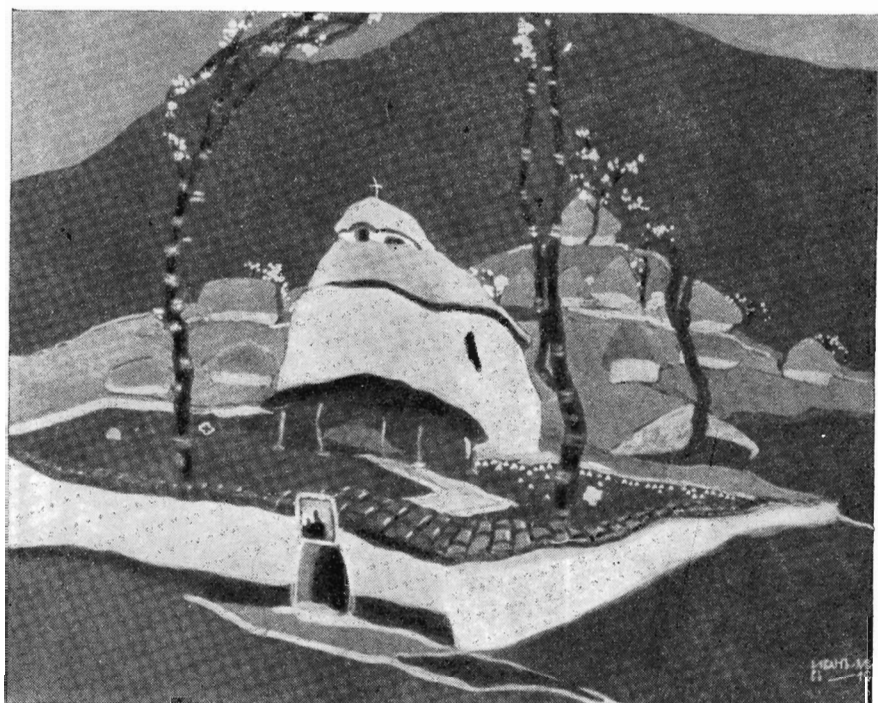
1936

И. Бешков. Испанская хроника

(1931) А. Жендов противопоставляет могучую фигуру красноармейца, охраняющего социалистическое строительство от натиска международной реакции, — кучке капиталистов, готовящих нападение на СССР. Четко построенные рисунки Жендова обычно сочетают черно-белые планы с резко, смело очерченным контуром, придающим особую остроту и динамику изображению.

Важное место в болгарском искусстве занимает творчество Илии Бешкова, автора блестящих, артистических рисунков, карикатур и иллюстраций. И. Бешков нередко приводил в тупик цензуру, которая, по словам самого художника, «берегла себя и власть» от его карикатур. Цензура могла запретить рисунки Бешкова, но не могла лишить их популярности. Острые, порой драматические рисунки художника из его испанской серии были протестом против насилия и звали к отмщению. В своих работах художник использовал лучшие традиции европейской графики. Как и другие прогрессивные художники Болгарии, Бешков подвергался преследованиям полиции, но ничто не могло сломить его воли.

Художник создал целую серию остро обличительных карикатур, в которых раскрывал реакционную политику правящих кругов Болгарии, бичевал царскую фамилию, фашистского заправилу Цанкова («Ответ

И. Милев. Село

на тронное слово», 1931 г.; «Царь путешествует по Европе», 1933 г.). Работая пером, кистью (тушь, акварель), художник достигал блестящих результатов в пластическом решении своих карикатур. В его работах всегда остро схвачены элементы природы, которые преобладают над условностью, но при этом карикатуры Бешкова остаются карикатурами со всей спецификой этого жанра.

Работы Б. Ангелушева¹⁷ наглядно раскрывают звериное лицо фашизма. Гротеск сочетается в них с реалистическими образами. Все в рисунках Ангелушева построено на сопоставлениях черных пятен с силуэтным тонким рисунком.

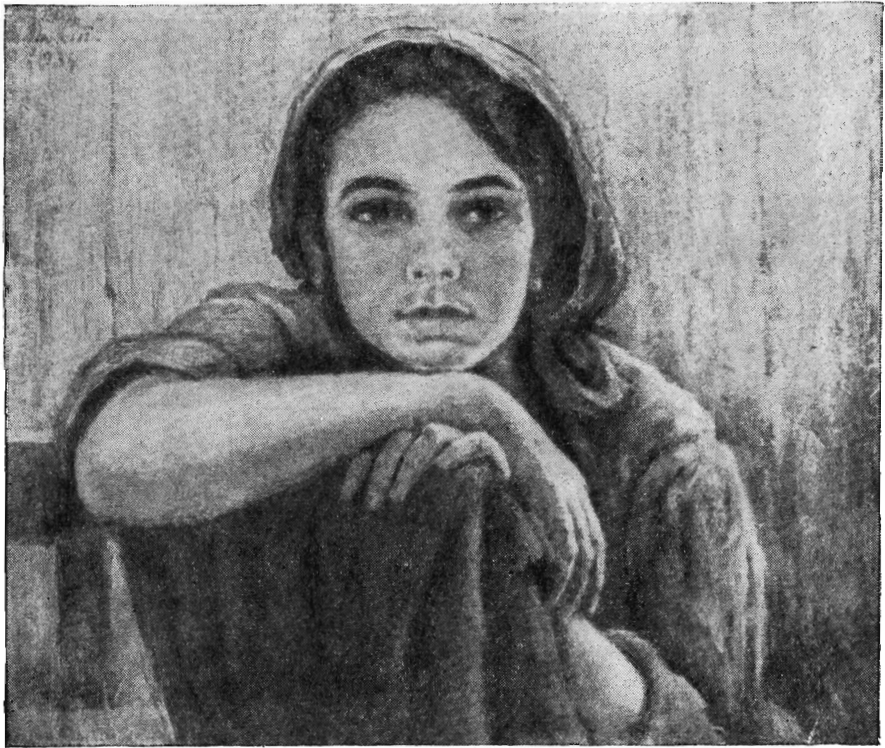
В 1931 г. было организовано «Общество новых художников», объединившее прогрессивных художников А. Жендова, И. Фунева, С. Сотирова, С. Венева, Н. Шмиргела, П. Младенова и других живописцев, скульпторов, графиков. Их программой стал «новый художественный реализм» (подразумевался социалистический реализм, но по цензурным соображениям этот термин не мог быть использован). Многие художники Общества сотрудничали в партийных изданиях, газетах и были членами Коммунистической партии Болгарии¹⁸. В 1935 г. Н. Шмиргела, один из организаторов Общества, выступил с докладом «Художественный реализм», в котором излагалась творческая программа Общества.

Первая выставка Общества носила название «Первая болгарская выставка, решительно ориентирующаяся на трудящиеся массы»¹⁹. Вы-

¹⁷ См. Т. Мангов. Борис Ангелушев. София, 1961.

¹⁸ См. А. Обретенов. Върху развитието и проблемите на нашето социалистическо изобразително изкуство. — «Известия на института за изобразително изкуство», кн. III, 1960.

¹⁹ «РЛФ», 1933, № 126.

Х. Станчев. *Служаночка*

ставлявшиеся в последующие годы произведения членов Общества привлекали постоянный интерес болгарской общественности, о них писали газеты и журналы различных направлений²⁰.

Прогрессивные болгарские художники 30-х годов пришли к новому пониманию красоты человеческой личности; в их произведениях героическое и возвышенное выступает рядом с трагическим и уродливым, а критическая линия нередко переплетается с поэтической. Прогрессивное болгарское искусство 30-х годов словно пронизано светлым и чистым порывом в будущее; верой в человека отмечены портреты и жанровые композиции в живописи и скульптуре при всем разнообразии их пластических решений, творческих индивидуальностей авторов. Пролетарий трактовался болгарскими художниками не как страдалец, жертва капиталистической эксплуатации, а как мужественный, сильный духом, и главное, сознательный человек, полный чувства собственного достоинства, истинный хозяин жизни. Образы новых героев современности создали в своих картинах Н. Балканский («Рабочая семья»), С. Сотиров («Обед»); им близки скульптурные композиции и портреты И. Фунева, И. Лазарова, В. Эмануйловой.

Для произведений этих художников типична особая острота и экспрессивность движения, необычность композиционных решений. Герои кар-

²⁰ См., например, «Златорог», 1933, № 6; 1934, № 5; 1937, № 4 (статьи и обзоры Сирака Скитника); «Литературен глас», 1933, № 197 (статья С. Митова о выставке Венева и Фунева); 1934, № 235; «Кормило», 1935, № 2; «Българска печат», кн. I, 1932. О том, с каким вниманием относились к Обществу представители «РЛФ», пишет В. Колевски в книге «„РЛФ“ — борец за партийна литература», София, 1964, стр. 110—112.

В. Димитров-Майстора. Мать

тин, скульптурных композиций 30-х годов неизменно действенны — они трудятся, участвуют в нелегальных собраниях, стачках.

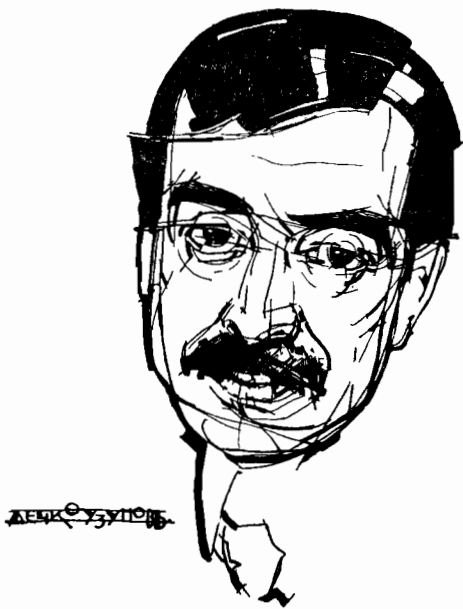
В середине 30-х годов многие болгарские художники обращают особое внимание на портрет. Скульптурные портреты, созданные И. Лазаровым, М. Марковым, В. Эмануйловой, И. Фуневым, отличаются высоким мастерством исполнения, глубиной и психологической правдивостью. В портретах рабочих, писателей, ученых, артистов, студентов, общественных деятелей, в детских и юношеских характерах, воплощенных скульпторами Болгарии 30-х годов, можно безошибочно найти черты, роднящие их с образами революционной болгарской поэзии и живописи. В них воссоздан светлый, богатый и сложный духовный мир людей новой эпохи, овеянных романтикой нелегкой борьбы. Болгарские скульпторы ищут лаконичные, простые, убедительные художественные формы, интересные, живые композиционные решения (И. Фунев, Л. Далчев, И. Лазаров).

Для болгарского искусства 30-х годов в целом характерно стремление к углублению традиционных тем и жанров, в частности крестьянской темы, всегда занимавшей значительное место в болгарском искусстве (Х. Станчев, В. Димитров-Майстора, В. Стоилов, З. Бояджиев). Создаются произведения, правдиво рисующие тяжелый груз болгарского крестьянина («На ниве» Х. Станчева), а также картины, графические произведения, утверждающие силу, нравственную чистоту и цельность характера крестьянина-груженника, его связь с землей, с природой и ее богатствами (В. Димитров-Майстора, В. Стоилов). Поиски художников идут

здесь различными путями, однако каждый раз открывают какую-то новую жизненную грань.

В 30-х годах достигает своего расцвета творчество одного из самых выдающихся болгарских художников-реалистов — Христо Станчева, выступившего с первыми произведениями еще в 90-х годах XIX в. Станчев создает серию болгарских пейзажей. В них нет яркости красок, они

суровы по цвету. Для художника тема земли и тема труда всегда были неразрывным целым; суровый болгарский пейзаж как бы очеловечен, хотя не всегда человек изображен на картинах Станчева. Своеобразно их композиционное построение — главное место неизменно занимает земля, пустынная и мрачноватая, и колорит пейзажей выдержан в красках самой этой земли — приглушенные зеленые оттенки перекликаются с охристыми, коричневатыми и положены они на холст плотным, решительным мазком. В 1934 г. Х. Станчев создает «Служаночку» — обаятельный образ крестьянской девушки, а в 1937 г. картину «На ниве». Эта картина, появившаяся в условиях фашистского режима, имела большой общественный резонанс. Она заставила заговорить о важных, насущных проблемах, показала еще раз силу реалистического искусства.

Д. Узунов. Портрет П. Яворова

Творчество В. Димитрова-Майсторы связано с фольклором, народным искусством. В своих картинах художник стремился подчеркнуть и выразить прежде всего мысль о духовной и нравственной силе болгарских крестьян. Пожалуй, это было его единственным стремлением. «Большим мастером — певцом села, труда, болгарина, человека природы», — назвал В. Димитрова-Майстору Т. Павлов. Он же писал: «Маки, розы, яблоки, виноград, снопы, леса, солнце, тени — все это не натюрморт и не пейзаж, и не искусственный фон для портретов. Без цветов, плодов и снопов крестьяне и крестьянки Майсторы немислимы. Но и обратное — даже когда он создает полотна только с маками и фруктами, полыхающими в неподражаемых тонах, вы чувствуете около них, за ними, в них руку, взгляд и сердце крестьянина и крестьянки»²¹.

Илия Петров создал в эти годы ряд значительных психологических портретов. Его работы вносят много нового в жанр портрета. Яркие психологические характеристики болгарской интеллигенции (включая и автопортрет художника) основаны на глубоком изучении природы, человеческого характера. При всей неповторимой индивидуальности характеров в них есть и много общего — духовное богатство, глубокая сосредоточенность («Евгений», «Цветана»). Это — реальные люди 30-х годов, которых события поставили перед решением трудных вопросов, перед выбором путей в жизни. Портреты эти непосредственно обращены к зри-

²¹ Т. П а в л о в. *Нация и култура*. София, 1940, стр. 4.

Изъ общата художествена изложба

Отъ Алекс. Жендовъ

„Надкласовиятъ“ художникъ и ценителитъ му

А. Жендовъ, Надкласовый художник и его ценители

телю — взглядом, движением изображенные люди словно ведут с ним беззвучную беседу.

Портреты, созданные в те же годы живописцем Дечко Узуновым, казались бы, совсем иные по типу исполнения, но в то же время они имеют общие черты с портретами И. Петрова, раскрывают новые грани человеческих характеров. Живопись портретов Д. Узунова 30-х годов темпераментна и артистична, мазки стремительны, смелы, колорит светел и звучен. В основе его творчества — глубокое и искреннее уважение к человеческой личности. Так же как и И. Петрова, его интересует в первую очередь внутренний мир современника. Он раскрывает какую-то одну, но самую характерную для модели черту, отыскивая ее в движении, позе, выражении лица, и дает зрителю возможность самому «додумывать» остальное. Таковы его «Портрет Н. О. Массалитинова» (1931), «Крстю Сарафов в роли Фальстафа» (1932), «Портрет женщины» (1939). В портретах режиссера Н. Массалитинова и актера К. Сарафова художник связывает образ с обстановкой, атмосферой театра — Массалитинов изображен около макета декорации, в момент, когда он раздумывает о готовящейся постанов-

ке, ищет, творит, и этот момент сосредоточенности, напряженной творческой мысли делает его портрет содержательным и особенно острым.

Мы коснулись темы искусства в искусстве. Хотелось бы подчеркнуть, что в болгарской живописи рассматриваемого периода эта тема не сводилась к портретам лиц, так или иначе причастных к миру искусства. Болгарских художников волновал вопрос о роли живописи в общественной жизни, некоторым из них удалось воплотить размышления об этом в своих полотнах. Так, известный живописец Ц. Лавренов в 1932 г. написал картину «Художник и действительность», привлекая внимание прогрессивной общественности и, к сожалению, утраченную во время войны. На картине изображен художник, рисующий идиллический, безмятежный пейзаж. Вокруг него и его мольберта — люди, избиваемые полицией, брошенные под копыта лошадей. Но художник ничего не видит, кроме красивой тоненькой березки! Трудно себе представить более горькое и выразительное осуждение искусства, исключаяющего себя из жизни, из общественной борьбы! Вспомним, наконец, рисунок А. Жендова «Надклассовый художник и его ценители», появившийся в «Жупеле» в 1931 г. (№ 34).

Прогрессивные болгарские художники 20—30-х годов не мыслили своего искусства вне общественной жизни, ее сложных и острых проблем. Многие из них были боевыми участниками политических событий.

Т. В. ПОПОВА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СИСТЕМАМИ ВОКАЛИЗМА И КОНСОНАНТИЗМА

(на материале болгарских диалектов)

1. Взаимодействие между системами вокализма и консонантизма — одна из центральных проблем фонологии. В самом общем плане решение данной проблемы сводится к определению языка как вокального или консонантного¹. Однако изучение взаимодействия двух звуковых систем не ограничивается только этим. Не менее важным оказывается и исследование некоторых более частных вопросов, способствующее глубокому пониманию этой сложной фонологической проблемы. К таким вопросам можно отнести, в частности, следующие: а) определение фонетических признаков, являющихся дифференциальными для систем вокализма и консонантизма; б) установление всех противопоставлений, характерных для той и другой системы; в) определение характера взаимодействия какой-либо оппозиции фонем одной системы (например, корреляции твердости — мягкости) с различными элементами другой системы (например, с-безударным или ударным вокализмом и т. п.). Только анализ отдельных сторон этой большой проблемы может обеспечить правильное понимание языка как системы, все элементы которой находятся в тесной взаимосвязи. Явления, возникающие в результате взаимодействия вокализма и консонантизма, целесообразно рассматривать в двух аспектах — в синхронном и диахронном.

Указанный круг вопросов имеет большое значение при исследовании проблемы взаимоотношения гласных и согласных в синхронном плане. При диахронном же анализе важно определить характер взаимодействия между гласными и согласными во всем его объеме в различные исторические периоды, поскольку история языка представляет собой как бы определенный ряд синхронных срезов.

2. Несмотря на важность изучения проблемы взаимоотношения между системами вокализма и консонантизма, она до последнего времени почти не изучалась славистами. В фонологических исследованиях, как правило, встречались лишь отдельные замечания, касающиеся взаимоотношений гласных и согласных². Одна из причин, тормозящих изучение данной проблемы, заключается, видимо, в том, что ее «не существовало в тради-

¹ См. А. Исаченко. Опыт типологического анализа славянских языков. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.

² См., например, Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 2, Prague, 1929; Z. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Warszawa, 1958.

ционном языкознании, так как системы гласных и согласных рассматривались изолированно, даже в том случае, когда говорили о влиянии *гласных на согласные и наоборот*»³. И только в последнее время появились работы, в которых специально рассматриваются явления, возникающие при взаимодействии двух звуковых систем.

Глубокому анализу взаимодействия гласных и согласных в древнерусском языке X—XIV вв. посвящена статья К. В. Горшковой⁴. Не прошла мимо этой важной фонологической проблемы и Л. Э. Калнынь, которая рассматривает вопрос о взаимоотношении корреляции твердых и мягких согласных фонем с различными сторонами системы языка и, в частности, с ударным и, что особенно интересно, с безударным вокализмом⁵. На богатом конкретном материале русских диалектов она доказывает положение о том, что состав безударного вокализма зависит не только от позиции безударного слога, но и от соседства твердых или мягких согласных.

3. Современный болгарский язык, который из всех славянских языков отличается, пожалуй, наибольшей диалектной расчлененностью, заслуживает самого пристального внимания с точки зрения характера взаимодействия систем вокализма и консонантизма. Однако данная проблема еще не стала предметом исследования у специалистов по болгарской фонологии и диалектологии. Можно отметить, что почти отсутствуют исследования и по многим другим вопросам фонологии болгарских диалектов. Важность же фонологического аспекта изучения именно в области диалектологии подчеркивал еще Н. С. Трубецкой⁶.

Взаимодействие корреляции твердых и мягких согласных фонем с безударным вокализмом в современных болгарских диалектах как одно из определяющих явлений в отношениях между системами гласных и согласных представляет большой интерес для фонолога. Данная проблема может и должна быть предметом специального изучения, так как наличие противопоставления по твердости — мягкости является характерной чертой восточноболгарского консонантизма, а диалектные системы безударного восточноболгарского вокализма отличаются значительным многообразием. В настоящей статье мы и попытаемся хотя бы частично осветить вопрос о взаимодействии корреляции твердых и мягких согласных фонем и безударного вокализма на материале некоторых современных восточноболгарских говоров. Исследование этого вопроса, как нам кажется, должно способствовать решению общей проблемы соотношения систем вокализма и консонантизма в болгарском языке.

Следует отметить, что болгарский диалектный материал, как опубликованный, так и неопубликованный, в частности материалы I тома «Болгарского диалектологического атласа»⁷, и диалектологические исследования содержат достаточное количество фактов для иллюстрации характера взаимоотношений твердых и мягких согласных фонем с безударным вокализмом. Особого внимания с этой точки зрения заслуживает цен-

³ См. С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 125.

⁴ К. В. Горшкова. Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. «Славянская филология». Сб. статей, вып. 5. М., 1963.

⁵ Л. Э. Калнынь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956.

⁶ N. T r u b e t z k o y. La phonologie actuelle. — «Journal de psychologie normale et pathologique», XXX, 1933.

⁷ «Български диалектен атлас», I. Югоизточна България. Съставен под ръководството на Ст. Стойков и С. Б. Бернштейн. София, 1964. Неопубликуван материал этого тома, цитируемый в статье, приводится со ссылкой «Материалы БДА». Перечень населенных пунктов, указываемых здесь под номерами, см. в «Български диалектен атлас», стр. 189—190.

ная работа Б. Цонева «О восточноболгарском вокализме»⁸, где дается подробная характеристика ударного и безударного вокализма ловечского говора. В этой работе имеется богатый материал для изучения взаимодействия корреляции твердости — мягкости согласных фонем и безударного вокализма, однако исследование Б. Цонева было посвящено подробному фонетическому, а не фонологическому описанию ударного и особенно безударного вокализма ловечского говора. Поэтому система гласных рассматривается болгарским ученым как нечто изолированное, не взаимодействующее с системой консонантизма, и по сути дела вопрос о взаимосвязи этих систем оставлен им без внимания. Ценный материал из говоров восточной Болгарии содержится и в работах Л. Милетича, К. Мирчева, Ст. Младенова, П. Панайотова, Ал. Бурмова, Ст. Кабасанова, Г. Горова и др.

4. Современный болгарский язык характеризуется значительным многообразием диалектных систем слабых гласных фонем⁹. В говорах различия наблюдаются даже внутри отдельных систем безударного вокализма (представленных, например, одним и тем же составом слабых гласных фонем) в зависимости от того, с какими сильными фонемами чередуются те или иные слабые фонемы.

В подавляющем большинстве восточноболгарских диалектов состав сильных гласных фонем состоит из шести фонологических единиц: [a], [ъ], [o], [y], [e] и [и]. Ударный вокализм этих говоров строится, таким образом, на основе трех дифференциальных признаков: 1) узкие — широкие гласные, 2) передние — непредние гласные, 3) лабиализованные — нелабиализованные гласные, что можно представить в схеме:

	передние	непередние	
узкие	и	ъ	у
широкие	е	а	о
	нелабиализованные		лабиализованные

Безударному вокализму этих говоров свойственно меньшее количество дифференциальных признаков. В частности, благодаря ликвидации различия узких и широких гласных одного ряда в безударной позиции нейтрализовано противопоставление по степени раствора. Система слабых гласных фонем характеризуется, таким образом, лишь «передним — непредним рядом» и «лабиализованностью — нелабиализованностью». В безударной позиции система гласных фонем в этих диалектах, как уже не раз отмечалось в фонологической литературе¹⁰, состоит из трех единиц — [ъ], [y] и [и]:

⁸ Б. Ц о н е в. За источнобългарския вокализъм. — «Сборник за народни умотворения», кн. III. София, 1890; кн. IV, 1891.

⁹ О понятии «сильной» и «слабой» фонем см. в книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка», стр. 28—31.

¹⁰ См., например, Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 131; В. Н а в р а г а н е к. Zur phonologischen Geographie (Das Vokalsystem des balkanischen Sprachbundes). — «Archives Néerlandaises de Phonétique expérimentale», t. VIII—IX, 1933, S. 124; Н. Л. К л а г с т а д. A Phonemic analysis of some Bulgarian dialects. — «American contributions, to the Fourth International Congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958, p. 5.

передние	непередние	
и	ъ	у
нелабиализованные		лабиализованные

Таким образом, вокализм данных говоров характеризуется перекрывающимся типом позиционной мены звуков, что можно представить в схеме:

ударная позиция	а	ъ	е	и	о	у
безударная позиция	ъ		и			у

Следует, однако, учитывать, что такой характер ударного и безударного вокализма не исчерпывает всех типов звуковых систем болгарских говоров. Ср., например, системы ударного вокализма, состоящие из 6 гласных фонем: [a], [ъ], [o], [y], [e], [и] — в балканских говорах, [a], [ê], [o], [y], [e], [и] — в еркечском говоре; из 7 гласных фонем: [a], [o], [ô], [y], [ê], [e], [и] — в смолянском говоре (с. Момчиловци), [a], [ъ], [ê], [o], [y], [e], [и] — в говорах родопских сел Стрижба и Царино¹¹ и т. п.; ср. также различные типы безударного вокализма, наличие акания в родопских говорах и др.

5. Имеющийся в нашем распоряжении материал достаточно полно характеризует наиболее распространенную на территории восточной Болгарии систему безударного вокализма, которая состоит из трех слабых фонем [ъ], [y] и [и]. Эти фонемы реализуются обычно в безударных гласных *ъ, у, и* (при наличии шести сильных фонем [a], [ъ], [o], [y], [e], [и]). Данная система вокализма может характеризоваться различной дистрибуцией безударных гласных *ъ, у и и*, представляющих указанные фонемы. Неодинаковость дистрибуции этих безударных гласных зависит от различной реализации ударных гласных в безударной позиции, что выявляется при сопоставлении гласных фонем безударных слогов с ударными гласными (сильными фонемами) одних и тех же морфем. В зависимости от того, с какими сильными фонемами чередуются слабые, выделяются следующие три типа безударного вокализма, состоящего из слабых фонем [ъ], [y] и [и]. (Следует отметить, что взаимоотношения сильных и слабых лабиализованных гласных фонем в принципе одинаковы для всех трех типов безударного вокализма. Поэтому иллюстративный материал, характеризующий это взаимоотношение, будет приведен только один раз — при описании первого типа безударного вокализма.)

Первый тип. Слабая гласная фонема [ъ], нелабиализованная, непереднего ряда, чередуется с сильными нелабиализованными непередними фонемами [a] и [ъ] (например, *прак — пръгъ*, *мл'аку.мл'ъка́рин, сън — сънувъм, синъ — къун'ъ*). Слабая гласная фонема [y], лабиализованная, непереднего ряда, чередуется с сильными лабиализованными фонемами [o] и [y] (например, *дроп — дробувé, уги'бви — кби'уви; друк — друга́ри, л'уби — л'убовник*). Слабая гласная фонема [и] является в безударном положении заместителем сильных нелабиализованных передних фонем [e] и [и] (например, *ден — дини́, син — синъ*).

¹¹ Материалы БДА, п. п. 4947, 4952.

Второй тип¹². Слабая гласная фонема [ъ] чередуется с сильными фонемами [а], [ъ], [е] (например, *прак* — *пръгъ*, *мл'акумл'ъкарин*; *сън* — *сънъвъм*, *синъ* — *къйн'ъ*) и частично с [е] например, *ден* — *д'ънъ*, *сѣлу* — *с'ълатъ*). Условия частичной замены ударного *e* безударным *ъ* с предшествующей мягкостью различны по говорам. Зависят ли они от позиции гласного в слове или они связаны с определенной лексикой, выяснить не удалось. Слабая лабиализованная гласная фонема [у] соответствует сильным [о] и [у] (примеры см. выше). Слабая фонема [и] чередуется с сильными [е] (частично) и [и] например, *кунѣ* — *трѣни*, *син* — *синъ*).

Третий тип¹³. Слабая гласная фонема [ъ] чередуется с сильными фонемами [а], [ъ], [е] и изредка [и] (например, *прак* — *пръгъ*, *мл'аку* — *мл'ъкар'ън*; *сън* — *сънъвъм*, *синъ*, *ъд'нъ* — *къйн'ъ*, *изѣк'ъ*, *тѣл'ъ*, *бъир'ъ*, *кр'ъват'ъ*; *сѣлу* — *с'ълатъ*; *синувѣ* — *зѣт'ув'ъ*, *пун'ъдѣл'н'ък* — *вуйник*). Слабая гласная фонема [у] чередуется с сильными фонемами [о] и [у] (примеры см. выше). Слабая фонема [и] чередуется лишь с одной сильной фонемой [и]: *син* — *синъ*.

Таким образом, сфера распространения (т. е. употребления в большем или меньшем круге лексик) одних и тех же слабых гласных фонем в рассмотренных типах говором оказывается различной.

Во многих говорах юго-восточной Болгарии в безударной позиции представлено не три (*ъ*, *у*, *и*), а четыре гласных: *а*, *ъ*, *у*, *и* (при наличии гласных *а*, *ъ*, *о*, *у*, *е*, *и* под ударением)¹⁴. Эти говоры характеризуются тем, что подъем — дифференциальный признак, лежащий в основе различения узких и широких гласных одного ряда *а* и *ъ*, очень ослаблен. Так, например, безударные *â* и *ъ* могут создавать звуковые дублиеты слов (ср. *снъха* — *снаха*, *в'атър* — *в'атар*, *бол'ън* — *бол'ан*, *мл'ъкар'ън* — *мл'акар'ан*), чередуясь с одними и теми же сильными фонемами [а] и [ъ]. Какою-либо закономерность в употреблении безударных *а* и *ъ* выявить не удалось. Выбор того или иного гласного может зависеть или от индивидуальных особенностей информатора, или же от темпа речи. Поскольку безударные *а* и *ъ* находятся в отношении свободного варьирования, полагаем, что в соответствующих говорах эти гласные являются представителями одной слабой нелабиализованной непередней гласной фонемы [ъ]. Следовательно, и диалекты, безударный вокализм которых состоит из четырех гласных *а*, *ъ*, *у* и *и*, относятся к вокальной системе из трех слабых гласных фонем [ъ], [у] и [и]. Таким образом, в одних говорах слабые фонемы [ъ], [у] и [и] реализуются в безударных гласных *ъ*, *у*, *и*, а в других — в безударных гласных *â*, *ъ*, *у*, *и*. В системе безударного вокализма с четырьмя гласными также выделяются три вышеназванных типа в зависимости от реализации ударных гласных в безударной (слабой) позиции.

Нужно учитывать, что говоров, в которых безударный вокализм состоял бы только из трех слабых фонем [ъ], [у] и [и], не так много. В действительности же реально существует немало систем, характеризующихся разнообразным сочетанием различных типов безударного вокализма. Так,

¹² См., например, материалы БДА, п. п. 2504, 2543, 2684, 2692, 2695, 2712, 2726, 3127, 3133, 3137, 3222, 3224, 3225, 3226, 3228, 3244, 3265, 3268, 3273, 3759, 3771, 3773, 3810, 3834, 3835, 3837, 3839, 3844. См. также материалы говора с. Бяла-Черкова, бывш. Тырновской околии (А. Бурмов. Народни умотворения от с. Бяла-Черкова, Тырновско. — «Сборник за народни умотворения», XXXVIII. София, 1930), и ловечского говора (Б. Цонев. За источниобългарския вокализъм).

¹³ См. материалы БДА, п. 3759.

¹⁴ См., например, материалы БДА, п. п. 3099, 3101, 3103, 3104, 3105, 3114, 3116, 3119, 3723^а, 3723^б, 3724^а, 3724^б, 3818, 3821, 3822, 3823, 3824, 3825, 3827, 3828, 3829, 3831, 3833, 3889, 3890, 3894. Точка под гласными означает «полуредукцию гласных» (см. Ст. Стойков. Увод в българската фонетика. Изд. 2. София, 1961, стр. 177).

например, в литературном болгарском языке и в большинстве восточно-болгарских диалектов мы обнаруживаем в безударной позиции обычно тот же состав гласных, что и в позиции под ударением, а именно: *á, ъ, б, ѱ, é, ú* и *а, ъ, о, у, е, и*. Причем вокальная система этих говоров соединяет два типа позиционной мены звуков: параллельный и перекрещивающийся. В безударном вокализме этих говоров может быть выделено поэтому две системы гласных фонем, отличающихся друг от друга различным чередованием сильных и слабых фонем: система сильных фонем [a], [ъ], [o], [y], [e] и [и], представленная безударными гласными *а, ъ, о, у, е, и*, и система слабых фонем [ъ], [y] и [и], которые реализуются в безударных гласных *ъ, у, и*¹⁵, что схематически можно представить следующим образом:

ударная позиция	а ъ	е и	о у
безударная позиция	↓ ↘ ↓ а ъ	↓ ↘ ↓ е и	↓ ↘ ↓ о у

Взаимоотношения этих двух систем (или подсистем) безударного вокализма различны в говорах болгарского языка в зависимости от преобладания и продуктивности одной или другой (но эти вопросы — предмет отдельного исследования). Внутри подсистемы слабых фонем также можно выделить три указанных типа безударного вокализма.

6. Рассмотрим теперь характер противопоставленности твердых и мягких согласных фонем в позиции перед гласными, представляющими слабые фонемы в охарактеризованных типах безударного вокализма.

Анализ противопоставленности твердых и мягких согласных фонем в положении перед безударными гласными свидетельствует о том, что сфера употребления мягких согласных перед безударным *ъ* наиболее широка в говорах с третьим типом и менее широка — в говорах с первым типом безударного вокализма. Это зависит, как мы видели, от степени лексической представленности слабой фонемы [ъ]. В то же время возможность нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем в положении перед безударным *и* больше всего ограничена в говорах с третьим типом, тогда как в говорах с первым типом безударного вокализма оппозиция твердых и мягких фонем нейтрализуется наиболее широко. Противопоставленность данных согласных перед безударным *у* в принципе одинакова во всех трех типах говоров. Расширение или сужение сферы употребления мягких фонем перед безударным *у* зависит от некоторых фонетических явлений (ср., например, процесс лабиализации *и* или делабиализации *у* после мягких согласных).

К сожалению, мы не располагаем материалом для исчерпывающей характеристики первого типа безударного вокализма. Записи диалектных текстов и монографические описания говоров, которые были в нашем распоряжении, наиболее полно характеризуют лишь второй тип безударного вокализма. В большинстве современных восточноболгарских говоров этот тип является единственной системой безударного вокализма, так как подсистема безударных гласных, выступающих в качестве представителей сильных гласных фонем, в этих говорах отсутствует (см. перечисленные выше номера населенных пунктов). Имеется также достаточный материал из говора с третьим типом безударного вокализма¹⁶. В этом говоре

¹⁵ См., например, Ст. Стойков. Увод в българската фонетика. Раздел «Образци от фонетичен запис (фонетична транскрипция) на българска книжовна реч», стр. 183—184; Материалы БДА.

¹⁶ Материалы БДА, п. 3759.

безударный вокализм состоит тоже только из слабых гласных фонем. Поскольку наиболее полным и исчерпывающим для характеристики противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед безударными гласными (имеется в виду прежде всего положение перед безударными *ъ* или *а*) является материал по второму и третьему типам безударного вокализма, приходится ограничиться здесь анализом различения твердых и мягких фонем перед безударными гласными в говорах с этими типами вокализма.

7. Положение перед слабой фонемой [ъ] в говорах со вторым типом безударного вокализма.

Выше отмечалось, что в данных говорах сильная фонема [e] в безударной позиции может реализоваться как в безударном нелабиализованном гласном непереднего ряда *ъ* (или *а*), так и в безударном нелабиализованном гласном переднего ряда *и*. В разных говорах условия подобной реализации различны и достаточно неопределены. По реализации сильной фонемы [e] в безударном (слабом) положении эти говоры следует, видимо, считать смешанными, о чем свидетельствуют многочисленные дублетные формы, взятые из материалов Болгарского диалектологического атласа, например: *ѹтри* — *ѹтр'ъ*, *лѣти* — *лѣт'ъ*, *ѡтри* — *ѡтр'ъ* (п. 3133); *гѡри* — *гѡр'ъ*, *стѣнѣ* — *ст'ѣнѣ* (п. 3127); *снигѣ* — *сн'агѣ*, *гниздѣ* — *гн'аздѣ*, *триаѣ* — *тр'аѣ*, *сѣтни* — *сѣтн'а*, *пѡсли* — *посл'а*, *фѣтри* — *фѣтр'а* (п. п. 3827, 3829, 3833); *ѹдѡчкѣ* — *ѹ'дѡчкѣ* (п. 2504); *сѣнуѹи*, *ѹбѣнуѹи*, *зѣтуѹи* — *ѹблѹѹѣ*, *дѣнкуѹѣ* (п. п. 3265, 3268) и мн. др. Наличие подобных дублетных форм с безударными гласными *и* и *ъ* (или *а*) говорит также и о том, что в указанных говорах дифференциальный признак, лежащий в основе различия нелабиализованных передних и непередних гласных ненижнего подъема, ослаблен. Это и позволяет данным гласным создавать фонетические дублеты слов. (Характерно, что в ряде случаев в этих говорах в безударном гласном *ъ* реализуется также и сильная фонема [и], например: *пундѣл'н'ѣк*, *изѹб'ѣл*, *измѡт'ѣл*, *нѣмѣр'ѣл*, *крѣсн'ѣк*, *бѡѹѣ*.) На месте мягких согласных перед безударным *ъ* иногда употребляются твердые, например: *менѣ*, *тѣбѣ* (п. п. 2684, 3265, 3268, 3273, 3335); *сѣрдѣ* (п. 3273); *гѣрдѣ*, *кѡлѣдѣ* (п. п. 3222, 3224, 3225, 3226, 3228, 3244); *кѡлѣдѣ*, *стѣнѣ* и *ст'ѣнѣ*, *сѣрдѣ* и *ср'ѣдѣ* (п. 2543); *нѡжуѹа* — *нѡжѹѹа* (п. 3835). Это обстоятельство приводит к тому, что употребляемость мягких согласных фонем в данной позиции сокращена.

Противопоставленность твердых и мягких фонем перед безударным *ъ* можно проиллюстрировать следующими примерами, характерными для всех говоров со вторым типом безударного вокализма¹⁷, а именно, [т'] — [т]: *мѡт'ѣн*, *дѡшт'ѣри*, *гѡстит'ѣ*, *зѣт'ѹтѣ*, *фѣѣт'ѣ*, *зѣт'ѣ*, *ст'ѣнѣ* — *пѣтѣк*, *лѣштѣ*, *луз'ѣтѣ*; [д'] — [д]: *срѣд'ѣн*, *нѣнѣкѣд'ѣ*, *мид'ѣнѣк*, *хѡд'ѣ*, *ѡд'ѣт* — *мѡдѣ*, *дѡштѣр'ѣ*, *дѡждѹѹѣ*; [с'] — [с]: *ѹѣс'ѣн*, *мѣсѣ*, *ѹѣсѣ*, *с'ѣнѣ*, *с'ѣсрѣрѹѣсѣ*, *сѣмѣчѣк*; [з'] — [з]: *ѡз'ѣл*, *ѡз'ѣх*, *зѡлѡз'ѣ*, *мѣрз'ѣлѣѹф* — *бѣрзѣ*, *мѡзѣх*, *влѡзѣл*, *зѡм'ѣ*, *зѡбѣти*; [ц'] — [ц]: *ѹ'ѣнѣ*, *ѹ'ѣдѣлкѣ*, *ѹ'ѣдѣчкѣ*, *ѹ'ѣрѹѣ*, *ѹ'ѣр'ѣ* — *ѹѣрѹѣл*, *ѹѣкѣрѣѹѣди*, *ѹѣлѹѣѡм*, *ѹѣкѣмбѣлѣ*; [с'] — [s]: *ѡѣс'ѣл*, *мѣрс'ѣлѣѹх*, *мѣрс'ѣл* — *бѣрсѣ*, *сѣрсѣѡѡт*, *сѣлѣсѣ*, *сѣмбѣк*¹⁸; [л'] — [л]: *л'ѣсѣѹѣи*, *мл'ѣкѣр*, *кѹл'ѣнѣ*, *ѡѣгл'ѣн*, *нидѣл'ѣ*, *мѣсл'ѣ* — *лѣзѣѣч*, *блѣѡѣ*; [н'] — [н]: *кѡн'ѣ*, *дѣн'ѣ*, *плѣнн'ѣ*, *плѣмн'ѣ*, *рѣн'ѣѹф*, *жѣн'ѣѹа*, *сн'ѣгѣ* — *ѹѣнѣ*, *пѣннѣ*, *снѣѣ*, *гѣмнѣ*, *рѣмнѣ*; [р'] — [p]: *ѹѣѣр'ѣ*, *р'ѣкѣѡтѣ*, *гѣрдѣ*,

¹⁷ Различение фонем [с'] — [s], [ф'] — [f] и [х'] — [x] отмечено не во всех упомянутых выше (сноска 12, стр....) говорах со вторым типом безударного вокализма, поэтому ниже указывается источник, откуда был взят материал, иллюстрирующий противопоставленность этих фонем.

¹⁸ А. Б у р м о в. Там же, стр. 4, 11, 23; Материалы БДА, п. п. 2692, 2695, 2712, 2726, 3222, 3224, 3225, 3226, 3228, 3244, 3265, 3268.

ср'ѣдѣ — старь, дрѣвнѣк'ѣ; [п'] — [п]: пѣп'ѣш, п'ѣвѣц, п'еп'ѣл'ѣнкѣ, п'ѣрѣ, пѣп'ѣл — кѣлѣф, шѣпѣ, тѣпѣл; [б'] — [б]: б'ѣлѣлѣу, пѣб'ѣсн'ѣ, грѣб'ѣн, б'ѣлѣтѣк, дрѣб'ѣн — бѣбѣ, гѣбѣ; [в'] — [в]: зв'ѣздѣ, гѣтв'ѣ, шѣв'ѣр, ѣблѣв'ѣ, дѣнкѣв'ѣ — итѣрѣвѣ, кѣбѣ; ш'ѣнѣр — шѣртѣнѣ, шѣсѣл; [ф'] — [ф]: шѣф'ѣр, дѣлѣф'ѣ — кѣфѣ, фѣйѣдѣ¹⁹; [м'] — [м]: м'ѣсѣ, м'ѣстѣ, рѣм'ѣнѣ, м'ѣрѣ, тѣм'ѣн, хрѣм'ѣ — мѣмѣк, мѣгѣри, мѣслѣ, мѣмѣл, плѣмѣк; [к'] — [к]: зѣкѣ, дрѣвнѣк'ѣ, лѣкѣт, чѣвѣк'ѣ, шѣтѣрк'ѣл — мѣлѣкѣ, мрѣлѣкѣ, прѣс'ѣкѣ; [г'] — [г]: ѣнг'ѣл, ог'ѣн, г'ѣрѣн, г'ѣрм'ѣ — бѣлѣгѣри, кнѣгѣ; [х'] — [х]: мѣх'ѣц, тѣх'ѣн — хѣвлѣи, мѣлѣлѣх, жѣн'ѣхѣ²⁰.

8. Противопоставление твердых и мягких согласных фонем в положении перед слабой фонемой [ъ] в говоре с третьим типом безударного вокализма²¹ также имеет некоторые особенности. Как уже отмечалось выше, слабая фонема [ъ] выступает в соответствии с сильными фонемами [а], [ъ] и [е]. В этом говоре на месте мягких согласных в положении перед безударным а, в котором реализуется слабая гласная фонема [ъ], очень часто находим твердые согласные, например: залѣн, зѣм'ѣтѣ, сѣсрѣ, дѣсѣт', сѣчѣл, сѣлѣ, рѣвл'ѣф, дѣрѣвѣ, клѣсѣвѣ, кѣлѣвѣ, клѣл'ѣчѣвѣ, плѣлѣвѣ, рѣгѣвѣ (и рѣгѣв'ѣ), стѣлѣвѣ (и стѣлѣв'ѣ), блѣвѣ (и блѣв'ѣ), грѣлѣвѣ (и грѣлѣв'ѣ), кѣшѣвѣ (и кѣшѣв'ѣ). Но, тем не менее, твердые и мягкие согласные фонемы широко противопоставлены в данной позиции, например, [т'] — [т]: ст'ѣнѣ, т'ѣлѣ, дѣшт'ѣр'ѣ, кѣт'ѣл, чѣт'ѣл, прѣст'ѣн, т'ѣглѣ, зѣбѣт'ѣ, вѣлѣцѣт'ѣ, зѣт'ѣ, лѣхт'ѣ, нѣхт'ѣ, дѣт'ѣ, ѣдѣт'ѣ — ѣтѣрѣвѣ, тѣрп'ѣл, сѣбѣтѣ, р'ѣбрѣтѣ; [д'] — [д]: кѣд'ѣлѣкѣ, бѣд'ѣн, ѣд'ѣл, ислѣд'ѣл, кѣд'ѣш, дѣд'ѣл, сѣд'ѣл — дѣрѣвѣр, дѣждѣвнѣцѣ, сѣдѣ; [с'] — [с]: ѣс'ѣн, мѣс'ѣц, вѣзрѣс'ѣн — пѣсѣл, рѣсѣ; [з'] — [з]: прѣз'ѣн, кѣз'ѣ, ѣзѣ — кѣзѣл, кѣрпѣзѣ; [л'] — [л]: плѣтѣ, мѣлѣкѣр, лѣт'ѣл, ѣлѣзнѣ, сѣблѣчѣсѣ, пѣслѣ, мѣл'ѣ, ѣл'ѣн, ѣлѣн'ѣ, лѣжѣ, лѣйѣцѣ, снѣлѣ, блѣзѣ; [н'] — [н]: гнѣздѣ, нѣбѣ, жѣнѣ, сѣтнѣ, гѣрнѣ, сѣлѣн'ѣ, сѣрѣн'ѣ — сѣннѣл, жѣнѣ, вѣзнѣк; [р'] — [р]: рѣкѣл, прѣстѣлѣкѣ, срѣлѣбнѣк, трѣвѣ, грѣдѣ, брѣгѣ, вѣрѣнѣ, дѣлѣгѣрѣн, гѣр'ѣ, фнѣтр'ѣ, кѣзѣр'ѣ — рѣждѣсѣвѣ, стѣрѣ, мѣнгѣрѣ; [п'] — [п]: пѣчѣ, пѣрѣ, пѣп'ѣл, снѣп'ѣ — пѣмѣк, шѣпѣ, тѣпѣл; [б'] — [б]: прѣбѣрѣш, зѣбрѣ, бѣлѣтѣк, дрѣб'ѣн, тѣб'ѣ, лѣб'ѣ — срѣбрѣнѣ, гѣбѣ, блѣлѣл'ѣ; [в'] — [в]: цѣвѣт'ѣ, зѣтвѣтѣ, блѣвѣтѣ, вѣнѣц, тѣвѣн, дѣвѣт, дѣждѣвѣн, крѣвѣ, жѣзѣвѣ, рѣкѣвѣ — жѣтѣвѣ, флѣвѣт, нѣрѣсѣвѣ; [м'] — [м]: мѣдѣл, мѣри, пѣмѣт, кѣмѣн, ѣмѣ, зѣмѣ, ѣмѣлѣм'ѣ, вѣкѣмѣ — мѣглѣ, зѣмѣт, мѣжѣ, мѣлѣлѣт'ѣ; [к'] — [к]: вѣкѣ, кѣрѣч, сѣнѣкѣ, лѣлѣкѣ, плѣлѣнѣкѣ — мѣкар, пѣкѣл, пѣлѣчѣкѣ, кѣлѣ, мѣйѣкѣ, кѣмѣшѣйѣкѣ; [г'] — [г]: ѣнгѣл — ѣгѣн, нѣгѣ; [х'] — [х]: кѣртѣлѣн'ѣ — стѣмѣлѣн.

9. Как уже было сказано выше, противопоставление твердых и мягких согласных фонем перед безударным у в принципе одинаково для говоров со всеми тремя типами безударного вокализма. Твердые и мягкие согласные фонемы в положении перед безударным у, в котором реализуется слабая фонема [у], различаются достаточно четко, поскольку мягкие фонемы в данной позиции имеют широкую сферу употребления.

В положении перед безударным у выступают не только исконно мягкие согласные л', н', р', но и другие мягкие переднеязычные, губные и заднеязычные согласные, ранее в этом положении не употреблявшиеся. Расширению сферы употребления мягких согласных в положении перед безударным у способствовали не только процессы, происходившие в области вокализма, но также и целый ряд нефонетических явлений, например, таких, как словообразование и иноязычные заимствования. Из фонетиче-

¹⁹ Материалы БДА, п. п. 2543, 3127.

²⁰ Там же, п. п. 2543, 2684, 3335.

²¹ Там же, п. 3759.

ских процессов следует упомянуть явление лабиализации безударного *и* (из ст.-сл. и, е, А, Ъ): *p'uvl'úvu, n'úr'ustíjъ, túr'uw, tr'uvá, br'uvu, l'uváđъ, пу'л'укмѣникъ, ф'рл'уф, пл'уwrít, т'ургѣн, гбзд'уви, бд'уф, Плбвд'уф, с'урмáу, ужѣн'уф, зълбм'уф, рáн'уф, б'увáкъ, п'ърв'уф* и мн. др.²² Из нефонетических явлений важную роль в расширении сферы употребления мягких согласных перед *у* (как ударным, так и безударным) играет широко распространенная заимствованная турецкая и — в меньшей степени — западноевропейская лексика: *м'уждѣ, к'ум'úr, г'урл'úk, маник'úr*²³. В результате в настоящее время перед безударным *у* в восточноболгарских говорах по твердости — мягкости противопоставляются следующие фонемы: [т'] — [t]: *причѣст'уѣѣм, т'ут'увѣ, т'ут'ún', т'ургѣн, зѣт'уви, Тбт'у, пѣт'утувѣи, тупбр, лбзиту, свáтуви*; [д'] — [d]: *д'угѣн', д'укѣн', д'ушѣк', гбзд'уф, гбспуд'уф — духáждѣм, д'áду, дубр'á*; [с'] — [c]: *с'урмáх, с'ужжук, нбс'уфми, фѣс'уви — чѣсувѣ, сукмáни*; [з'] — [z]: *кбз'у, пáз'уф — блáзу, жил'áзу*; [s'] — [s]: *с'умб'ýл — пблзуѣѣм*²⁴; [л'] — [l]: *л'увáđъ, бл'уу, пл'уwrít, мбл'уф, л'утѣф, л'улѣйт, убѣл'уѣѣм — кѣс'ълу, дибѣлу, луз'á*; [н'] — [n]: *прѣстин'у, дѣн'уви, бгн'уви, ужѣн'уф — сýнуви, лѣсну*; [р'] — [p]: *пънúr'уф, стувáр'уѣѣм, тúr'уф, р'увáф, н'ур'устíjъ — ц'ърувѣ, дáруви, круснбту*; [п'] — [p]: *нъцѣп'уѣѣм, н'упѣр, н'ур'устíjъ — тупурѣшкѣ, гбспуд'уф*; [б'] — [b]: *б'увáкъ, б'уфѣт', б'уелáрин — бустáн, събутъ*; [в'] — [v]: *устáв'уѣѣ — вуйнѣк*; [м'] — [m]: *м'уждѣ, м'уфлѣт' — мумá, мутѣлкѣ*; [к'] — [k]: *к'ум'úr, к'устѣк — куърѣк, курѣту*; [г'] — [g]: *Гѣрг'уву, Ибр'уви, г'урл'úk — гудѣнъ, гул'áм*.

10. В положении перед слабой фонемой [и], реализующейся в безударном *и*, твердые и мягкие согласные не различаются. Они совпадают в слабой фонеме, представленной чаще всего мягким согласным, например: *тѣлник, бдил, бзил, мблил, трийѣн, гбсти, кáнили, бѣчи* и т. п.

11. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что отдельные элементы систем вокализма и консонантизма в болгарских говорах тесно связаны между собой и взаимно влияют друг на друга. Одной из особенностей исследованных восточноболгарских говоров можно считать то, что эти говоры на уровне инвентаря (состава) фонологических единиц являются идентичными. Так, их системы вокализма состоят из шести сильных и трех слабых фонем; системы консонантизма в основном также тождественны и различаются лишь наличием или отсутствием таких фонем, как [s], [s'], [ф'], [x']. Однако в зависимости от сферы распространения (или лексической представленности) тех или иных фонем в данных говорах выделяется три типа вокализма и в соответствии с этим отличающиеся друг от друга системы корреляции твердых и мягких согласных фонем. Например, в говорах, где наиболее сильно развита корреляция твердых и мягких согласных фонем, упрощается система безударного вокализма. Это выражается, с одной стороны, в большем охвате согласных фонем, вовлеченных в противопоставление по твердости — мягкости²⁵, а с другой — в обеднении или, точнее, унификации системы безударного

²² См. L. Miletič. Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 83, 88; П. Гъбюв. По говора в гр. В.-Търново. — «Сборник за народни умотворения», XIII, 1896, стр. 445, 471; Материалы БДА.

²³ Материалы БДА.

²⁴ Материалы БДА, ч. п. 3222, 3224, 3225, 3226, 3228, 3244; А. Бурмов. Там же, стр. 23.

²⁵ Имеются в виду изменения, которые не выходят за рамки парадигматических отношений и «вытекают из частотности, или частоты появления в системе языка определенных категорий элементов по отношению к частоте других отношений» (Т. Милевский. Предпосылки типологического языкознания. В сб.: «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 5).

вокализма. В этих говорах почти любая nelaбиализованная сильная гласная фонема в слабой позиции реализуется в безударном гласном ъ; здесь ликвидируется не только различие по подъему у гласных одного и того же ряда, но ликвидируется и различие по ряду (ср. третий тип безударного вокализма). И наоборот: в тех говорах, где корреляция твердости — мягкости согласных развита слабее, такое упрощение безударного вокализма не наблюдается: различие по ряду здесь строго сохраняется, ликвидируется только различие по подъему (ср. первый тип безударного вокализма). С другой стороны, от различной реализации ударных гласных в слабой позиции зависит и характер противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед безударными гласными. В говорах с третьим типом безударного вокализма, где отмечается наиболее широкая сфера распространения слабой фонемы [ъ], употребительность твердых и особенно мягких согласных перед безударным ъ (или а) оказывается наиболее широкой. Соответственно сокращается возможность нейтрализации твердых и мягких фонем перед безударным и. В говорах с первым типом безударного вокализма, наоборот, частота употребления твердых и мягких согласных фонем перед безударным ъ (или а) наименьшая, тогда как возможности нейтрализации противопоставления этих фонем перед безударным и в них шире.

Все это свидетельствует о том, что отдельные элементы систем гласных и согласных характеризуются подвижностью и взаимной приспособляемостью. Здесь уместно привести высказывание А. Мартине: «Вообще в языке, где согласные обладают собственным фонологическим тембром и, следовательно, не могут «окрашиваться» под влиянием последующей гласной, реализации гласных фонем должны обладать известной свободой»²⁶.

Итак, изложенные в настоящей статье данные о взаимоотношении между системами вокализма и консонантизма в некоторых современных восточноболгарских диалектах подтверждают высказывание Р. Якобсона и А. Исаченко (правда, в самом общем смысле) о том, что корреляция согласных по твердости — мягкости и политония гласных исключают друг друга²⁷. При наличии более развитой системы консонантизма вокальная система оказывается как бы в подчиненном положении. Так, в говорах с третьим типом безударного вокализма развитие системы гласных в безударной позиции в направлении упрощения способствует тому, что противопоставление согласных фонем по твердости — мягкости значительно расширяет и усиливает сферу своего проявления. Напротив, при наличии менее развитой системы консонантизма унификация безударных гласных не наблюдается (ср. говоры с первым типом безударного вокализма). В этих случаях трудно определить, что является причиной, а что — следствием, поскольку системы консонантизма и вокализма тесно связаны и взаимно влияют друг на друга.

²⁶ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960, стр. 158.

²⁷ См. R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde. — «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 4, Prague, 1931, S. 238; А. Исаченко. Указ. соч., стр. 109—110.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

М. Я. ГОЛЬБЕРГ

ЗАМЕТКИ ФРАНКО НА ПОЛЯХ КНИГИ МАРКОВИЧА

Иван Франко много внимания уделял вопросу революционного союза славянских народов в борьбе против социального и национального гнета. Он интересовался историей и литературой южных славян, рассматривал взаимоотношения славянских народов на широком историческом фоне. Поэтому естественно и его обращение к трудам Светозара Марковича.

Труды сербского революционера-демократа были известны на Украине уже в начале 70-х годов¹. Попытку познакомить украинских читателей с сочинениями Марковича предпринял друг и соратник Франко Михаил Павлык². Заинтересовался работами Марковича и молодой Франко. В 1878 г. в рецензии на сербский журнал «Стража» Франко отмечал, что одной из главных заслуг этого журнала является «опубликование прекрасных, богатых мыслями, живо и понятно написанных произведений Светозара Марковича». Рецензент подчеркивал, что с трудами «выдающегося сербского деятеля-мыслителя» необходимо познакомить широкие круги славянской общественности³.

30 июня 1879 г. Франко сообщал М. Павлыку о своей работе над популярным учебником политической экономии: «В учебнике этом моего не будет ничего, но, взяв за основу последовательность Марковича, я перевожу фрагменты из Чернышевского, Милля и Маркса, прибавляя или выбрасывая из свода Марковича то, что считаю нужным»⁴. Несколько ранее он писал: «Я снова целыми днями наслаждаюсь экономией Чернышевского. Как жаль, что огромная часть его статей не издана, т. е. не перепечатана из «Современника». Это золото, а не статьи. Я думаю у себя сделать так, чтобы первый том примечаний к Миллю печатать в эксперите Марковича, а второй — в переводе дословном»⁵. Об этом писал Франко и в автобиографии: «В г. 1879 я составил небольшой элементарный учебник экономии общ[ественной] по Миллю, Чернышевскому и Марксу по образцу сербской компиляции Светозара Марковича, в 1883-м часть ее переработал и дал «Просвіті», которая выпустила ее как отдельную книжечку «О деньгах и сокровищах»⁶.

Приведенные высказывания Франко не раз привлекали внимание исследователей и в основном довольно обстоятельно прокомментированы.

¹ См М. П. Драгоманов. Австро-руські спомини, ч. I. Львів, 1889, стр. 205, 210—214.

² «Архів Драгоманова», т. I. Варшава, 1938, стр. 238.

³ І. Франко. Твори в двадцяти томах, т. XVIII. Київ, 1955, стр. 305—306.

⁴ Там же, т. XX, 1956, стр. 77—78.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Там же, т. I, 1955, стр. 48.

В этом отношении особенно много сделал М. С. Возняк ⁷. Однако до сих пор остались невыясненными некоторые моменты, связанные с отношением Франко к наследию Марковича.

В своих письмах и в автобиографии Франко несколько раз упоминает популярный труд Марковича «Начела народне економије или наука о народном благостању, по Н. Г. Чернышевском израдио Светозар Марковић», свеска I (производња и теорија умножавања лудства), Београд, 1874. В личной библиотеке писателя сохранился экземпляр этой книги ⁸, на страницах которой рукой Франко сделаны пометки. Чтобы понять их, нужно хотя бы кратко охарактеризовать общественно-политические взгляды Марковича.

Маркович выступил с программой глубоких преобразований социального и политического строя Сербии. Он был сторонником народной революции и революционных методов решения задач освобождения и объединения сербского народа. Маркович познакомился с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, с воодушевлением говорил о них. В 1872 г. в журнале «Раденик» Маркович опубликовал статью «Что такое рабочий день?», которая популяризировала одну из глав «Капитала». Она была первой попыткой познакомить сербскую общественность с великим трудом Маркса ⁹.

Маркович считал, что Сербия в своем общественном развитии может миновать капиталистическую стадию. Он надеялся, что после победоносного завершения крестьянской революции, опираясь на задругу и сельскую общину, Сербия может прийти к социализму. Эти утопические взгляды Светозара Марковича были органически связаны с его революционно-демократической программой ¹⁰.

С глубокой симпатией относился Маркович к русским революционерам-демократам. Он писал Л. Белимарковичу из Цюриха 26 июня 1869 г.: «Мы должны быть для сербского народа тем, чем Чернышевский, Добролюбов и другие были для народа русского»¹¹. В письме к Анке и Милице Нинкович 1 ноября 1872 г. Маркович назвал Чернышевского «наш великий учитель» ¹². Он считал Чернышевского гениальным представителем социалистического направления в политической экономии ¹³. В этом же году он писал в одном из своих писем: «...я хотел бы создать по Чернышевскому социалистическую политическую экономию» ¹⁴.

Труд «Начела народне економије», привлечший внимание Франко, начинается кратким обращением к читателям. Маркович рассказывает об истории перевода «Основ политической экономии» Милля, сделанного Чернышевским, о характере и значении примечаний и дополнений Чернышевского к переводу книги Милля. Сербский революционер-демократ подчеркивает, что основные разделы его работы являются изложением положений Чернышевского: «Что касается самого текста, где было возможно, я оставлял текст Чернышевского или самого Милля, однако так, как Чернышевский его излагал и понимал; а где это не было возможно,

⁷ См., например, М. С. В о з н я к. Нариси про світогляд Івана Франка. Львів, 1955.

⁸ Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Личная библиотека И. Я. Франко, № 1662.

⁹ См. С. Д и м и т р и ј е в и ћ. Српска социјалистичка преводна литература, Београд, 1958, стр. 17.

¹⁰ См. В. Г. К а р а с е в. Светозар Маркович. Предисловие к кн. С. М а р к о в и ч. Избранные сочинения, М., 1956.

¹¹ Цит. по кн. Ј. С к е р л и ћ. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје. Београд, 1922, стр. 127. Скерлич дает интересную сводку высказываний Марковича о Чернышевском (стр. 129—132).

¹² С. М а р к о в и ч. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 823.

¹³ Там же, стр. 147.

¹⁴ Цит. по кн. Ј. С к е р л и ћ. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје, стр. 132.

я его перерабатывал или вовсе заменял своим текстом, но считал, что не нужно отмечать, где текст Чернышевского, а где мой. Я просто заявляю, что здесь нет моих оригинальных мыслей, не к этому стремился я, но хотел, чтобы труд был как можно лучше и полнее. Все основные положения здесь принадлежат Чернышевскому, и я не имею никакой своей заслуги, я только как умел систематически изложил его принципы, за что и несу ответственность перед читателями»¹⁵.

Как известно, работа Чернышевского была впервые напечатана в 1861 г. в журнале «Современник». Главу «Собственность» царская цензура изъяла. Полный текст «Очерков политической экономии (по Миллю)» был опубликован в 1869 г. в Женеве в третьем-четвертом томах первого собрания сочинений Чернышевского. Этим изданием и пользовался Маркович¹⁶.

Стремясь создать «систематическое изложение экономии по Чернышевскому и Марксу», Франко творчески изучал опыт Марковича. Следует помнить, что «Начела народне економије» были одной из самых первых попыток систематического изложения доктрины Чернышевского. Изучая эту книгу, Франко сразу же определяет, какие ее разделы излагают мысли Чернышевского и в каких Маркович следует за Миллем. Так, на стр. 29, где начинается первая часть труда, против первого параграфа первого раздела («Каковы компоненты производства?») сделана пометка: «Черн. т. III. ст. 48—50, текст Миля, кн. I, 31». На стр. 30 против заголовка второго параграфа того же раздела — аналогичная пометка: «Текст Миля I § 32 (ст. 50—52)». Подобные пометки сделаны и на стр. 32, 34, против заголовков третьего и четвертого параграфов.

Внимание Франко привлек второй раздел первой части труда Марковича, написанный целиком на основе замечаний Чернышевского и его критического рассмотрения книги Милля. На стр. 35, где этот раздел начинается, Франко делает пометку: «Чернышевский III ст. 108». На стр. 36 отчеркнут конец первого абзаца, который является переводом соответствующего места из примечаний Чернышевского к книге Милля. На той же странице отчеркнут второй абзац, также написанный на основании примечаний Чернышевского. Маркович довольно точно переводит рассуждения Чернышевского о труде, и Франко фиксирует это. Он отчеркивает текст, начиная с четвертого абзаца стр. 36 и кончая вторым абзацем стр. 37, причем против одного из них снова сделана пометка: «т. III ст. 109—110». Следуя за Чернышевским, Маркович посвятил эти страницы условиям, при которых труд может быть приятным. Чернышевский определил, что это имеет место, во-первых, когда труду не препятствуют довольно сильные внешние помехи; во-вторых, когда человек совершает его по собственному соображению о надобности или полезности труда, а не по внешнему принуждению; в-третьих, пока в процессе труда мускулы осуществляют его без изнурения, вредного для организма. Легко заметить, говорит Чернышевский, что труд не отличается в этом отношении от какой бы то ни было органической деятельности. Пометки Франко, очевидно, сделаны в результате сопоставления и являются, как уже говорилось, констатацией точности передачи мыслей Чернышевского Марковичем.

На стр. 37—39 отчеркнут текст третьего параграфа второго раздела («Влияние общественной организации на неприятность труда»), который, как отмечает Франко, тоже является воспроизведением соответствующих

¹⁵ «Начела народне економије или наука о народном благостању, по Н. Г. Чернышевском израдио Светозар Марковић». Свеска I, Београд, 1874, стр. IV.

¹⁶ На это обстоятельство обратил внимание Й. Скерлич, который, однако, неточно охарактеризовал публикацию «Современника». См. J. С к е р л и ч, цит. работа, стр. 131.

мыслей Чернышевского. Изложение мыслей Чернышевского находит Франко и на стр. 40.

Заинтересовал Франко и третий раздел книги Марковича («Труд как деятель производитель»), написанный по Миллю, но с учетом замечаний Чернышевского, его поправок и дополнений. Здесь отчеркнута часть текста, против отдельных абзацев есть пометки: «Текст Милля II § ... ст. 56» (номер параграфа срезан при переплете. — *М. Г.*); «Переробка тексту Милля II, 2, ст. 58—61»; «Миль II, 3, стр. 61—63»; «Миль II, 4, ст. 63—64»; «Миль II, 5, 65—66». На стр. 45 внимание Франко привлечено параграфом: «Труд для сохранения производства». Сопоставляя его с соответствующим местом книги Милля и комментариями Чернышевского, он делает пометку: «Скорочено». Такая же пометка сделана на полях шестого параграфа. Маркович дал этому параграфу выразительное заглавие: «Труд для просвещения и охраны здоровья». На стр. 45, 46, встречаем пометки: «Миль, II, 6, 67»; «Миль, II, 7, ст. 69—73. II. 8 ст. 70»; «Миль, 2. 9. 72»; «Миль. III. 1.74».

Известно, что Чернышевский сопровождал комментариями, примечаниями и критическими замечаниями каждый раздел книги Милля. Комментируя Милля, русский революционер-демократ противопоставлял его системе свои политические взгляды, «политическую экономию трудящихся». В предисловии к своему переводу Чернышевский объяснял, почему он решил перевести «Principles of Political Economy», и в то же время подчеркивал: «Но его система все-таки далеко не наша система. Мы переводим его книгу не потому, чтобы считали ее вполне удовлетворительной, а только потому, что в ней честно и верно изложена та сторона науки, которая развилась раньше других частей и служит основанием для дальнейших выводов»¹⁷.

Показав превосходство Милля над представителями вульгарной политической экономии, Чернышевский в то же время далек от того, чтобы считать его экономические воззрения подлинно научными. Он показывает эклектизм Милля, половинчатость и научную неполноценность его взглядов. Чернышевский резко критикует Милля за то, что, несмотря на сочувствие трудящимся, его высказывания о судьбах капитализма и об общественном строе, который придет ему на смену, имеют весьма расплывчатый характер: в них преобладают иллюзорные представления о возможности улучшить основанный на эксплуатации строй путем социального реформаторства¹⁸.

Следует подчеркнуть, что оценка Милля Марковичем совпадает с оценкой Чернышевского. Маркович называет Милля одним из наиболее толковых и честных буржуазных экономистов¹⁹. В то же время он характеризует Милля как «защитника частной собственности»²⁰, критикует его с позиций революционера-демократа. Если для Милля политическая экономия является наукой о богатстве, то Маркович принимает определение Чернышевского: «политическая экономия есть наука о материальном благосостоянии человека, насколько он зависит от вещей и положений, производимых трудом»²¹.

Чернышевский считал, что политическая экономия занимается не всяким трудом, а только той отраслью труда, которая «обращена на удовлет-

¹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. IX. М., 1949, стр. 7.

¹⁸ См. А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956, стр. 116—117. Ср.: В. Замятин. Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. М., 1951, стр. 266—270.

¹⁹ С. Маркович. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 112, 138.

²⁰ Там же, стр. 706, 711.

²¹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. IX, стр. 31.

ворение материальных потребностей человеческого организма»²². Поэтому в своих примечаниях он подвергает критике соответствующие разделы труда Милля.

Стремясь дать научное определение предмета политической экономии, исходя из признания трудящихся основной производительной и решающей силой общества, Чернышевский ставил перед экономической наукой задачу найти способы и средства повышения материального благосостояния трудящихся²³. Характерно, что, солидаризуясь с Чернышевским, Маркович дал своему труду подзаголовок «Наука о народном благосостоянии».

В связи с этим обратим еще раз внимание на композицию книги Марковича, которая так заинтересовала Франко. Маркович вслед за изложением отдельных положений Милля дает перевод критических замечаний Чернышевского, показывая их глубину и правильность. Он говорит о своем согласии с Чернышевским. Полностью по Чернышевскому, как уже говорилось, написан второй раздел. Собственно говоря, этот раздел является сокращенным переводом, а местами пересказом соответствующих мест комментариев Чернышевского, что и отметил Франко. Таков и пятый раздел — «Полезное и убыточное для общества производство и потребление». Франко отчеркнул весь первый параграф этого раздела, в котором речь идет о «распределении производительных сил в обществе соответственно различным потребностям человека». Против заглавия этого параграфа Франко сделал пометку: «Черныш. II стор. 93». Далее Франко обратил внимание на второй параграф раздела, в котором воспроизведены важнейшие мысли Чернышевского, в частности о том, что состояние и развитие всех классов общества, а также развитие наук, искусств, морали прямо пропорционально материальному благосостоянию масс.

Идя за Чернышевским, Маркович посвящает шестой параграф пятой главы ответу на вопрос: «Может ли труд быть полезным для общества, если он осуществляется за счет другого народа?». Маркович излагает здесь мысль Чернышевского о том, что та или иная нация может поддерживать свое благосостояние только собственным трудом. Этот параграф заинтересовал Франко. Против его второго абзаца он сделал пометку: «Черн. стор. 125—127».

Дополняя и вместе с тем подвергая критике один из пунктов изложения Милля, Чернышевский отказывается от деления труда на производительный и непроизводительный и заменяет его другим делением — на выгодный и невыгодный. Он подробно обосновывает свою классификацию. Маркович точно переводит эти положения, выделяя их в особый раздел — «Труд, относительно полезный и относительно убыточный, как и потребление, относительно полезное и относительно убыточное, зависит от степени общественного развития». Франко делает пометку против первого абзаца этого раздела: «Миль Черн. стор. 101».

Следующий параграф — «Труд, который служит удовлетворению потребностей роскоши, всегда убыточен для материального благосостояния народа» снова является сокращенным переводом комментариев Чернышевского. И здесь Франко отметил: «Черн. стор. 104».

Наконец, внимание Франко привлекли шестая и седьмая главы книги Марковича: «Основной капитал как элемент производства» и «Возникновение и увеличение основного капитала». Франко сопоставляет и эти разделы с соответствующими местами комментариев Чернышевского, фиксируя это на полях книги.

²² Н. Г. Чернышевский. ПСС. т. IX, стр. 154.

²³ См. Н. Каратаев, И. Степанов. История экономических учений Западной Европы и России (до возникновения марксизма). М., 1959.

Рассмотрев вопрос о труде как элементе производства, Чернышевский пришел к выводу о том, что капиталисты не принимают участия в создании продукта и потому не имеют права на какую бы то ни было его часть. Он подчеркивал неизбежность борьбы между рабочими и капиталистами, поскольку капиталисты присваивают созданный народом продукт²⁴. Эти положения нашли свое отражение в экономических работах Марковича, в том числе в книге «Начела народне економије». Таким образом, часть пометок Франко на полях книги Марковича связана с тем, что Франко исследует структуру этой работы, определяет ее источники.

Вторая категория пометок Франко на книге Марковича связана со стремлением глубже понять и точнее перевести сербский текст. Так, на странице III Маркович пишет о Чернышевском: «Године 1860. он је почео у «Современнику» да преводи политичну економију Џ. С. Мила са својим примедбама и допунама...». Франко подчеркивает два последних слова и на полях переводит: «примітками і доповненнями». На той же странице переведено слово «гледиште», над которым Франко написал «(Gesicht) погляд», а также слова «на земљишту» (на ґрунті), «друштва» (суспільності), «раднике» (робітників), «радња» (праця), «као» (як), «код свију» (після всіх) и ряд других. На стр. 12 Франко переводит слово «још» (ще), а на стр. 13— «вели» (каже). На стр. 35 переведены такие слова и выражения: «Покрет мишића и нерава» (напруження мускулів і нервів), «врло» (дуже), «изазивље» (викликає), «осим» (окрім).

На стр. 43, сопоставляя текст Марковича с соответствующим разделом Милля, Франко отмечает типографскую ошибку. В тексте сказано: «радови могу се поделити у шест главних гомила и ћемо их по реду промотрити». Франко исправляет опечатку: «пет», ибо после приведенной фразы действительно следует рассмотрение пяти видов труда.

Все пометки сделаны карандашом.

Нельзя, однако, думать, что в поле зрения Франко были только те разделы, к которым относятся сделанные им пометки. Его заинтересовал труд Марковича в целом, тем более что в нем рассматривались вопросы, которым сам он уделял большое внимание. Известно, что в ряде своих работ, в частности в 70-е и 80-е годы, Франко говорит об основных этапах развития капитализма. Так, он рассматривает возникновение и развитие капиталистической мануфактуры, исследует вопрос о роли машин в развитии капиталистического общества²⁵. Этому вопросу касается и Маркович в XI главе своей книги. В этой главе есть несколько цитат из «Капитала» и упоминаний о Марксе. На стр. 114 Маркович говорит: «Кто хочет изучить историческое развитие машины, как и развитие мануфактурного и индустриального производства, пусть изучит „Капитал“ К. Маркса. Мы пользовались этим трудом на протяжении всей главы „о разделении и объединении труда“, поскольку работа Маркса значительно точнее и научнее сочинения Дж. С. Милля, которого придерживался Чернышевский».

Не могли не заинтересовать Франко и другие ссылки Марковича на Маркса. Несколько разделов своей книги Маркович посвятил критике «теории» Мальтуса. Известно, что в своих замечаниях по поводу последних разделов книги Мальтуса Чернышевский показал классовый смысл этой «теории», охарактеризовал Мальтуса как апологета капиталистического строя. Его критика Мальтуса перекликается с некоторыми положениями Маркса и Энгельса, однако он не мог предвосхитить марксовской идеи об относительно избыточном населении как неизбежном следствии всеоб-

²⁴ См. Н. Каратаев, И. Степанов. Там же, стр. 433—435.

²⁵ Ср. Д. Ф. Вірник, Э. А. Голубовська. Економічні погляди І. Я. Франка. Київ, 1956, стор. 51—52.

щего закона капиталистического накопления²⁶. Маркович, критикуя Мальтуса, ссылается и на высказывания о нем Маркса, подчеркивая остроту и научность марксовской критики. Важно подчеркнуть, что и сам Франко выступал с критикой мальтузианских теорий. Впоследствии он в своей статье о повести Золя «Плодовитость» будет говорить о псевдонаучности «закона Мальтуса», о его подлинной классовой сути²⁷.

Франко интересовали и другие произведения Марковича. В личной библиотеке Франко был труд Марковича «Србија на Истоку» («Сербия на Востоке»), в котором автор приходит к знаменательному выводу: революция — единственный путь к освобождению сербского народа и всех народов Балканского полуострова²⁸. Вместе с тем в архиве Франко хранится и украинский перевод этого труда, осуществленный Феофаном Василевским. Феофан Василевский, который оказывал помощь герцеговинским повстанцам в 1875—1876 гг., возвратившись с Балкан, опубликовал в различных львовских изданиях под псевдонимом Софроний Круть ряд интересных материалов о южнославянских событиях. Однако не все материалы Василевского были тогда напечатаны. Часть их осталась в рукописи в редакционном портфеле журнала «Громадський друг». Среди этих материалов, как впоследствии вспоминал Франко в предисловии к книге Софрония Крутя «Записки українця з побуту між полудневими Слов'янами», был и «перевод очень интересной политической брошюры Светозара Марковича „Србија на Истоку“ с обширным предисловием переводчика»²⁹.

Обратим внимание на эту характеристику труда сербского революционера-демократа. Перевод «Сербии на Востоке», осуществленный Крутем, так и не был опубликован, но отрывок из предисловия к нему был помещен в журнале «Світ» (1884, № 2—5). Этот материал редакция снабдила примечанием, написанным, очевидно, Франко. В архиве Франко хранится и написанная рукой Феофана Василевского статья «Сербская Омладина», в которой между прочим говорилось: «Еще в 1869 г. появился в сербской литературе человек, который пошел реальным путем. Его статьи упали на вольнодумные слова и разговоры как гром среди ясного неба. Это был Светозар Маркович, сильный умом и характером и воспитанный на трудах Чернышевского и Добролюбова и д[ругих]. В течение непродолжительного времени он написал большие статьи, имеющие очень большое значение: „Сербские обманы“, „Поэзия и мышление“, „Общественная и политическая борьба в Европе“ и т. п.»³⁰

Наконец, о Марковиче Франко дважды упоминает в статье «Слов'янська взаємність в розумінні Яна Коллара і тепер». Он говорит, в частности, об учебе сербского революционера-демократа в России, о его политической деятельности. Чтобы понять эти высказывания, нужно рассматривать их в связи с другими работами Франко о славянской взаимности, о литературных связях народов России с народами других славянских стран. Франко считает, что главную роль в объединении славянских народов должна сыграть Россия и не столько потому, что это могущественное государство, а главным образом потому, что в России более всего проявились революционно-демократические традиции. Франко считал необходимым изучать и поддерживать передовое общественное движение в России.

²⁶ См. А. Л. Реуэль. Там же, стр. 116.

²⁷ См. І. Франко. Твори в двадцяти томах, т. XVIII, стор. 471—472.

²⁸ Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Личная библиотека И. Я. Франко, № 400.

²⁹ І. Франко. Від редакції. В кн. Софрон Круть. Записки українця з побуту між полудневими Слов'янами. Львів. 1905, стор. III.

³⁰ Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 3, № 3112.

Речь идет о России Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, о русской прогрессивной культуре, о русском народе, который боролся за свою свободу. Именно прогрессивная русская культура должна влиять на развитие культуры в славянских странах, и это будет содействовать развитию демократических, революционных сил угнетенных народов. С любовью относясь к русскому народу, к передовым людям России, Франко резко выступает против реакционного москвофильства и панславизма. В этом отношении очень важны его статьи «Славянская солидарность чехов», «К сведению господ чехов». Франко решительно ставил вопрос о единении демократических сил славянских народов. Исходя из этих позиций, и оценивает Франко отношение прогрессивных сербских деятелей к России³¹. Сербские революционеры во главе с Марковичем воспринимали свой народ на идеях русских революционеров-демократов. Обучаясь в России, изучая и усваивая опыт русской революционной демократии, Маркович, как подчеркивает Франко, исходил из интересов сербского народа, всегда учитывал интересы родного края.

Симпатии Марковича и других сербских демократов к передовой русской культуре Франко считает естественными и здоровыми.

В своих работах «О праве наций на самоопределение» и «Итоги дискуссии о самоопределении» В. И. Ленин употребляет такие понятия, как демократия «всеславянская» и «всеевропейская»³². Эти понятия имеют общеметодологическое значение. Они раскрывают перед исследователями широкие перспективы в изучении важных исторических явлений, показывают, что демократические движения в той или иной стране следует рассматривать на широком историческом фоне, как часть общеевропейского и — шире — мирового демократического движения. Эти положения В. И. Ленина подтверждаются фактами симпатии и того взаимного интереса, которые наблюдались у представителей русской, украинской и южнославянской демократии.

Чрезвычайно показательно, что одной из причин, обусловивших своеобразную встречу трех выдающихся представителей всеславянской демократии, было стремление создать такое руководство по политической экономии, которое могло бы стать средством пропаганды социалистических идей среди трудящихся и передовой интеллигенции.

³¹ См. V. Z i d l i c k i. Ivan Franko i slovanstvo. В кн. Z dejin československo-ukrainskych vzťahov. Slovanske studie, I, Bratislava, 1957, s. 71—72; I. Ю. Ж у р а в с ь к а. Иван Франко і зарубіжні літератури, Київ, 1961, стр. 172—176; Є. П. К и р и л ю к. Українські письменники-революційні демократи й літератури західних і південних слов'янських народів у ХІХ столітті. Київ, 1963, стор. 69—70.

³² См. В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 297; т. 30, стр. 37—38.

И. Н. КИСЕЛЕВ

О ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЯХ СОВЕТСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Из года в год непрерывно растет и крепнет братская дружба народов Советского Союза и Чехословакии. На базе этой дружбы бурно развиваются экономические, культурные и научные связи между народами двух стран. Расширяются и углубляются творческие контакты советских и чехословацких ученых.

Сотрудничество Академии наук СССР с научными учреждениями Чехословацкой Социалистической Республики осуществляется в настоящее время в широких масштабах. Достаточно отметить, что только в 1965 г. в Чехословакию выезжало более 400 работников АН СССР, а Академия наук СССР приняла свыше 500 чехословацких ученых. Это сотрудничество с Чехословацкой и Словацкой академиями наук¹ осуществляется на основе двухстороннего соглашения, а также многосторонней договоренности академий наук ряда социалистических стран о проведении совместных работ и координации исследований. Кроме того, институты Академии наук СССР наряду с другими советскими организациями принимают активное участие в работе Постоянной Комиссии СЭВ по координации научных и технических исследований и в некоторых других комиссиях. В работе этих комиссий участвуют также научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, высшие учебные заведения и другие учреждения Чехословакии.

Контакты между учеными наших стран начали восстанавливаться сразу же после освобождения Чехословакии Советской Армией в 1945 г. Советские ученые вместе с инженерно-техническими работниками и профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений сразу же после освобождения страны стали оказывать помощь чехословацким друзьям в восстановлении народного хозяйства, подготовке квалифици-

¹ Чехословацкая Академия наук (ЧСАН) создана в октябре 1952 г. путем преобразования Чешского общества наук, основанного в 1784 г., Чешской академии наук и искусств, Матицы Словацкой и Словацкой академии наук и искусств. Она является высшим научным учреждением Чехословацкой Социалистической Республики. Словацкая Академия наук (САН) — органическая часть Чехословацкой Академии наук и вместе с тем высшее национальное и региональное научное учреждение в Словакии. В настоящее время ЧСАН является крупным научным центром, в котором в ряде областей научные исследования ведутся на мировом уровне. Многие достижения чехословацких ученых имеют большое научное, теоретическое и народно-хозяйственное значение. Она объединяет сейчас около 150 научных учреждений (в том числе около 50 учреждений Словацкой АН).

рованных кадров специалистов и по другим вопросам. При этом в первые годы связи ограничивались взаимным обменом информацией, ознакомительными и представительскими поездками, участием в небольшом количестве конференций, книгообменом и сотрудничеством в подготовке кадров.

Активное научное сотрудничество учреждений АН СССР с чехословацкими научными учреждениями началось после образования в 1952 г. Чехословацкой Академии наук и особенно после подписания 10 декабря 1957 г. Соглашения о научном сотрудничестве Академии наук СССР с Чехословацкой и Словацкой академиями наук². Это соглашение было первоначально заключено на 3 года, а затем в 1960 г. пролонгировано без ограничения срока действия.

Соглашение дает возможность учреждениям академий осуществлять в разнообразных формах самое широкое сотрудничество, развязывает инициативу научных учреждений академий. Оно, в частности, предусматривает, что Академия наук СССР и Чехословацкая и Словацкая академии наук будут:

«координировать научные исследования по важнейшим проблемам, проводить совместные научные работы по ряду тем, представляющих взаимный интерес, и оказывать друг другу необходимую научную помощь» (§ 1);

«приглашать научных сотрудников другой Стороны на важнейшие съезды, конференции, совещания...» (§ 3).

Специальные параграфы предусматривают непосредственное сотрудничество издательств (§ 11) и библиотек академий (§ 13), а также помощь в подготовке кадров через аспирантуру (§ 24). Особо оговаривается вопрос о содействии академий выезду отдельных ученых и групп научных работников за счет личных средств (§ 23).

На основе Соглашения ежегодно или раз в два года, поочередно в Москве и Праге, подписываются планы научного сотрудничества, определяющие его тематику и объем контактов.

За время, прошедшее после подписания Соглашения, связи советских и чехословацких ученых приобрели более конкретный и деловой характер: они постоянно совершенствовались; шире стали практиковаться проведение совместных научных работ и осуществляться координация исследований. В первые годы научного сотрудничества планы загружались десятками вопросов, подчас мелких и второстепенных. Так, например, в плане 1958 г. предусматривались в области общественных наук проведение совместных работ по 18 темам и по такому же количеству тем координация научных исследований. При этом, здесь наряду с важными темами, имеющими большое научное значение, оказались также отдельные частные вопросы, позднее выведенные из академических планов и оставленные под непосредственным контролем институтов. По мере совершенствования системы планирования такие темы перестали вноситься в планы совместных межакадемических научных исследований.

С 1962—1963 гг. ряд институтов академий включился в сотрудничество с аналогичными институтами социалистических стран на многосторонней основе (в рамках Совета Экономической Взаимопомощи или в рамках межакадемических многосторонних соглашений).

На многосторонней основе (т. е. с участием ученых других социалистических стран) осуществляется сотрудничество, например, по такой

² Хочется отметить, что большую роль в укреплении связей между академиями сыграл, ныне покойный, организатор и первый президент Чехословацкой Академии наук, иностранный член Академии наук СССР академик З. Неудлы.

важной проблеме, как история Великой Октябрьской социалистической революции. Контакты и сотрудничество по сравнительно узким вопросам не являются объектом наблюдения со стороны руководящих органов академий. В зависимости от значимости таких вопросов общее руководство работой осуществляется либо руководителями институтов, либо соответствующими отделами, лабораториями, секторами, группами, советами и т. п.

В соответствии с этим работа по частным темам планироваться, по нашему мнению, следующим образом: в межакадемическом плане тема может и не значиться, а в плане института она должна быть зафиксирована. Координация же работы с заинтересованными учеными социалистических стран должна осуществляться авторским коллективом под общим руководством дирекции института.

Огромное значение для развития сотрудничества имеет регулярный обмен мнениями по широкому кругу вопросов при личных встречах между руководителями академий, как это имело место в 1963 г. во время пребывания в Чехословакии делегации Президиума АН СССР во главе с президентом академиком М. В. Келдышем и в 1964 г. во время пребывания в СССР делегации Президиума Чехословацкой Академии наук во главе с президентом академиком Ф. Шормом. В сентябре минувшего года Ф. Шорм приезжал в СССР для чтения лекций, встречался с академиком М. В. Келдышем и другими руководителями АН СССР.

Среди проблем, обсуждаемых на таких встречах, можно упомянуть проблемы управления наукой в наших странах, координации действий академий наук с отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями, а также с высшими учебными заведениями. Обсуждаются также вопросы управления институтами внутри академий, координации научных исследований по научным проблемам в масштабах страны, подготовки научных кадров, обеспечения институтов оборудованием и приборами, перспективных планов развития науки в наших странах и по другим важным вопросам, представляющим общий интерес.

Приведем некоторые примеры сотрудничества институтов Секции общественных наук АН СССР.

Многие научные сотрудники институтов Секции общественных наук АН СССР выезжают в Чехословакию для работы в библиотеках, архивах и музеях над материалами по темам своих диссертаций и монографий. Командировки бывают как краткосрочные (по 3—4 недели), так и долгосрочные (как правило, шестимесячные). Часто для ознакомления со всеми необходимыми материалами 3—4 недель оказывается недостаточно и институты из года в год ставят вопросы о командировании одних и тех же сотрудников по одной и той же проблематике. Вряд ли можно такое положение считать нормальным. На наш взгляд, более рациональны командировки на сравнительно длительный срок, в течение которого ученый сможет ознакомиться в основном со всеми материалами, необходимыми для завершения его труда (диссертации, монографии и т. п.). Конечно, это не исключает того, что в отдельных случаях перед сдачей работы в печать может возникнуть необходимость дополнительной краткосрочной поездки ученого для уточнения каких-либо неясных или спорных вопросов.

Хотелось бы затронуть здесь один вопрос, имеющий, как нам кажется, весьма серьезное значение. Иногда приходится слышать высказывания о том, что отдельные институты испытывают трудности, связанные с тем, что у них нет неограниченных возможностей направлять в Чехословакию своих сотрудников. Так ли это? И да, и нет! Да — потому, что действительно возможности командировать ученых за государственный счет у институтов ограничены. И это естественно. Нет — потому, что возможности организации поездок ученых в социалистические страны за счет

личных средств ученых не ограничены, если поездки носят деловой характер.

Надо лишь чаще прибегать к такой форме поездок! В 1965 г. по линии Академии наук СССР в социалистические страны выезжало за счет личных средств более трети от общего числа выезжающих ученых. А почему бы не поставить дело таким образом, чтобы расходы по поездкам для сбора материалов хотя бы для диссертаций, гонорарных публикаций и некоторых других работ, производились самими учеными?!

В этой связи нельзя не коснуться другой стороны вопроса — о поездках в учреждения АН СССР научных сотрудников ЧСАН и САН. Еще не так давно в Чехословакии можно было слышать о якобы существующих трудностях в организации научных поездок в учреждения АН СССР.

Так ли это?

Как известно, Президиум Академии наук СССР, придавая большое значение укреплению и развитию научного сотрудничества с братскими социалистическими странами, предоставил руководителям научных учреждений Академии наук СССР большие права по планированию и осуществлению научного сотрудничества с научными учреждениями академий наук социалистических стран. В свете рассматриваемого вопроса достаточно напомнить, что Академия наук СССР практически не ограничивает число принимаемых в учреждениях АН СССР ученых Чехословакии и других социалистических стран.

Неплохие связи установились между Институтом философии АН СССР и чехословацкими философами. Так, в течение нескольких лет философы двух стран готовили разделы для I, II, IV, V и VI томов большого труда «История философии», вышедшего в Советском Союзе.

В мае 1965 г. издательством «Наука» выпущен сборник историко-философских очерков под названием «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах». Сотрудник Института философии ЧСАН С. Штрос написал для сборника главу «Чехословакия», в которой освещена философская мысль в Чехословакии до свержения буржуазного строя (1917—1945 гг.) и кратко изложено развитие марксистско-ленинской философии в стране в период перехода к социализму (1945—1963 гг.).

В мае 1966 г. в Советский Союз приезжала по приглашению Академии наук СССР делегация чехословацких философов для обмена мнениями по вопросам развития философских и социологических исследований и для составления плана дальнейшего сотрудничества в этой области. В этом году в Москве состоялась встреча директоров институтов философии академий наук ряда социалистических стран, в которой участвовали руководители чехословацких философских институтов.

Осенью с. г. философы наших стран встретятся в Москве на конференции по проблеме «Диалектика и современное естествознание».

В течение нескольких лет редакции философских журналов СССР, Чехословакии и ряда других социалистических стран обмениваются опытом работы. С этой целью проводятся ежегодно встречи представителей редакций журналов. Так, в 1964 г. состоялась встреча в Праге, в 1965 г. — в Софии, в 1966 г. встречу намечено провести в Будапеште.

Хорошие связи установились у Института славяноведения АН СССР с соответствующими научными учреждениями Чехословакии.

Работа над коллективными обобщающими трудами и наиболее важными монографическими исследованиями по истории, истории культуры и языка народов Чехословакии, ведущаяся сотрудниками института, неизменно координируется с соответствующими чехословацкими научными институтами. Координация работ предусматривает не только целесообразное размеже-

вание в исследовании актуальных научных проблем, взаимную помощь материалами и консультациями, но и по установившейся хорошей традиции, обсуждение совместно с чехословацкими коллегами всех коллективных и наиболее крупных монографических работ. В частности, на всех этапах подготовки координировалась с институтами ЧСАН работа над такими фундаментальными обобщающими исследованиями, как трехтомная «История Чехословакии» (М., 1956—1960) и «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.» (М., 1963).

Работа над такими крупными монографиями, как «Культурное строительство в Чехословакии. 1945—1965 гг.», «Очерки истории словацкой литературы XIX—XX вв.» координируется и сейчас. В 1962 г. начата подготовка к совместному изданию двухтомной публикации документов «Советско-чехословацкие отношения. 1947—1960 гг.». На эту же тему совместно с Институтом истории европейских социалистических стран ЧСАН готовятся два сборника статей. Публикация и сборники вводят в научный оборот обширный новый материал из советских и чехословацких архивов и освещают политические, экономические и культурные связи народов СССР и Чехословакии с момента образования Чехословацкой Республики по настоящее время.

Совместно с Институтом языка и литературы ЧСАН заканчивается работа над Словарем старославянского языка.

За последние 5 лет более 50 сотрудников института выезжали в Чехословакию в научные командировки. Из них многие выезжали в СССР за эти годы по 3—4 раза. За это же время институт посетили свыше 150 чехословацких ученых, в том числе около 50 человек находились в научных командировках в самом институте. Чехословацкие ученые выступали в институтах с докладами и сообщениями, принимали участие в заседаниях Ученого совета, на научных конференциях.

Начиная с 1959 г. сотрудники института вместе с работниками других научных учреждений АН СССР и АН УССР систематически участвуют в работе международной летней школы славистов при Карловом университете, где совершенствуют свои знания чешского языка, слушают курсы лекций видных ученых по проблемам литературы, истории, культуры Чехословакии и другим вопросам.

Советские и чехословацкие литературоведы широко используют новую интересную форму сотрудничества: проведение двусторонних симпозиумов по актуальным вопросам литературной теории. Так, в 1961 г. в Москве был проведен первый советско-чехословацкий симпозиум на тему «Художественный метод и творческая индивидуальность писателя». Материалы симпозиума опубликованы отдельной книгой под общей редакцией чл.-корр. АН СССР И. И. Анисимова и академика ЧСАН Л. Штоллы. Второй симпозиум на тему «Современный человек и литература» состоялся в 1963 г. в Праге. Третий, посвященный обсуждению проблемы «Современное значение прогрессивных традиций литературы», проходил весной 1965 г. в Москве. Очередной четвертый советско-чехословацкий симпозиум литературоведов состоится в текущем году в Братиславе.

В 1965 г. Институт мировой литературы им. М. Горького АН СССР совместно с литературоведами Чехословакии подготовил и выпустил в свет сборник статей «Советско-чехословацкие литературные связи». В 1965 г. издательством «Наука» изданы два сборника статей «Национальные традиции и генезис социалистического реализма» (в литературах стран народной демократии) и «Пути реализма в литературах стран народной демократии».

В текущем году Институт мировой литературы им. Горького завершит коллективный труд «Русско-чешские литературные связи в типологичес-

ком освещении», а Институт русской литературы АН СССР продолжит работу над коллективным трудом «Русско-чешские литературные связи второй половины XIX в.».

В свою очередь литературоведы Чехословакии опубликовали немало работ о русской и советской литературе и литературе народов Советского Союза.

Естественно, написание всех этих работ оказалось возможным благодаря взаимным поездкам литературоведов двух стран для обмена опытом, консультаций, изучению источников в архивах, музеях, институтах и т. п.

Институт языкознания АН СССР наметил провести совместно с учеными Чехословакии симпозиум по теоретическим проблемам языкознания, а Советский комитет славистов пригласил чехословацких ученых на научную сессию по поэтике и стилистике, на заседание Комиссии по словарю общеславянского литературного языка и другие научные сессии.

Довольно широкие контакты установлены между экономистами наших академий. Сотрудники институтов экономики, экономики мировой социалистической системы, мировой экономики и международных отношений, Центрального экономико-математического института и Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР обмениваются с чехословацкими друзьями опытом работы и планами исследований. Публикуются статьи в научных журналах и сборниках, издаваемых в СССР и Чехословакии. Так, чехословацкие экономисты приняли по просьбе Института экономики мировой социалистической системы участие в подготовке и выпуске сборников статей: «Социалистическая индустриализация стран народной демократии» (проф. В. Кайгл), «Совершенствование форм управления промышленностью в европейских странах народной демократии» (канд. экон. наук М. Рашицкий), «Социалистические преобразования в странах народной демократии в области сельского хозяйства» (проф. К. Свобода) и в других изданиях. В свою очередь чехословацкие журналы опубликовали ряд статей сотрудников института.

Экономисты наших академий предполагают совместно провести симпозиумы на темы: «Совершенствование планирования и управления народным хозяйством», «Общая теория современного империализма» и др.

В этом году Институт экономики мировой социалистической системы предполагает направить в Чехословакию около 20 ученых в порядке научного туризма. Было бы хорошо, чтобы эту инициативу поддержали другие экономические институты.

К сожалению, между экономическими институтами нет еще должной координации действий по сотрудничеству с социалистическими странами. Подчас сотрудники разных институтов выезжают в Чехословакию по одним и тем же вопросам. Объясняется это недостаточно организованной взаимной информацией.

Историки Советского Союза и Чехословакии, совместно с историками ряда других социалистических стран, координируют работу по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». В октябре 1965 г. в Москве состоялось 2-е координационное совещание по проблеме. Участники совещания наметили план работы по подготовке к 50-летию Октября. Была достигнута договоренность провести осенью с. г. в СССР Международную научную сессию на тему: «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». Доклады и материалы сессии будут изданы в виде отдельной книги.

Была также достигнута договоренность о том, что в каждой стране, принимающей участие в сотрудничестве по проблеме, будет издана библиография по истории Октября.

Кроме перечисленных выше общих мероприятий, каждая страна проведет подготовку к празднованию 50-летия Октября по национальному плану.

При ЧСАН еще в 1962 г. была организована рабочая группа по подготовке празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции во главе с чл.-корр. ЧСАН Л. Гологиком. В работе принимают участие Институт истории ЧСАН, Институт истории САН, Институт истории европейских социалистических стран ЧСАН, кафедра рабочего движения философского факультета Карлова университета в Праге, Институт истории КПЧ и другие организации. Уже издано несколько монографий и опубликовано много статей.

С 1965 г. началось плановое сотрудничество архивов академий наук социалистических стран, в том числе Архива АН СССР и Архива ЧСАН. Архив АН СССР принял на себя разработку основных принципов комплектования академических архивов научными материалами учреждений академий наук, а чехословацкие архивисты будут разрабатывать вопросы экспертизы документальных материалов, не подлежащих дальнейшему хранению в академических архивах. Архивы других академий будут работать над иными темами.

Кафедра иностранных языков АН СССР проводит в 1966 г. месячный практикум русского языка для чехословацких ученых. Несколько чехословацких ученых, в том числе специалисты по общественным наукам, приглашены Академией наук СССР для чтения лекций.

Институт народов Азии АН СССР в 1958 г. установил и непрерывно расширяет сотрудничество по изучению вопросов истории, экономики и филологии стран Азии с Институтом востоковедения ЧСАН и другими центрами востоковедения Чехословакии.

Сотрудниками института совместно с чехословацкими учеными или при их участии издано несколько сборников статей: «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», о реализме в литературе Востока, «Введение в историческую грамматику тамильского языка», «История и культура древней Индии». Последний сборник подготовлен совместно индологами СССР, ЧССР, ГДР и Польши. Намечено издание еще нескольких сборников. За последние годы наметился известный перелом и в совместных работах: все больший удельный вес приобретают актуальные проблемы современности.

Развивают традиционные связи советские и чехословацкие археологи. Научное сотрудничество осуществляется главным образом по проблеме «Происхождение человека и история первобытного общества».

Главное внимание ученые уделяют большому культурным общностям, образовавшимся в период перехода от каменного к бронзовому веку и сыгравшим большую роль в этногенезе народов Европы.

Институт археологии АН СССР активно использует возможности групповых научно-туристических командировок в социалистические страны. Так, в 1963 г. такая поездка состоялась в Чехословакию, в 1965 г. — в Польшу и Югославию. В результате подавляющее большинство научных сотрудников Института за последние несколько лет посетили социалистические страны, познакомились со многими учеными этих стран, их работами, музеями и коллекциями.

За последние годы укрепили контакты с научными журналами Чехословакии и других социалистических стран редакции академических журналов. Ученые социалистических стран все чаще выступают на страницах наших журналов. Так, в журнале «Вопросы языкознания» за 1960—1965 гг. было опубликовано 40 статей только чехословацких авторов.

Сейчас многие журналы предпринимают шаги к более широкому привлечению авторов из социалистических стран.

Библиотека АН СССР в Ленинграде и Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР в Москве осуществляют широкий книгообмен с Фундаментальной библиотекой Чехословацкой Академии наук, Центральной библиотекой Словацкой Академии наук и многими академическими институтами. Наши библиотеки уже с 1952 г. направляют своим чехословацким коллегам все академические издания, журналы (около 90 названий), серийные публикации (около 300 названий) и монографии по мере их опубликования. Кроме того, выполняются отдельные заказы, поступающие из Чехословакии, на научную литературу и микрофильмы.

Со своей стороны, чехословацкие библиотеки и институты регулярно посылают в библиотеки АН СССР свои издания, а также выполняют наши отдельные заказы. Так, в 1955 г. библиотека ЧСАН изготовила и выслала в БАН микрофильмы нескольких томов сочинения Ярослава Гашека и отдельных работ об этом писателе.

Издательство «Наука» и издательство ЧСАН осуществляют регулярный обмен информационными материалами о готовящихся к печати и выпущенных изданиях. Кроме того, они взаимно посылают книги для рецензирования в соответствующих журналах, а также переводят и издают наиболее интересные труды.

Состоялся обмен выставками академических изданий и предполагается подобные выставки устраивать и впредь.

В 1964 г. в Праге состоялось совещание директоров академических издательств ряда социалистических стран, на котором были намечены конкретные пути и формы дальнейшего сотрудничества.

Летом с. г. Академию наук СССР посетила делегация чехословацких ученых для ознакомления с организацией научных исследований в СССР в области общественных наук и обсуждения перспектив дальнейшего развития сотрудничества. В результате переговоров подписан протокол о расширении сотрудничества по актуальным проблемам общественных наук.

Ежегодно ученые Академии наук СССР участвуют в работе 30—35 научных конференций, съездов, сипозиумов и совещаний, проводимых в Чехословакии. Так, только в 1965 г. в Чехословакию для участия в конференциях выезжало более 300 работников Академии наук СССР и академий наук союзных республик. С каждым годом на такого рода мероприятия выезжает все больше ученых в качестве научных туристов. Например, в 1965 г. в порядке научного туризма на конференции в Чехословакию выезжало около 150 научных сотрудников (в 1964 г. — в два раза меньше).

Многие чехословацкие ученые приезжают к нам для участия в проводимых АН СССР международных и национальных научных конференциях и совещаниях. В 1965 г., например, Академия наук СССР направила в ЧСАН приглашения участвовать в 40 совещаниях. В текущем году количество проводимых АН СССР конференций, симпозиумов и коллоквиумов, на которые приглашены чехословацкие ученые, составляет более 60; кроме того, многие институты АН СССР предполагают увеличить число проводимых с участием ученых ЧСАН двусторонних симпозиумов. Только институты Секции общественных наук АН СССР намерены провести более 15 конференций, научных сессий, симпозиумов с участием чехословацких ученых.

Группа наших академиков, в том числе академики М. В. Келдыш, К. В. Островитянов, Б. А. Рыбаков избраны в знак признания их заслуг действительными членами Чехословацкой академии наук. Президент

Чехословацкой академии наук Ф. Шорм является иностранным членом Академии наук СССР. В феврале с. г. иностранными членами АН СССР избраны также чехословацкие ученые — директор Института вирусологии САН Д. Блашкович и известный специалист в области физической химии Я. Гейровский.

Несколько советских ученых удостоены званий почетных докторов чехословацких высших учебных заведений (Карлова университета, Чешского высшего технического училища, Университета Коменского в Братиславе, Университета им. Пуркинье в Брно и некоторых других).

Отдельные чехословацкие ученые являются иностранными членами советских научных обществ (Всесоюзного географического общества, Всесоюзного ботанического общества и др.).

Приведенные выше примеры конкретного сотрудничества ученых АН СССР с учеными Чехословакии охватывает только область общественных наук и показывают отдельные формы сотрудничества. В краткой статье не представляется возможным рассказать о всем многообразии содружества ученых двух стран, и автор не ставил перед собой такой задачи.

Братские отношения между народами СССР и Чехословакии способствуют дальнейшему развитию и углублению сотрудничества ученых. Можно с уверенностью сказать, что в дальнейшем будут появляться все новые и новые формы сотрудничества, будет совершенствоваться характер и повышаться результативность творческих связей ученых на благо народов наших стран.

Ю. И. ШТАКЕЛЬБЕРГ

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА

1. О патриотической символике времен восстания 1863 года.

Ян Тышкевич, автор статьи под аналогичным названием¹, поставил своей целью раскрыть символику различных изделий и украшений, которые жители Царства Польского носили в период восстания 1863 г., а также показать общественно-психологический смысл этого явления. Изучая богатые коллекции Исторического музея города Варшавы, он делает ряд интересных выводов как о всеобщем распространении подобных украшений и знаков, так и о их связи с символикой предыдущего восстания — восстания 1831 г. Материалы советских музеев и архивов позволяют добавить еще несколько соображений и замечаний к статье Я. Тышкевича.

Внешние проявления национально-освободительного движения в Царстве Польском и западных губерниях в 1861—1862 гг. имели некоторое своеобразие. Как подчеркивает Я. Тышкевич, в условиях неволи церковь объединяла различные слои местного населения. И, естественно, что на своем начальном этапе движение, приведшее к восстанию 1863 г., приобретало внешне религиозные формы, например, религиозно-патриотические манифестации. Расстрел 27 февраля 1861 г. одной из таких манифестаций привел к еще одному внешнему проявлению национально-освободительного движения — ношению траурной одежды. Формально это был траур по убитым жертвам, но в этот акт вкладывался и другой смысл — траур по угнетенной Родине. Этот смысл траура был хорошо известен царским властям, сурово преследовавшим его ношение. Современники пишут, что в один день вся Варшава (а за нею и другие города) стала траурной. Совершенно очевидно, что такая демонстрация патриотических настроений придавала силы движению. Другим признаком, по которому участники национально-освободительного движения узнавали единомышленников, было ношение патриотических значков или предметов и украшений с патриотическими символами. И опять-таки в силу вышеуказанной роли церкви в этот период все эти внешние знаки патриотизма имели, казалось бы, религиозную форму: крестики, жетоны (*medaliki*) с изображением креста или Богоматери и т. п. Но мы подчеркиваем, что религиозная форма была только внешней, и даже поверхностное знакомство с символикой изображений на таких крестах и жетонах подтверждает эту мысль. В самом деле, можно ли говорить о религиозном значении креста, на котором вместо распятия помещено изображение сердца, пронзенного тремя кинжалами, что символизирует раздел Польши тремя державами

¹ Jan Tyszkiewicz. O patriotycznej symbolice przedmiotów w dobie powstania 1863 roku.—«Kwartalnik historii kultury materialnej». R. XIV, Warszawa, 1966, № 1. s. 107—112.

и все это окружено датами трех разделов и четырех восстаний народа против своих поработителей! На другой стороне этого креста надпись: «Боже, спаси Польшу» (на некоторых крестах — «Боже, спаси нас»)², причем слово «Польша» вписано в изображение кандалов. Что же здесь религиозного, кроме формы креста и обращения к богу? Рассматривать подобную символику как религиозную означало бы за формой совершенно упустить из виду содержание. В то же время современникам был хорошо понятен смысл таких внешне, казалось бы, религиозных символов. Вспомним хорошо известную фотографию Карла Маркса и его дочери Женни (атеизм которых вне всяких сомнений). На груди Женни Маркс — крест, о котором К. Маркс, посылая фотографию Людвигу Кугельману, писал: «Крест, с которым изображена на фотографии моя старшая дочь Женни, — польский повстанческий крест 1864 года»³.

По-видимому, восприятие крестов и жетонов только по их внешней, религиозной, форме привело к тому, что Я. Тышкевич упомянул только об одном крестике, и то очень скупо, и совершенно оставил в стороне многочисленные жетоны и их символику. В то же время даже одни кресты, распространенные во время манифестационного периода и позднее, говорят о многом. Среди них встречаются и кресты-памятки, как, например, хранящийся в Эрмитаже крест с надписью: «Pamiętka 25—27 lut. 8 kwiet. 1861» (на обороте — «Warszawa») ⁴ и такого же типа описанный у Я. Тышкевича, но с текстом (несколько измененным) на русском языке, то есть уже предназначенный для распространения среди некаатолического и непольского населения ⁵. Все это свидетельствует о пропагандистской, а не религиозной направленности подобных изделий.

Еще более выразительна символика жетонов. Действительно, на каждом из них имеется или богородица или распятие, но на этом кончается их религиозная символика. Да и само распятие на таких жетонах не совсем обычно. Это сломанное распятие, то есть напоминание о том кресте, который был разломан во время разгона манифестации 8 апреля 1861 г. А это уже опять-таки не религиозный, а пропагандистский символ⁶. Если же рассмотреть те изображения, которые сопутствуют на жетонах богородице и распятию, то среди них мы видим:

² Гос. Эрмитаж. Отдел нумизматики. 583/14403.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 32, стр. 491. Об этом же К. Маркс писал и Ф. Энгельсу. Там же, стр. 198. Сама фотография опубликована в том же томе на вклейке между стр. 150 и 151.

⁴ Гос. Эрмитаж. Отдел нумизматики. 583/14404. Такой же крестик, но с несколько иным расположением текста имеется в собрании В. П. Афанасьева (ГБЛ, ф. 324, карт. 1).

⁵ Фотография креста опубликована Равитой-Гавронским (F. R a w i t a - G a w r o Ń s k i. Rok 1863 na Rusi. Lwów, 1902, s. 293, 352). Крест имеет на лицевой стороне изображение Христа и надпись: «спаси, господи, люди твоя», а на обороте — изображение соединенного герба Польши, Литвы и Руси и надпись: «1863. Польша. Литва. Русь. Свобода. Ровность. Независимость». Подлинный крест, из числа конфискованных в сентябре 1863 г. в посылке из Кракова, приложен к отношению министра финансов Рейтерна к генерал-губернатору Юго-западного края Анненкову от 4 октября 1863 г. ЦГИА УССР (г. Киев), ф. 442, оп. 813, д. 296, между листами 2—3.

⁶ Следует отметить, что именно так и расценивали все эти медали и жетоны в свое время царские власти. Когда Э. Гуттен-Чапский издавал каталог своего собрания польских монет и медалей, то цензурный комитет, получив таблицы, на которых помещены снимки с медалей, относящихся ко времени последнего польского восстания с гербами Польши и Литвы и эмблемами их союза, изображением переломленного распятия (выделено мною. — Ю. Ш.) и надписями [...], имея в виду значение вышеупомянутых медалей, очевидно, назначавшихся для целей восстания, затруднился пропуском таблицы» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, 1870 г., д. 33, л. 6). Цензурное разрешение было дано только через три месяца при условии, что таблицы будут выцущены как приложение к каталогу, высокая цена которого, специальное содержание и ограниченный тираж являлись известной гарантией чрезвычайно узкого распространения таких изображений.

а) изображение рукопожатия, так называемые «руки дружбы», символика которых действительно восходит, как отмечает вскользь Я. Тышкевич, к масонским знакам и, в частности, к ложе Соединенных славян. Этот символ в дальнейшем мы встречаем на печатях не только повстанческих организаций (Городской комитет в Варшаве, Комитет движения в Литве), но и на печатях русских революционных организаций (о чем пойдет речь далее). Впервые этот символ в манифестационный период появился на карточках «констеблей» во время похорон убитых 27 февраля 1861 г. «Руки дружбы» на жетонах символизируют Городельскую унию Польши и Литвы;

б) изображение якоря как символа надежды на восстановление независимости. Этот символ помещен на жетонах, выпущенных в связи с годовщиной унии 1569 г.;

в) изображение гербов Польши, Литвы и Руси (Правобережной Украины). Такие изображения уже не имеют ни религиозного, ни символического значения, а являются прямым пропагандистским призывом к борьбе за свободу и независимость. Чаще всего встречается польский одноглавый орел. Мы видим его и в сочетании с другими символическими изображениями на жетонах в память расстрелов 27 февраля и 8 апреля 1861 г. и отдельно на значках иногда в виде кокарды, окруженного военным ремнем с надписью: «Боже, спаси Польшу»⁷.

Очень интересный вопрос поставил Я. Тышкевич — какой орел изображен на всех этих изделиях? Изучая изображения орла на печатях различных повстанческих органов, мы пришли к выводу, что характер этого изображения зависит от места изготовления печати. По-видимому, этим же объясняется и различие в изображении орла на других предметах, изготовленных в период восстания. Интересно также отметить, что металлическая кокарда, захваченная австрийскими властями у участника восстания А. Медыцкого, почти точно воспроизводит изображение орла на жетоне в память пяти жертв 27 февраля⁸.

Отдельных изображений гербов Литвы («погонь») и Руси (архангел Михаил) нам не встречалось, но они обязательны в сочетаниях с польским орлом во всех случаях, когда дело касалось этих районов. В этом отношении весьма показательно наличие архангела Михаила как на всех изделиях, имеющих русский текст, так и впоследствии на объединенном гербе повстанцев (на печати Национального правительства). Вообще очень жаль, что Я. Тышкевич, сообщив весьма интересные данные о распространении символа польского орла среди сельского населения (даже на особом виде фасоли, имеющей раскраску, создающую иллюзию изображения одноглавого орла — фасоль с орликами), совершенно обходит молчанием пропагандистские изделия с русским текстом. Интересна медаль в память восстания, выбитая в Париже в 1864 г. Резавший медаль Ф. Ландри, не зная символики повстанческого герба, изобразил вместо архангела Михаила женскую фигуру с мечом и щитом, по-видимому, восприняв герб Руси как символ свободы.

Несколько слов о датировке этих пропагандистских изделий. Разумеется, Я. Тышкевич прав, когда говорит, что совершенно точная датировка их вряд ли сейчас возможна. Но мы не согласны с его утверждением, что можно говорить только о дате «не раньше чем». Многочисленные документы царских властей — донесения и рапорты, распоряжения и циркуляры — позволяют почти точно очертить время появления подобных

⁷ E. H u t t e n - C z a p s k i. Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises, v. II. St. Pétersbourg, 1872, табл. XIX, № 268, № 271.

⁸ Гос. архив Львовской обл., ф. 350, оп. 1, д. 1976; E. H u t t e n - C z a p s k i. Ibid., № 270.

изделий. Во всяком случае уже 8 (20) апреля 1861 г. секретный агент доносил наместнику Царства Польского Горчакову, что «многие женщины в Варшаве начали носить в знак траура по убитым 27 марта (8 апреля) небольшие черные кресты с изображением спасителя»⁹. Еще ранее, в марте 1861 г., как отмечает в своих записях М. Ф. Бороздин, у ювелиров появились в продаже золотые колечки с изображением пяти крестов и даты 27 февраля 1861 г.¹⁰ Высокая цена таких колечек — 10 рублей — подсказывает мысль, что они продавались не только ради выгоды самих ювелиров. Появление в Варшаве различных жетонов, по свидетельству Н. В. Берга, относится к июню 1861 г.¹¹ А в июле уже широко были распространены и в западных губерниях. В донесении об этом минский губернатор приводит описание жетона с изображением под сломанным крестом польского орла¹². Таким образом начало широкого распространения подобных изделий можно датировать летом 1861 г. Тогда же появились и булавки с изображением польского орла¹³. Многочисленные патриотические и пропагандистские изделия, наряду с письменными источниками, как не без основания отмечает Я. Тышкевич, чрезвычайно важны для характеристики социальной психологии широких масс населения в период восстания. В этом плане желательным было бы изучение подобного материала, находящегося в советских хранилищах, хотя, возможно, и уступающего по своей полноте польским собраниям.

2. Повстанческая медаль 1863 года.

Восстание 1863 г. дало многочисленные примеры личного героизма и отчаянной храбрости повстанцев. В то же время в целом военная ситуация с первых же дней складывалась отнюдь не в пользу сравнительно

малочисленных и действовавших разобщенно отрядов повстанцев. В этих условиях было совершенно необходимо широко пропагандировать среди

⁹ Архив АН СССР, ф. 100, оп. 1, д. 15, л. 52 — об.

¹⁰ ИРЛИ, ф. 265, оп. 10 д. 9, л. 32 — об.

¹¹ Н. В. Б е р г. Записки о польских заговорах и восстаниях, т. 2. Познань. 1884, стр. 85.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 21, л. 64—65 (Донесение Валуеву от 23 июля 1861 г.).

¹³ ИРЛИ, ф. 265, оп. 10, д. 62, л. 7.

народа как более удачные сражения, так и проявления индивидуального героизма. В нелегальной прессе внутри Царства Польского и охваченных восстанием районов западных губерний империи, а также в периодической печати Галиции и в сочувствующих восставшим западно-европейских органах печати публиковались с начала 1863 г. многочисленные корреспонденции об успехах повстанческих отрядов. Для их отличия ни руководство восстанием в лице Центрального национального комитета, ни командиры отрядов не имели никаких средств. Можно предполагать, что существовали не дошедшие до нас какие-либо приказы предводителей повстанческих соединений, в которых выражалась благодарность отличившимся бойцам, но даже если они и были, то с переходом повстанца в другой отряд (явление повсеместное в условиях восстания 1863 г.) о заслугах его ничто не говорило.

Один из видов персонального отличия было публичное выражение благодарности от имени Национального правительства. Впервые к этому прибег Центральный национальный комитет (в качестве Временного правительства) 12 апреля 1863 г., когда опубликовал особое объявление, что бывший военный начальник Краковского воеводства Аполинарий Куровский «хорошо послужил для Отечества». Правда, следует иметь в виду, что это объявление, опубликованное в №15 газеты «Ruch», имело целью не только отметить заслуги Куровского, но и пресечь слухи о том, что он самовольно бросил свой отряд и скрылся за границу. Через два месяца после экспроприации свыше трех миллионов рублей из Главного казначейства Царства Польского Национальное правительство вновь прибегает к той же форме выражения благодарности участникам этой экспроприации. 15 и 22 июня 1863 г. издаются два объявления, в которых «доводится до сведения народа», что чиновники Станислав Яновский и Станислав Хебда и сторожа Себастьян Белинский, Матеуш Тышковский и Ян Колтуновский «хорошо послужили стране». Оба эти объявления были опубликованы как отдельные листовками, так и в № 17 газеты «Ruch».

Были созданы также специальные знаки для награждения отличившихся. Насколько можно судить по сохранившимся сведениям, впервые это попытался сделать военный начальник Подляского воеводства «Лелевель» (М. Борелёвский). После битвы под Хруслиной (29 мая 1863 г.), когда повстанцы отбросили царские войска, «Лелевель» счел необходимым отметить отличившегося в этом сражении капитана Каликста Уейского¹⁴. С этой целью он возложил на него пожертвованный одним из участников восстания 1831 г. крест «Virtuti Militari»¹⁵. Подобное награждение прямо на поле боя высшим орденом независимой Польши, несомненно должно было поднимать боевой дух бойцов, но это не могло стать системой — далеко не всегда под руками мог оказаться кавалер, жертвующий свой орден.

Поступок «Лелевеля», по-видимому, стал известен не только в других отрядах, но и за пределами страны. Во всяком случае, нам кажется не случайным, что вскоре после этого в Париже возникают разговоры о намерении Национального правительства учредить особые знаки отличия. Нити этих разговоров ведут к окружению Чарторьского. К сожалению, сам он в своих воспоминаниях об этом не упоминает, и мы можем пользоваться только свидетельствами В. Рудницкого и З. Янчевского. Первый в своих показаниях говорит следующее: «Сотрудник газеты „Opin [ion]

¹⁴ Каликст Уейский, двоюродный брат известного польского поэта Корнелия Уейского, родился в 1828 г.; с 1859 г. находился в эмиграции, был офицером французских зуавов, с начала восстания вернулся на родину и отличился в нескольких сражениях. Погиб вскоре после своего награждения в битве под Корытницей 10 июня 1863 г.

¹⁵ K. D u n i n - W a s o w i c z. Marcin Borelowski «Lelewel» blacharz-pulkownik powstania 1863 r. Warszawa, 1964, s. 76.

Nation[ale]“ г. Labbé высказал пред каким-то поляком свое сожаление, что нет теперь польских орденов. Чарторьский тотчас подхватил эту мысль и чрез агентов своих пустил известие, что Жюнд Народовый намерен учредить особенный орден для журналистов, защищающих польское дело. Известие это быстро разнеслось по Парижу, а потом по всей Западной Европе»¹⁶. Янчевский описывает это примерно в таких же выражениях: «Чарторьский летом 1863 г., желая более расположить в свою пользу редакторов различных французских газет, собрал их к себе на обед и заявил, что Национальное правительство намерено наградить орденами, которые должны быть особо учреждены, тех редакторов, которые будут писать на пользу восстания»¹⁷. Сходство обоих этих показаний свидетельствует, что такой проект Национального правительства (может быть, предложенный самим Чарторьским) действительно был. Чарторьский и его окружение надеялись извлечь из этого проекта выгоду для своих дипломатических махинаций. Причины его неисполнения могут крыться скорее всего в изменениях, происшедших в самом Национальном правительстве в связи с приходом к власти крайней левицы и наступившем охлаждением между повстанческим правительством и Чарторьским.

В конце 1863 г. (по-видимому, в ноябре) возникает новый проект учреждения повстанческих наград, который тогда же и был осуществлен. Документов, непосредственно свидетельствующих об этом, обнаружить не удалось; имеется только мемуарная запись Казимежа Зенкевича (1845—1925). По его словам, за взятие пленных в сражении при Гуте Щецинской 9 декабря 1863 г. он был на следующий день награжден медалью командующим войсками Сандомирского и Краковского воеводств генералом Босаком (Гауке). При этом Зенкевич подробно описывает саму медаль¹⁸. Соответствующую его описанию медаль удалось обнаружить в Львовском историческом музее (шифр: MO-931)¹⁹.

Медаль изготовлена из серебра и выполнена в виде кружка диаметром 35 мм с ушком в верхней части для подвешивания на ленте. На аверсе медали в обрамлении дубовой и лавровой веток надпись в три строки: «TOWARZYSZ // BRONI // 1863/4». На реверсе — на фоне знамени и оружия, среди которого обращают на себя внимание две повстанческие косы, размещен треугольный щит со срезанными верхними углами. На червленом щите изображение польского одноглавого орла, увенчанного королевской короной. Над щитом, венчая его, — западноевропейский рыцарский шлем, обращенный вправо. Под щитом девять пушечных ядер и по самому краю медали подпись гравера: A. Schindler. Lwów. По свидетельству Зенкевича, медаль изготовлялась двух типов: серебряная и биметаллическая посеребренная и носилась на двухцветной (малиново-белой) ленте²⁰. Последнее интересно тем, что это цвета шнура, носимого повстанческими офицерами в качестве знака различия. Эти же цвета были предложены для морского флага повстанческого флота²¹.

¹⁶ «Zbiór zeznań śledczych o przebiegu powstania styczniowego». Следственные показания о восстании 1863 г. Wrocław — Москва, 1965, стр. 307—308.

¹⁷ Там же, стр. 114.

¹⁸ K. Zi en k i e w i c z. Wspomnienia powstańca 1863 roku. Warszawa, 1932, s. 276. Память несомненно изменила мемуаристу. Если он и был награжден медалью 10 декабря 1863 г., то вручена она могла быть лишь в 1864 г., когда и была (как очевидно из описания) отчеканена.

¹⁹ Кому принадлежала эта медаль и каким путем она попала в музей, в связи с гибелью во время войны инвентарных книг, установить не удалось. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность главному хранителю музея Е. И. Козловской за предоставление возможности ознакомления с медалью.

²⁰ K. Zi en k i e w i c z. Ibid., s. 276.

²¹ S. R u s s o c k i и др. Godło, barwy i hymn Rzeczypospolitej. Warszawa, 1963, s. 167—169.

Об исполнителе медали львовском медальере А. Шиндлере известно весьма мало, даже не известно, когда он родился и умер. По-видимому, после восстания он ничем не проявлял своего сочувствия к национальному движению, а в 1877 г. даже вырезал медаль в честь посещения Галиции²² кронпринцем Рудольфом.

Какое количество медалей было выбито и сколько человек было награждено, трудно даже гадать. Зенкевич пишет, что она очень редка²³ и называет еще трех человек, награжденных ею. Это поручик Ян Завадский (Ястржембский), награжденный вместе с Зенкевичем и тоже за взятие пленного — капитана русской армии Федоровского, Юзеф Михневский — за участие в обороне Гланова и капитан Ягельский²⁴.

Изображение на медали одного только орла, а не принятого с 10 мая 1863 г. герба, объединяющего изображения польского орла, литовского всадника и архангела Михаила (герб Киевской губернии, символизирующий Украину), говорит о том, что если сам проект создания медали и был согласован с Национальным правительством, то рисунок ее вряд ли утверждался в Варшаве. Изготовление медали во Львове (а не в Варшаве) не вызывает удивления, поскольку в Варшаве повстанческая организация не имела в это время в своем распоряжении ни одного гравера; даже печати изготовлялись за рубежом.

Независимо от того, была ли апробирована эта медаль Национальным правительством или нет, она остается ценным памятником героизма, проявленного повстанцами 1863—1864 гг.

3. Печать Русского военного комитета в Варшаве

Одним из неразрешенных вопросов, связанных с историей революционной организации 1860-х годов в русской армии, является вопрос — как ее именовали современники. Анализируя встречающиеся в источниках варианты, В. А. Дьяков в своей работе, посвященной армейской революционной организации, приходит к выводу, что для руководящего центра организации «наряду с названием Комитет русских офицеров в Польше применялось название Русский военный комитет в Варшаве (или в Царстве Польском)». Для всей же организации в целом он предлагает условное наименование «Революционная организация I армии» или «Революционная организация офицеров русской армии в Польше»²⁵. Оставляя пока в стороне вопрос о названии всей организации, посмотрим как именовал себя ее руководящий центр.

В данном случае совершенно недвусмысленным свидетельством является печать самого центра. Печать эта в оттиске сохранилась на одном из экземпляров прокламации «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше» (экземпляр Н. И. Павлицева)²⁶. Прокламация,

²² L. F o r g e r. Biographical dictionary of medallists..., t. V. London, 1912, p. 385.
²³ Есть сведения, что ношение этой медали преследовалось полицией. «Polska, jej dzieje i kultura», t. III, s. 458.

²⁴ K. Z i e n k i e w i c z. Ibid., s. 276.

²⁵ В. А. Дьяков и И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 года. М., 1964, стр. 26—27.

²⁶ ЦГАОР, ф. 109и, СА, оп. 2, д. 391, л. 20.

отпечатанная в Лондоне, датирована 5-м ноября 1862 г., но, по показаниям Р. Рогинского, была привезена в Варшаву А. Потемней (членом Комитета) между 28 декабря 1862 г. и 6 января 1863 г.²⁷ В Варшаве же она и была скреплена печатью комитета, о чем рассказывают в своих показаниях и воспоминаниях З. Янчевский, Р. Рогинский и З. Хондзынский²⁸. При этом интересно отметить, что все они, а также и О. Авейде, несмотря на то, что видели печать своими глазами, при передаче ее текста дают самые различные варианты (например, «Русский военно-революционный комитет» у Янчевского или «Правительственный Варшавский Русский Комитет» у Хондзынского), а Авейде, перепутав все на свете, утверждает даже, будто Комитет имел две печати: «одну „Русский военный комитет в Варшаве“, другую — две сложенные руки и надпись вокруг „Земля и Воля“»²⁹. Все это только лишний раз подтверждает, что свидетельства, не подкрепленные документом, далеко не всегда могут быть абсолютно достоверными.

Печать, оттиснутая на вышеупомянутой прокламации, — круглая, диаметром 26 мм, в середине имеет несколько опущенное изображение двух соединенных в рукопожатии рук. По окружности расположена надпись по-русски — сверху в две строки: «РУССКИЙ ВОЕННЫЙ КОМИТЕТЪ//ВЪ ВАРШАВЪ», снизу: «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».

Интересно отметить, что изображение соединенных в рукопожатии двух рук в разных вариантах встречается еще на двух печатях начального периода восстания 1863 г. Это печать Городского комитета в Варшаве и печать Комитета движения в Вильно (с текстом «Odwaga — Rozwaga»). Современники говорят, что руки эти были «крестьянская с барашковым обшлагом и панская с плотно прилегающим суконным рукавом, что означало будто бы братство крестьян с панами». Точно также и рисунок на печати Русского военного комитета трактовался как изображение офицерской и солдатской рук³⁰.

Что же касается текста на печати, то наличие в нем слов «Земля и Воля», говорит о том, что печать эта появилась после объединения армейской организации с организацией «Земля и Воля», как известно, происшедшего в конце ноября — начале декабря 1862 г. Верхняя часть надписи на печати содержит название руководящего центра организации — «Русский военный комитет в Варшаве». Не исключена возможность, что это окончательный вариант названия, претерпевшего различные изменения, о которых мы можем только гадать. Но неоспоримым является тот факт, что к моменту появления данной печати (декабрь 1862 г.) это было единственное название комитета и таковым уже оставалось до конца его существования.

Другое дело само название всей организации.

Прежде всего вспомним, как называли себя иные, существовавшие в то время в Царстве Польском и в империи революционные организации. Для Царства Польского известны названия: «Академики» — студенческого общества и «Городская организация» в Варшаве, а также общее название «Сообщество присягнувших» (или просто «присягнувшие») для всей массы, принявших присягу и соответственно организованных в десятки, сотни и т. д. (сюда же входили и первые две организации). При этом следует отметить, что и «Академики» и «Городская организация» были в общем-то

²⁷ ГПБ, ф. 4020, тетр. IX, л. 222 (Рогинский).

²⁸ Там же, тетр. XIII, л. 349 (Янчевский); Z. Chądziński. Wspomnienia powstańca z lat 1861—1863. Warszawa, 1963, s. 64.

²⁹ «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, стр. 313.

³⁰ ГПБ, ф. 4020, тетр. XIII, лл. 221—222, 356 — об. (Янчевский).

локальными организациями, не имевшими членов за пределами Варшавы. Для империи известно общество «Земля и Воля», имевшее, кроме Петербургской и Московской организации, еще и провинциальные филии. И, как мы видим, в Варшаве также появляется филия этого общества в лице присоединившейся армейской организации³¹.

Следует также обратить внимание и на прокламацию «Офицерам всех войск от общества „Земля и Воля“», написанную в феврале 1863 г. Не случайно авторы прокламации, несомненно зная о названии армейской организации, здесь обращаются от имени общества «Земля и Воля», называя его все время «наше общество». Не случайно в прокламации советуются офицерам, находящимся в Польше и в западных губерниях: «Не унывайте, не рассеивайтесь. Держитесь крепко в союзе друг с другом и с нами». Мы сознательно выделяем это «и с нами», напоминая, что в данном случае речь ведется от имени общества «Земля и Воля». Если при этом не называется другой организации, а в обращении к членам военной организации «Русского военного комитета в Варшаве» говорится «наше общество не погибло», то можно допустить, что вся эта организация имела общее название «Земля и Воля». И возможно, не так уж условно, как считает В. А. Дьяков, употребление названия «Военная организация „Земли и Воли“» или «Организация „Земли и Воли“ в западных военных округах»³², если только в условиях строжайшей конспирации члены этой организации вообще называли ее как-либо, кроме как по наименованию руководящего органа или же условно, как например, «присягнувшие». Но на этот вопрос пока ответить, по-видимому, невозможно.

³¹ В этой связи нужно отметить, что описываемая печать Русского военного комитета в Варшаве является также и документальным доказательством вхождения организации в Общество «Земля и Воля».

³² В. А. Дьяков и И. С. Миллер. Там же, стр. 27.

Ф. В. НЕДЗЕЛЬСКИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Р. И. БОШКОВИЧА

Выдающийся югославский мыслитель Руджер Иосип Бошкович родился 18 мая 1711 г. в Хорватии, воспитывался в дубровницком коллегии ордена иезуитов, продолжал дальнейшее образование в Риме. С 1740 г. — профессор математики, философии и астрономии ряда учебных центров Италии. Бошкович много путешествовал, был избран членом академий ряда государств. Умер 13 февраля 1787 г. в Милане.

Наследие Бошковича многогранно: математик и поэт, естествоиспытатель и дипломат, архитектор и географ — вот далеко не полный перечень его научных интересов. В настоящее время его труды вызывают все возрастающий интерес историков науки¹. И это не случайно. Идеи Бошковича предвосхитили многие научные достижения последующих поколений. Особенно плодотворным оказались его взгляды на структуру материи, пространства, времени и их взаимосвязь. Ряд блестящих догадок ученого ждет еще своего подтверждения. Среди них (в связи с гипотезой квантования пространства и времени² в микропроцессах) особое значение в наши дни приобретает его оригинальная концепция дискретности пространства и времени.

Согласно его взглядам, все тела и эфир состоят из конечного числа абсолютной неделимых, безразмерных, но обладающих массой силовых точек. Причем эти точки не могут совпасть одна с другой³, ибо при сближении на бесконечно малый промежуток между точками возникают бесконечно большие силы отталкивания. Отвергая ньютоновское независимое от материальных процессов пространство и время, он обосновывает положение о пространстве как реальности множества отношений между модусами сосуществующих точек и о времени как реальности множества отношений модусов точек в их последовательности⁴. Вне силовых центров пространства и времени нет, ибо, по мнению Бошковича, понятие «отношение» без признания соотносящихся силовых центров теряет реальность.

Таким образом, у Бошковича существующий абсолютный предел делимости материальных образований есть абсолютный предел делимости пространства и времени. Учитывая, что характер и сила взаимодействия между двумя точками зависят не только от их взаимного пространственного

¹ См. С. L a v o. *Boškovičev nauk o materiji, prostoru in casu v luči relativistnostne teorije*. Ljubljana, 1923; С. И. В а в и л о в. Исаак Ньютон. М., 1961, стр. 255—257; Э. К о л ь м а н. Жизнь и научная деятельность Руджера Бошковича. — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 2, 1956, стр. 92—109.

² См. А. Н. В я л ь ц е в. Дискретное пространство — время. М., 1965; H. S n y d e r. Quantized space-time. *Phys. Rev.*, вып. 71, 1947, и др.

³ B o s c o v i c h. *Theoria Philosophiae Naturalis. Venetiis, 1763*, § 12.

⁴ B o s c o v i c h. *Philosophiae recentioris, t. 1. Romae, 1755*, § 6.

положения, но и от всей совокупности точек, мы приходим к выводу, что любая протяженность определяется не только модусами двух силовых центров, но и всем множеством других. Конкретное отношение одного модуса существования ко всему множеству других модусов приводит, по Бошковицу, к строгой индивидуальности длины и промежутка времени⁵, т. е. к неделимости их в том смысле, что невозможно получить пространственные и временные интервалы, полностью совпадающие между собой по размерам и свойствам. Но безотносительно к индивидуальности (качественной определенности) указанных интервалов пространство и время делимы до определенных пределов. Положение Бошковица о том, что нет хотя бы двух пространственных и временных интервалов абсолютно равных по своим свойствам, как бы предвосхищает диалектико-материалистическое решение данного вопроса, и в этом большая заслуга хорватского мыслителя. Но признание абсолютного предела делимости пространства и времени свидетельствует о том, что Бошковиц не мог полностью освободиться от метафизичности в данном вопросе, которая у него выражается в односторонней фиксации прерывности пространства и времени.

Однако указанное ни в коем случае не снижает значения научного предвидения ученого, выступившего с оригинальной гипотезой, ряд положений которой подтверждается спустя два столетия. В этой связи интересно привести оценку идей Бошковица, данную Д. И. Менделеевым: «... в современных воззрениях на вещество, — пишет он, — повторяется много сторон учения Бошковица с тем основным различием, что вместо математической точки, снабженной свойствами массы, атомам приписывается телесность». Имя Бошковица, продолжает Менделеев несколько ниже, — «вместе с Коперником, составляет справедливую гордость западных славян, потому что оба эти ученые патеры стоят впереди своего времени и дали многое науке»⁶.

Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от Коперника, научное наследие Бошковица изучено еще крайне недостаточно. В частности, совсем не подвергались исследованию связи хорватского мыслителя с учеными России⁷. Долг советских историков — внести вклад в изучение богатейшего наследия одного из замечательных мыслителей славянских народов.

⁵ Ibid., § 11.

⁶ Д. И. Менделеев. Избранные сочинения, т. II, стр. 371.

⁷ Одним из фактов, подтверждающих существование такой связи, является избрание Р. И. Бошковица в 1760 г. почетным членом Петербургской академии наук (см. «Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г.» Т. II, СПб, 1889, стр. 443). Кроме того, интересно отметить, что М. В. Ломоносов, будучи знаком с работами Бошковица, высоко отзывался о них (см., например, Г. М. К о р о в и н. Библиотека Ломоносова. М. — Л., 1961, стр. 209, 391).

Ю. К. БЕГУНОВ

ОТРАЖЕНИЕ «БЕСЕДЫ» КОЗМЫ БОЛГАРСКОГО В «МОЛЕНИИ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА»

В известном памятнике литературы первой половины XIII в. «Молении Даниила Заточника» читается следующее осуждение ложного монашества: «Мнози бо, отшедше мира сего во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины, и на мирское гонение; обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. Иде же брацы и пирове, ту черньцы и черницы и беззаконие: ангелский имея на себе образ, а блудной нрав; святителский имея на себе сан, а обычаем похабен»¹.

По этому поводу еще Е. Е. Голубинский писал: «Какое отвратительное безобразиие представляли собой наши внемонастырские, волочившиеся по миру, монахи, в позднейшее время, это мы положительно знаем из памятников (Стоглавый собор и некоторые другие памятники)... Пока мы не знаем нарочитых речей об этих монахах из периода домонгольского, которые бы изображали их тем, чем они были; но вот ненарочитая речь о них, кстати пришедшая, у Даниила Заточника»².

Однако, «ненарочитая речь» есть не что иное как цитация и пересказ начала известного «слова» или «главы» из «Беседы на новоявившуюся ересь Богомилу» болгарского писателя X в. Козмы Пресвитера «О хотящих отити в черныя ризы».

Сравним оба текста между собой:

«Беседа» Козмы Пресвитера

«Мнозе бо отходящих в монастыря, не могущих терпяти сущих ту молитв и трудов, прибегают и въвращаются, аки пси на своя блевотины дни препровожающе, где пирове брывают; чреву суще раби, а не богу»³

«Моление Даниила Заточника»

«Мнози бо, отшедше мира сего во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины, и на мирское гонение; обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. Иде же брацы и пирове, ту черньцы и черницы и беззаконие: ангелский имея на себе образ, а блудный нрав; святителский имея на себе сан, а обычаем похабен»⁴.

¹ «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. — «Памятники древнерусской литературы», вып. 3., Л., 1932, стр. 70. В первой редакции «Моления» XII в. этот абзац отсутствует.

² Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I. Вторая половина. Изд. 2-е. М., 1904, стр. 659. Обычно первая редакция «Моления» называется «Словом», а вторая — собственно «Молением» (см. М. Р. С к р и п л ь. Слово Даниила Заточника. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XI, М. — Л., 1955, стр. 72—95).

³ М. Г. П о п р у ж е н к о. Козма Пресвитер — болгарский писатель X века. София, 1936 (Български старини, XII), текст, стр. 46—47.

⁴ «Слово Даниила Заточника», стр. 70. Разрядкой отмечаются совпадения в словах и выражениях обоих памятников.

Буквальное совпадение отдельных слов и выражений, а также сходство в трактовке основной темы — обличение недостойной жизни иноков не по призванию, нарушивших обеты отвержения мира, поста, целомудрия, нестяжательства, подвижничества, — говорит о том, что один отрывок зависит от другого. Известное библейское выражение «якоже пес, егда возвратится на своя блевотины»⁵ нельзя считать непосредственным источником аналогичного выражения «Моления»: в «Молении» оно находится точно в таком контексте, как и в «Беседе», что говорит о возможном заимствовании всего пассажа не прямо из Библии, а через посредство «Беседы».

О знакомстве автора «Моления Даниила Заточника» с содержанием «Беседы» Козмы Пресвитера свидетельствует и суровая оценка лгущих богу чернецов: «Лучши ми есть тако скончати живот свой, нежели, восприимши ангелский образ, солгати. Рече бо лож мирови, а не богу. Богу не лже солгати, ни вышним играти»⁶.

Действительно, на многих страницах своего сочинения болгарский писатель бичует пороки современного ему монашества, называя поступки недостойных чернецов ложью богу, что созвучно высказываниям русского автора «Моления». Так, например, он пишет: «Тех бо ради доблии законнии черньци мързятъ человекомъ о пищах же и веселии. И таковых лже лгати, много бо и различная ядь на трапезах ихъ обретается, яко же и у богатых живущих в миру. Многа же молва и нестройна речь и любы не по закону. Оже бо и от сvara престануть, то ж на пьянство обращаются смиряющеса и любяще о вине, а не о бозе. Но любы света сему быти враг божий бывает. И таци суще мнятся черньци суще, и богу работающе, но не можете, рече, богу работати и Мамоне... и паки глаголя, и яко веде бога и заповеди его не съблюдая, ложь есть и в немъ истины несть. Вера бо без дел мертва есть»⁷.

Очевидно, автор «Моления Даниила Заточника», писавший в Северо-Восточной Руси и адресовавший свое послание к великому князю Ярославу Всеволодичу (ум. 1246 г.)⁸, хорошо знал сочинение Козмы Пресвитера, ходившее на Руси не в одном только списке. Так, нам известен пергаменный Пролог XIII—XIV в., содержащий под 17 марта «Слово Козмы Прозвютера о хотящих отити в черныя ризы»⁹. В дальнейшем это «Слово» было широко распространено в составе древнерусских учительных сборников — Прологе (под 17 или 21 марта), «Златоструе» (XIV в.), «Измарагде» (XIV в.), «Златой цепи» (XIV в.), Никифоровском сборнике XV в., Торжественниках, Цветниках и многих других — иногда с псевдоэпиграфом «Иоанн Златоуст» или «св. Даниил» или «св. отцы»¹⁰.

Однако автор «Моления Даниила Заточника», наверное, все же воспользовался одним из полных списков «Беседы» Козмы Пресвитера, так как в слове «О хотящих отити в черныя ризы», имевшем хождение в виде отдельного произведения, отсутствует обличие монашеской «лжи богу» (ср. приведенный ранее отрывок из «Беседы», начинающийся словами «Тех бо ради доблии законнии черньци мързятъ человекомъ...»). В словах

⁵ «Якоже пес, егда возвратится на своя блевотины, и мерзок бывает, так безумный своею злобою возвращается на свой грех». Притчи Соломона, 26. 11.

⁶ «Слово Даниила Заточника», стр. 70.

⁷ М. Г. Попруженко. Козма Пресвитер — болгарский писатель X в., текст, стр. 53—54.

⁸ Великим князем киевским Ярослав Всеволодич стал в 1236 г., а великим князем владимирским — в 1239 г.

⁹ ГПБ, собрание М. П. Погодина, № 60, лл. 24 об. — 26 об. Изд. текста см.: М. Г. Попруженко. Козма Пресвитер — болгарский писатель X века, стр. LXXXVI—LXXXIII.

¹⁰ М. Г. Попруженко. Козма Пресвитер — болгарский писатель X века, стр. LXXXIII—XCII, C—CIII, CV—CVI.

«Моления» «... а святителский имея на себе сан, а обычаем похабен», может быть, чувствуется знакомство автора уже с другой главой «Беседы» — «О епископех и о попех», где речь идет о недостойной жизни духовенства¹¹.

В пользу существования в Северо-Восточной Руси в первой половине XIII в. полного списка «Беседы» Козмы Пресвитера, который мог быть известен автору «Моления», свидетельствует Галицкий пергаменный отрывок первой половины XIII в.¹² Текст Галицкого отрывка был в первый раз издан и исследован А. А. Кочубинским¹³; интересные соображения о нем высказывал и М. Г. Попруженко¹⁴. Судя по орфографии и языковым формам, этот отрывок переписан несомненно на территории, где был распространен русский язык. Об этом свидетельствуют многочисленные замены «ъ» на «о» и «ь» на «е» и «и», настойчивое тяготение к полногласным формам и стремление прояснить редуцированные даже там, где их не должно было быть (например, «творате» вместо «творять», «менешаго» вместо «меньшаго» и т. д.).

В этом отрывке редуцированные проясняются не только на месте *ъ* и *ь* слабые, но даже и там, где они не должны были проясняться, например на конце слов («своихо» вместо «своихъ», «зовути» вместо «зовуть» и т. д.). Как доказал А. А. Шахматов, процесс падения редуцированных в русском языке начался в конце XI и завершился в начале XIII в., причем сперва исчезли слабые звуки в начале, потом в середине и конце слов, и лишь после этого совершился переход сильных редуцированных в гласные полного образования (второе полногласие)¹⁵. Язык нашего отрывка относится к тому времени, когда процесс падения редуцированных полностью завершился, т. е. к первой половине XIII в., а не в XII в., как полагал А. А. Кочубинский¹⁶. К сожалению, А. А. Кочубинский не привел никаких палеографических наблюдений в пользу своей датировки. Из-за отсутствия рукописи или ее фототипического воспроизведения мы лишены возможности по начертаниям букв попытаться датировать текст. А. А. Кочубинский сообщил только о том, что рукопись написана полууставом на пергаменном листе, оборванном по краю и содержащем по 23 строки на странице.

Несомненно, что Галицкий отрывок не содержал среднеболгарских языковых черт. Значит, уже в первой половине XIII в. на Руси были знакомы со старославянским текстом «Беседы» Козмы Пресвитера. Мы предполагаем, что Галицкий отрывок — это остаток полного текста противобогомилъского трактата Козмы Пресвитера, так как слово «О литургияхъ»,

¹¹ Ср.: М. Г. Попруженко. Козма Пресвитер — болгарский писатель X века, текст, стр. 74—80.

¹² Этот лист в конце XIX в. принадлежал известному львовскому ученому А. С. Петрушевичу, которому он был доставлен из одного села Галиции. Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

¹³ Рец. А. А. Кочубинского на кн.: П. Житецкий. Очерк литературной истории малорусского наречия. — «Записки имп. Академии наук», т. 69, кн. I. СПб., 1892, стр. 290—292.

¹⁴ М. Г. Попруженко. Св. Козмы Пресвитера «Слово на еретки, и поучение от божественных книг». — ПДП и И, т. CLXVII. СПб., 1907, стр. XII; Е. Г. Оже. Козма Пресвитер — болгарский писатель X века, стр. CIV.

¹⁵ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915 (Энциклопедия славянской филологии под ред. И. В. Ягича, вып. II, ч. I).

¹⁶ См.: А. А. Кочубинский. Отчет о занятиях славянскими наречиями командированного за границу доцента имп. Новороссийского университета А. Кочубинского за время от 1 августа 1874 г. по 1 февраля 1875 г. — «Записки имп. Новороссийского университета», т. XVIII. Одесса, 1876, стр. 194; то же отдельной книгой: А. А. Кочубинский. Из-за границы (Отчеты). 1 августа 1874 — 1 февраля 1876 г. Одесса, 1876, стр. 4.

часть которого читается в Галицком отрывке, в виде «слова», имеющего самостоятельное хождение, не встречается.

Итак, установление факта знакомства русского автора 30—40-х годов XIII в. с сочинением болгарского писателя Козмы Пресвитера позволяет расширить наши представления о бытовании болгарских литературных памятников на русской почве. Используя отдельные меткие фразы и выражения о лжемонашествовавших из «Беседы» Козмы Пресвитера, автор «Моления Даниила Заточника» изобразил русских монахов и монахинь в сатирическом духе: они покидают монастыри и пустыни, уходят в города и селы, бражничают, стяжают, прелюбодействуют. Нарисованная им кратина, по всей вероятности, соответствовала русской действительности того времени. По словам Иоанна, митрополита русского, тогда «...в монастырех часто пиры творять, созывают мужа вкупе и жены, и в тех пирех друг другу преуспевае, кто лучей створить пир; си ревность не о бозе, но от лукавого бываете... иже в пирех пити, целующесе с женами без смотрения мнихом и белцем»¹⁷. Видимо, поведение монахов на Руси ничем не отличалось от поведения их собратьев в Византии и Болгарии.

Болгарский ученый И. Гошев, сопоставлявший канонические правила о монашестве с «Беседой» Козмы Пресвитера, выяснил, что болгарский писатель осуждал монахов за несоблюдение ими 41-го и 42-го правил VI Вселенского собора, а также 3-го правила IV Вселенского собора¹⁸. Посмотрим, например, 42-е правило VI Вселенского собора: «Глаголемыя пустыньники, иже очьрньшесе и главы не остризающе, проходять грады межю простыми мужи и женами живуще и своему обещаю ругающеся, заповедаем: аще хотять власы остричьше прочих мьних всприяти образ, сих в монастырех посадити и к братии почитати. Аще ли сего не изволят, всуде я от града изгонити и в пустынях жити отнюду же и тьзоименитьство себе изволиша»¹⁹.

Лжемонашество неизменно вызывало возмущение у передовых людей своего времени, какими были болгарин Козма Пресвитер и русский автор «Моления Даниила Заточника». Достойной отповедью непрошеным советам князя звучат в «Молении» следующие слова: «Или речеши, княже, пострижися в черницу? То не видал есмь мертвеца, на свиньи ездячи, ни черта на бабе; не едал есмь от дубья смоквей, ни от ливий стафилия»²⁰. Представители антифеодальных и еретических движений — стригольники XIV в., новгородские и московские еретики XV в. — высказывались против всего института монашества в целом, опираясь при этом на известные слова апостола Павла: «Дух же явственнo глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчым и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью, возбраниющих женитися, удалятися от брашен, яже бог сотвори в снeдeние с благодарением верным и познавшим истинну»²¹. И еретики ортодоксы православия охотно и часто критиковали ложное монашество, но с разных позиций — еретики с целью отрицания монашества вообще, а такие авторы, как Даниил Заточник и Козма Пресвитер, с целью устранения его недостатков.

¹⁷ РИБ, т. VI, стлб. 16. Ср.: Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I, вторая половина, гл. VI, разд. 5, стр. 658—668.

¹⁸ И. Г о ш е в. Облеклото на старобългарските монаси. — «Известия на Народния етнографски музеи», кн. X—XI. София, 1932.

¹⁹ В. Н. Б е н е ш е в и ч. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1907, стр. 174.

²⁰ «Слово Даниила Заточника», стр. 70.

²¹ «Послание I апостола Павла к Тимофею», гл. 4, ст. 1—5. Ср.: Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 299—305; 414—419; «Просветитель или обличение ереси жидовствующих...». Изд. 3-е, Казань, 1896, стр. 405, и след.

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ВОПРОСЫ Н. П. РУМЯНЦЕВА К ВУКУ КАРАДЖИЧУ И ОТВЕТЫ НА НИХ

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранятся два письма, представляющие интерес как для истории сербского просвещения и деятельности Вука Караджича, так и для истории филологической науки в России. Это — вопросы Н. П. Румянцова к Вуку Караджичу и ответы на них последнего. Письма находятся в Отделе рукописей, фонд 256, № 79, лл. 6—8.

Вопросы написаны на левой половине листов с лицевой и оборотной стороны. Правые половины остались незаполненными. Бумага, на которой написаны вопросы, — белая, с водяным знаком: АО 1818¹ и лев с пучком стрел в гербовом под короной щите². Бумага, на которой написаны ответы, — тоже русская. Она — голубая, имеет водяной знак ЯБМЯ 1817³ с гербом Ярославля. Даты нет ни на «Вопросах», ни на «Ответах». «Ответы» были когда-то сложены вчетверо и, следовательно, хотя и написаны на русской бумаге, могли быть присланы в письме, а не написаны в 1819 г. во время путешествия Караджича в Россию.

Содержание публикуемых ниже вопросов Н. П. Румянцова является еще одним ярким свидетельством возросшего интереса к истории и древней письменности славян, широты исторических и филологических проблем, волновавших в 10—20-е годы XIX в. так называемый кружок Румянцова. Лица, входившие в этот кружок, занимались разысканием древних рукописей, составляли первые археографические описания их, научные каталоги, проводили первые подлинно научные палеографические и историко-филологические исследования⁴. Из письма Н. П. Румянцова видно, что его интересовали вопросы русской и сербской истории (причем не столько частные факты, сколько общие вопросы, имеющие значение для всего славянства), сербского и русского летописания, вопросы чисто языковые (лексические параллели, встречающиеся в древних рукописях, и сербские соответствия им), а также вопросы церковной истории в той мере, в какой они касаются древних общеславянских связей (Чехия, Сербия, Русь), и истории письменности и просвещения.

«Ответы» Вука Караджича конкретны и свидетельствуют не столько о понимании их автором широких исторических и филологических проблем, сколько о разносторонности и глубине конкретных знаний по частным вопросам.

¹ АО — Александр Ольхин; 1818 год.

² К. Я. Тромони. Знаки писчей бумаги. М., 1844, № 1418.

³ ЯБМЯ — Ярославская большая мануфактура Яковлева; 1817 год.

⁴ Подробнее см.: Л. П. Жук о в с к а я. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963, стр. 31—40.

Ниже следует текст вопросов и ответов, который передается по современной орфографии, однако с соблюдением пунктуации оригиналов, сохранением согласования отдельных форм и употребления прописных букв. В примерах из древнерусских и древнесербских памятников соблюдается орфография писем, хотя, по-видимому, это скорее орфография начала XIX в., чем древних текстов. Деление на строки не соблюдено.

[Л. 6] «Вопросы:

В Российских летописях находятся частые упоминания о народах, Дряговичи, Дулебы, Вятичи, Радымичи, Кривичи, Козары, Половцы, Печенеги. Сии народы точно ли под теми же названиями известны Сербским летописателям; а ежели им даются имена другие, то какие именно каждому? Берендеи и Черные Клобуки появляются ли также в летописях Сербских, равно Косоги, Ятвяги?

Упоминают ли Сербские летописцы о походах Святославовых сына его Владимира и внука его Ярослава? В котором из Сербских Летописцев находятся об них сведения, и есть ли точное известие, что Владимир крестился в Херсоне, и женился на сродственнице восточных Императоров, нет ли где в Сербских Сочинениях, что Владимир имел супругу не Гречанку, а Болгарину?

В Сербских Летописцах упоминается ли о двух Галлицейских Князях у нас известных под именем Берлядников, в какой области Сербы ставят город Берляд *?

[Л. 6-об.] Наши древние Летописцы полагают на Черном море близ устья Днепра город Алешье или Олешье? Есть ли об нем упоминание в древних Сербских Летописцах?

Наши Летописцы называют часть Азовского моря, или лучше сказать исток его в Черное море, Морем Сурожским, такое наименование появляется ли где в Сербских древних Сочинениях?

У сербского Народа oprичь владетельных им Князей были ли в числе подданных Княжеские фамилии, и таковое Княжеское достоинство было ли родовое, или жалованное и принадлежащее одному лицу, а не роду его?

Был ли у Сербов особенный Класс Бояр, были ли Тиуны и Гридичи, были [ли] народные собрания известные под именем Вѣчь?

Имеют ли какое значение на древнем Сербском языке Слова: Болонье, Вериги, Зарубь, Грунь, Желни, Стягъ, Стань, Сѣни, и глагол тянуть принадлежит ли Сербскому языку?

[Л. 7] Что точно значит Божица и слово Церковь было ли издавна в употреблении Сербского языка?

В наших самых древних Евангелиях существует та разница, что вместо Пѣтель или Пѣтуха, пишется Курь, как Самец Курицы; а в том Евангелии, где девы мудрые ждут прихода Жениха, самые древние наши рукописные Евангелии имеют ту разницу от рукописных последующих, что в них стоит мудящу Жениху вместо медлящу. Сии две разницы самых старинных Евангелий существуют ли равно и в самых старинных Сербских рукописных Евангелиях?

Нужно бы поверить приложенный здесь полный Месяцослов тех Святых, которых признала Российская Церковь, с полным же Месяцословом тех угодников Божиих, коих празднует Сербская Церковь, с показанием коих из наших она не ведает, и которых перед числом нашим имеет лишними?

[Л. 7-об.] Именно желаю знать, признает ли Сербская Церковь Святую Людмилу, бабу Вечеслава Князя Ческого, коей память у нас правится 16. Сентября; также Сербская Церковь празднует ли Святого Стефана Архиепископа Сурожского, которого память мы свершаем 15. Декабря?

Имеют ли Сербы особенную свою церковную Историю и всеобщую Историю Греческой восточной Церкви?

Между нашими Митрополитами мы числим, яко одного из умнейших, и прославивших себя разными сочинениями Митрополита Киприана родом Серблина, который поставлен Митрополитом в 1376-м или 1378-м году, есть ли об нем известие у самых Сербов, какие ему сочинения Сербскими Писателями или вскоре по нем явившимися, что он Сочинитель Российской Истории известной под именем Степенной книги, которую после пополнил у нас Макарий Митрополит?»

* В слове *Берляд* буква *я* переправлена из *а*.

Ответы Вука Караджича:

[Л. 8] «Ответы

на некоторые вопросы, на кои здесь* можно ответить:

1) У Сербского народа были и подданные княжеские фамилии; и хотя такое достоинство было наследственно, но всегда принадлежало оно (с именем кнеза) одному только лицу из фамилии (как и ныне обычно в Сербии, в Босне, в Герцеговине и в Черной Горе).

2) У Сербов был особенный класс Болярь; и вместо Русского слова вѣчь, Сербы и до ныне имеют вијећа (а по Ресавскому и Сремскому наречию вѣћа), которое означает собрание для советов; Сербы также имеют и глагол вијећати (вместе советоваться), и от того существительное ими вијећање.

3) Божница я не слышал никогда, и слово црковь (црква) хотя издавна в употреблении, но Богомоля может быть еще старее.

4) Мудящю ежели бы было вместо мелдящю или млящю, тогда это бы можно было сравнить с многими речениями нынешнего Сербского языка, в которых находится у вместо л (по древнему), наприм. сунце вместо слнце (по Рус. солнце), дуг вместо длгъ, пун вместо плнъ, вући вместо влщи (влещи) и т. д.— Но в нынешнем Сербском языке не имеют никакого значения ни мелдящю ни мудящю.

5) В полном Российском месяцослове я не нашел следующих угодников Божиих, которых Серб[Л. 8 об.]ская церковь празднует:

а) Ангелию Деспотицу.

б) Максима Епископа (которого мощи Турки сожгли в монастыре Крушеделе, в Сирмии).

в) Краля Мплутина.

г) Стефана Краля Дечанского (которого мощи почивают в монастыре Дечанех, в Сербии).

д) Царя Уроша (которого мощи почивают в монастыре Язке, в Сирмии).

е) Стефана Щилянвича (которого мощи почивают в монастыре Шпшатовце, в Сирмии).

Когда сих угодников Божиих память совершается, теперь не знаю; Сербы имеют особенную книгу, в которой содержатся** правила всех Сербских угодников Божиих, которых греки не признают.

б) Сербы не имеют особенной церковной истории.»

* Здесь и ниже разрядка В. Караджича.

** В рукописи — *содержался*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ДЕРЕВНИ В РАБОТАХ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ

В 1963—1965 гг. в чехословацкой исторической литературе были рассмотрены некоторые вопросы социалистического кооперирования деревни в ЧССР: создание экономических и политических предпосылок социалистического преобразования деревни, значение простой производственной сельскохозяйственной кооперации, темпы и методы кооперирования на начальном его этапе и другие.

Вопрос о создании экономических и политических предпосылок социалистической перестройки чехословацкой деревни затрагивается в статье Ж. Рихтовой¹. Автор пишет, что совершенно правильный тезис о более высоком по сравнению с СССР 30-х годов уровне развития производительных сил в чехословацкой деревне накануне кооперирования вызвал у многих практических работников мнение, что в отличие от других стран народной демократии перед Чехословакией не стоит задача расширения машинного парка, что можно повременить с развитием материально-технической базы сельского хозяйства страны. Необходимость первоочередного развития промышленности и укрепления обороноспособности страны создавала благоприятную обстановку для утверждения подобных взглядов. Это привело к тому, что в течение первой пятилетки разрыв в уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве Чехословакии и развитых капиталистических стран Европы, имевший место уже в 1948 г., еще более увеличился.

Остановившаяся на роли кооперации в социалистическом строительстве в деревне, Ж. Рихтова подчеркнула, что простейшие непродовольственные виды кооперативов были очень широко распространены в Чехословакии. КПЧ считала возможным использовать существующие кооперативные объединения для постепенного перехода к высшим производственным формам сельскохозяйственной кооперации, причем предпочтительнее, что ниже и выше — производственные —

¹ Z. R i c h t o v á. O některých podmínkách přechodu k združstevňování československé vesnice. — «Přspěvky k dějinám KSČ». Praha, 1965, č. 3.

формы кооперативов будут существовать параллельно.

Говоря о политических предпосылках кооперирования чехословацкой деревни, автор отмечает ряд факторов, затруднявших это кооперирование: более сильная, чем, например, в СССР, привязанность крестьян к своему клочку земли, опасение потерять его в связи с кооперированием; яростная агитация реакции против социалистических преобразований в деревне; рост жизненного уровня крестьянства по сравнению с довоенным временем в результате проведения аграрной реформы. Интересно, на наш взгляд, постановка Ж. Рихтовой вопроса о конкретном содержании понятия отдельных социальных групп деревенского населения в разных странах. Даже беглое сравнение с советской деревней накануне коллективизации позволяет автору сделать вывод о том, что существовали значительные различия между отдельными слоями советского и чехословацкого крестьянства. Из этого для чехословацких коммунистов вытекала необходимость самостоятельного, творческого подхода к различным группам крестьянства в процессе социалистического преобразования сельского хозяйства².

Две небольшие по объему статьи В. Лацины посвящены первым годам кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии³. Автор ставит вопрос о значении простой производственной сельскохозяйственной кооперации для различных по уровню экономического развития стран.

² Ж. Рихтова касается некоторых проблем развития советской деревни в 30-е годы, опираясь при этом на работы советских историков последних лет. Пользуясь случаем, обращаем внимание советских историков, занимающихся проблемами коллективизации, на выход в Чехословакии книги «KSSS a rolnická otázka», Praha, 1964, а также на дискуссию, которая развернулась по ней в 1965—1966 гг. в журнале Института истории КПЧ — «Přspěvky k dějinám KSČ».

³ «Počátky kolektivizace na české vesnici». — «Dějiny a současnost», 1963, č. 1; «Uspěchy a obtiže kolektivizace». — «Dějiny a současnost», 1963, č. 4.

Он утверждает, что в экономически развитых странах с интенсивным сельским хозяйством (например, в Чехословакии) дальнейший рост сельскохозяйственной продукции могли дать лишь крупные сельскохозяйственные предприятия промышленного типа. Мануфактурная же форма производственной кооперации была прогрессивной и могла дать экономический эффект только в странах с низким уровнем развития сельского хозяйства. В. Лацина отмечает, что в момент перехода к производственному кооперированию в Чехословакии не было ясного представления о том, каким должно быть социалистическое сельскохозяйственное предприятие в условиях страны с высоким уровнем развития сельского хозяйства. Преобладало мнение, что рост сельскохозяйственного производства может быть достигнут на основе простого объединения крестьянских земельных участков и обобществления скота: «...производственные ЕСХК возникли не как хозяйства нового типа, — пишет автор, — а как крупные хозяйства, которые по своей технологии практически продолжали традиции мелкого производства и представляли собой лишь более совершенную форму мануфактурного производства...»⁴.

Вопрос, затрагиваемый в статьях В. Лацины, чрезвычайно сложен и требует глубокого изучения. На наш взгляд, лишь очень условно, с большими оговорками можно применить термин «мануфактурное производство» для характеристики начальной стадии кооперирования крестьянских хозяйств в Чехословакии. Видимо, о мануфактурной стадии развития кооперативов в условиях Чехословакии можно говорить лишь применительно к некоторым районам Восточной Словакии, где крестьянское хозяйство базировалось действительно на ручной технике. Но если отвлечься от терминологии, то вопрос, поставленный в статьях В. Лацины о поисках путей создания более эффективных производственных кооперативов в странах с высоким и низким уровнем сельского хозяйства, заслуживает самого пристального внимания. В. Лацина отмечает, что создание крупных сельскохозяйственных предприятий промышленного типа требует больших материальных затрат. В силу ряда объективных и субъективных причин возможность таких затрат на начальной стадии социалистического кооперирования в ЧССР и других европейских социалистических странах была очень ограниченной. Экономический результат простого объединения крестьян был различным: в таких в прошлом отсталых странах, как Румыния, Венгрия, Болгария, уже в ходе кооперирования деревни, т. е. в процессе сложнейшей перестройки всего сельского хозяйства, темпы роста сельскохозяйственного производст-

ва были значительно выше, чем, например, в Чехословакии. В странах с высоким уровнем развития сельского хозяйства надлежащий экономический эффект при объединении крестьян для совместного ведения хозяйства мог быть достигнут лишь при больших материальных затратах. Это положение подтверждается и сравнительными данными о развитии сельского хозяйства в годы кооперирования в Словакии, в прошлом менее развитом районе ЧССР, и Чешских землях. В Словакии сельскохозяйственное производство развивалось значительно более быстрыми темпами, чем в Чешских землях⁵. Конечно, причины этого явления можно выявить только проведя тщательный анализ всех факторов, оказывающих влияние на развитие сельскохозяйственного производства.

Е. Гаворова и В. Гоушка сделали попытку проанализировать наиболее важные факторы, оказавшие влияние на развитие сельского хозяйства в восточной и западной частях страны в годы социалистического преобразования деревни⁶. Хотя они и не касаются вопроса о роли и значении простой кооперации крестьянского труда, материалы, приводимые ими, в известной степени подтверждают положения, сформулированные В. Лациной.

Однако среди чехословацких ученых существуют сторонники и другой точки зрения на экономический эффект простой кооперации. Так, В. Кипрова отмечает, что в первые годы кооперирования в сельском хозяйстве Чехословакии происходил значительный рост производительности труда (35% в первую пятилетку). По данным, приводимым ею, рост производительности труда на 14% из этих 35% происходил за счет снижения числа работников и на 20—21% — роста технической оснащенности и развития кооперации. Поскольку эффект механизации в первые годы социалистических преобразований деревни еще не был очень велик, пишет она, рост производительности труда в кооперативах в этот период в определенной мере был результатом простого объединения крестьянского труда⁷.

Вопрос об экономической эффективности

⁵ Валовая сельскохозяйственная продукция Чешских земель по стоимости в 1963 г. достигла всего лишь 93,7% уровня 1936 г., а в Словакии — 131%. Интенсивность (стоимость валовой с.-х. продукции на 1 га с.-х. земель) в Чешских землях в 1963 г. поднялась лишь на 4% над уровнем 1936 г., а в Словакии — на 35%. E. G a v o r o v á, V. H o u š k a. Niektore údaje o vývoje poľnohospodárskej výroby v českých krajinách a na Slovensku. — «Ekonomický časopis», 1965, č. 3.

⁶ «Ekonomický časopis», 1965, č. 3.

⁷ В. Купрова. Podminky socialistické reprodukce pracovních sil v zemědělství. Praha, 1962, s. 120—121, 137, 146.

⁴ «Dějiny a současnost», 1963, č. 4, s. 3.

простой кооперации в сельском хозяйстве различных стран и даже отдельных районов одной страны, видимо, может быть решен лишь на основе глубоких и конкретных экономических исследований. Однако нам представляется, что в условиях значительного отлива рабочей силы из сельского хозяйства Чешских областей простая кооперация и здесь давала определенный экономический эффект. При правильной организации труда и целесообразном его разделении в простой кооперации рост производства достигается за счет повышения производительности труда каждого члена кооперации. Следовательно, при нехватке рабочих рук и невозможности заменить их в первые годы кооперирования надлежащим количеством техники и машин объединение крестьянского труда тоже должно было способствовать росту сельскохозяйственного производства. Большое значение простая кооперация, видимо, имела для пограничных областей, где нехватка рабочих рук ощущалась особенно остро и сельское хозяйство в начале социалистического преобразования велось в значительной степени экстенсивным способом.

Кстати, вопрос о том, можно ли первые производственные ЕСХК в Чехословакии рассматривать как крупное сельскохозяйственное производство, решается сейчас чехословацкими историками и экономистами несколько иначе, чем раньше. В современной литературе организация ЕСХК высших типов в начале 50-х годов рассматривается как создание организационной, экономической и политической базы для крупных социалистических сельскохозяйственных предприятий, которые возникают по мере развития и укрепления материально-технической базы кооперативов и подготовки необходимого количества квалифицированных специалистов сельского хозяйства⁸.

О темпах, формах и методах социалистического кооперирования словацкой деревни на начальном его этапе говорится в статье М. Лавовой⁹. Опираясь на большой архивный материал, автор характеризует сильные стороны и успехи кооперативного движения, останавливается на его слабостях и недостатках. М. Лавова пытается проанализировать, насколько были оправданы чрезвычайно быстрые темпы кооперирования, имевшие место во второй половине 1950 г. и в 1952 г. Она приходит к выводу, что в период существования низших форм кооперации не проводилось надлежащей эконо-

мической и политической подготовки к введению высших типов кооперативов, поэтому форсирование создания высших типов ЕСХК пришло в противоречие с имеющейся политической и экономической базой. По мнению М. Лавовой, июньское постановление (1952 г.) партии и правительства о развитии и укреплении ЕСХК в той части, которая касалась темпов введения высших форм кооперации, не имело под собой реальных оснований.

Нам представляется, что в статье М. Лавовой несколько упрощенно изложен вопрос о создании политических предпосылок к введению высших форм кооперативов. «Недостаточностью политической агитации на начальном этапе кооперирования, — пишет автор, — было сужено значение ЕСХК и не готовились соответствующие политические условия для развития кооперативных хозяйств высшего типа» (стр. 490). Материал, приведенный М. Лавовой, свидетельствует о том, что на местах действительно не было ясного представления о роли и значении ЕСХК в социалистической перестройке деревни. Слабость разъяснительной работы партии, политической агитации в деревне в этом вопросе очевидны. Однако сводить создание политических предпосылок лишь к одной агитации было бы неправильным. В. И. Ленин писал: «Словами они (крестьяне. — В. М.) не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что не дадут»¹⁰. Поэтому создать политические предпосылки перехода к высшим формам кооперативного движения, это значит не только проводить политическую агитацию и вести разъяснительную работу, но на деле показать крестьянам преимущества общественного ведения хозяйства. В этом — суть вопроса.

Остановимся еще на одной интересной и хорошо написанной работе Й. Козака, посвященной истории кооперирования Михаловецкого района Прешовского края¹¹. В книге рассматривается история так называемых «прешовских событий» и анализируются причины и последствия глубокого упадка кооперативного движения в Прешовском крае в 1952—1953 гг. Рассматривая местные проблемы на широком общегосударственном фоне, автор формулирует ряд вопросов, ответ на которые может дать только тщательное изучение экономической и политической ситуации в Чехословакии тех лет. Отметив, что ликвидация отставания сельскохозяйственного производства в Чехословакии в начале 50-х годов мыслилась путем ускорения темпов кооперирования, Й. Козак спрашивает: отвечал ли этот быстрый темп кооперирования условиям одновре-

⁸ М. L a v o v á. «Historický časopis», 1964, č. 4; J. K a b r h e l. «Nová mysl», 1965, č. 3; V. H a n z e l. «Přispěvky k dějinám KSC», 1964, č. 5.

⁹ М. L a v o v á. Počiatky socialistickej kolektivizácie poľnohospodárstva na Slovensku (1949—1953). — «Historický časopis», 1964, č. 4.

¹⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 202.

¹¹ J. K o z a k. Dramatické kapitoly. Praha, 1964.

менного резкого снижения темпа развития механизации сельского хозяйства, производства сельскохозяйственных машин? Не вынуждал ли в дальнейшем этот темп кооперирования краевые и районные комитеты партии нарушать линию КПЧ в вопросе социалистического преобразования деревни, выработанную IX съездом КПЧ? Не содействовал ли этот темп нарушению принципа добровольности, подмене массовой политической работы административным нажимом, бюрократическими методами, росту сектантских ошибок в отношении единоличников? Не могли ли в этих условиях и при существующем положении в международном рабочем движении появиться субъективные ошибки в политике партии, связанные с культом личности?

К числу региональных работ принадлежит также книга В. Ганзела², которая рассматривает историю кооперирования в одном из сел Словакии — Грнчаровцах над Парной. Используя архивный материал, воспоминания и рассказы жителей села, очевидцев и участников событий, автор прослеживает постепенный чрезвычайно сложный процесс превраще-

ния крестьянина-единоличника в крестьянина-кооператора. Естественно, что на основании материалов по истории кооперирования одного села нельзя сделать сколько-нибудь общих выводов, тем более, что автор лишь в отдельных случаях рассматривает историю строительства ЕСХК в Грнчаровцах на более общем фоне. Однако и подобные исследования (особенно по мере роста их числа) полезны для изучения многих сложных проблем истории кооперирования в стране в целом.

Все последние работы чехословацких историков по проблеме социалистического преобразования деревни написаны на основании изучения большого архивного материала. Понятно, что анализ нового фактического материала заставляет исследователей подчас по-иному взглянуть на то или иное явление или событие, дать ему новую оценку. Не останавливаясь подробно на содержании рассмотренных работ, мы сделали попытку отметить лишь те моменты, которые представляются нам новыми, а иногда и требующими уточнения. Однако на исследование многих сложных проблем сделана пока лишь заявка, и они ждут своего разрешения.

² V. H a n z e l. Polia dez medzi. Brno, 1963.

В. В. Марьина

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО КНИГОВЕДЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ СБОРНИКОВ «КНИГА»

Основы советского книговедения как комплексной дисциплины, изучающей весь сложный и долгий путь книги от писателя к читателю, были заложены в двадцатых годах. Тогда были организованы и успешно работали исследовательские учреждения, появлялось сравнительно много специальной и популярной литературы, посвященной изучению книги в разных ее аспектах. Затем в развитии нашего книговедения наступает длительный перерыв. И лишь в последние годы мы становимся свидетелями второго рождения отечественного книговедения, активизации исследователей, работающих в обширных его областях.

С 1959 года издаются сборники «Книга. Исследования и материалы». До настоящего времени (декабрь 1965 г.) вышло 10 выпусков этого издания.

На страницах сборников обсуждаются важные принципиальные методологические вопросы о путях развития советской книговедческой науки, ее связей с деятельностью издательства. Наряду со статьями, посвященными истории книги (среди них — замечательные работы А. С. Зерновой и Н. П. Киселева), мы встречаем здесь многочисленные работы по редактированию, оформлению книги, организации издательского дела, книгорасп-

ространению. Все большее внимание уделяется изучению книги народов СССР.

Раздел «Книга и книгоиздательство за рубежом», к сожалению, есть не в каждом сборнике. Естественно стремление редакции отвести основное место отечественным материалам, и все же следовало бы больше внимания уделить ознакомлению советского читателя с современным состоянием зарубежного книговедения, в особенности в социалистических странах. Высказывая это пожелание, мы несколько не умаляем значения опубликованных в сборнике материалов о зарубежной книге, в частности о книге братских славянских стран.

Книга в жизни славянских народов, в их борьбе за сохранение национальной независимости играла очень важную роль. Книжная культура Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии весьма своеобразна, как и формы взаимовлияния и обоюдного интереса — к славянской книге в России, к русской книге в славянских странах. Разумеется, вряд ли можно ожидать полного или хотя бы достаточно разностороннего освещения сложных проблем славянского книговедения на страницах сборников. До сих пор здесь не появилось ни одной статьи о болгар-

ской книге¹, о книге народов Югославии. Но хороший почин, несомненно, сделан.

Больше всего «повезло» чешской книге. Во втором сборнике напечатана статья Ф. Горака (Прага) о начальном периоде книгопечатания в Чехии. Автор статьи подробно говорит о первых шагах чешской печатной книги, предлагает убедительную датировку «Троянской хроник»: 1468—1469 гг. В заключении своей работы Ф. Горак справедливо указывает, что рассмотрение пяти (наиболее ранних) инкунабул чешского происхождения уже позволяет «убедиться, как много загадок скрыто у истоков чешского книгопечатания» («Книга», сб. II, стр. 384). Он высказывает пожелание, чтобы молодые исследователи проявили интерес к этой проблеме и достигли «более глубоких и основательных результатов», чем их предшественники².

Большой интерес представляют статьи А. С. Мыльникова «Чешские книгоиздательства эпохи национального возрождения страны» (сб. II) и «Русская книга в Чехии в период национального возрождения страны» (сб. V); в его же, важной в методологическом отношении, работе «Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания» (сб. IX) мы находим материалы о ранних этапах развития чешской книжной культуры (см. стр. 47—48 и др.).

Используя большое количество фактического материала, автор последовательно излагает историю развития чешского издательского дела с конца XVIII и до середины XIX века. За эти годы «чешская книга... завоевала свое право на существование. Благодаря огромным усилиям передовых деятелей чешской культуры стало для всех очевидным, что чешский язык живет, развивается и проникает во все уголки отечественной науки и литературы. Были разрушены скептические утверждения онемечившихся чехов и прямых недоброжелателей из лагеря великогерманских шовинистов о якобы „неполноценности“ и „примитивности“ чешского языка. Во всем этом деятелям книги принадлежит не последнее место» (сб. II, стр. 327).

Досадно, что вопросом оформления чешской книги эпохи национального возрождения автор почти не уделяет внима-

ния, если не считать скупого упоминания о замене готического шрифта латинским (стр. 308) и о стремлении Матицы «к качественному оформлению выпускаемых книг» (стр. 323), хотя для уяснения того, как воспринимаются и развиваются лучшие традиции чешских книгоиздателей издательскими работниками социалистической Чехословакии, это имело бы немаловажное значение.

Работа А. С. Мыльникова «Русская книга в Чехии в эпоху национального возрождения страны» основана на изучении библиотек выдающихся чешских «будителей» и их переписки. Задача исследования была облегчена тем, что часть этих собраний в свое время была приобретена Петербургской Публичной библиотекой³ и в настоящее время хранится в ГПБ. Исследователь показывает, как велик был, несмотря на чинимые препятствия, интерес чешского общества в пору его борьбы за национальное возрождение к русскому народу и его культуре⁴.

Статья Я. Зики, главного секретаря Объединения чехословацких издательств и книготорговых предприятий, «Деятельность издательств и книготорговых предприятий в Чехословацкой Социалистической Республике», помещенная в «Книге» (сб. VII), написана в 1961 г. Подчеркнув, что Коммунистическая партия Чехословакии «опирается в своей деятельности на глубокие традиции, в основе которых лежали искренняя любовь и уважение нашего народа к книге», автор говорит далее о том, что «за всю историю существования чешской и словацкой книги никто в нашей стране не проявил большей заботы о литературе и книжной культуре в широком смысле этого слова, чем коммунисты» (стр. 319).

В издании и распространении книг успехи социалистической Чехословакии, занимающей одно из первых мест в мире по числу книг, приходящихся на душу населения, очень велики. Техническое и художественное оформление современной чешской книги находится на очень высоком уровне. Вот почему статьи, содержащие информацию, подобную имеющейся в работе Я. Зики, представляют немаловажный интерес.

Польской книге, старой и новой, в рецензируемых сборниках посвящены статьи,

¹ По сведениям, сообщенным редакцией сборников, этот пробел в ближайшее время будет восполнен: будут опубликованы статьи по истории болгарской книги XVIII—XIX вв. и об оформлении книги в Болгарии.

² В работе Н. В. Варбанец и В. Н. Лукьяненко «Славянские инкунабулы в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ)» охарактеризованы два чешских колыбельных издания типографии Яна Кемпа (сб. II, стр. 193).

³ См. А. С. Мыльников. Библиотека И. Юнгмана. В сб. «Литература славянских народов». М., 1957, вып. 2, стр. 97—114.

⁴ Известный чешский ученый Й. Добровский (1753—1829) писал: «Я отдал бы половину моей библиотеки за то, чтобы достать Острожскую библию». См. об этом Е. Л. Немецков и И. Черки историографии русского первопечатания. — «Книга. Материалы и исследования», сб. VIII, М., 1963, стр. 18.

носящие иной характер, чем те, которые характеризуют прошлое и настоящее чешской книги. Две из них (обе принадлежат О. С. Острой) посвящены современной польской книге: одна знакомит нас с польской книжной графикой наших дней (сб. II), вторая — с изданиями произведений польских классиков, осуществляемыми в современной Польше (сб. III).

Особую ценность для тех, кто изучает историю книги и книговедческой науки в славянских странах, представляют статьи Я. Д. Исаевича и Е. Л. Немировского. Я. Д. Исаевич поместил в сборниках «Книга» материалы о кирилловских старопечатных книгах в коллекциях Польской Народной Республики (Варшава, Краков, Вроцлав) (сб. VIII). В заключении своего обзора Я. Д. Исаевич пишет: «Польские ученые проявляют большой интерес к исследованиям в области истории кирилловской старопечатной книги, ведущимся в СССР» (сб. VIII, стр. 296).

Со своей стороны советские историки книги чрезвычайно заинтересованы работами польских коллег. В V выпуске Я. Д. Исаевич поместил обстоятельный отзыв о книге «Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku», zeszyt 6: Małopolska — Ziemie Ruskie, изданной в 1959 г. (Вроцлав — Краков).

О давнем интересе польских ученых к проблемам истории русской книги, в частности к деятельности Ивана Федорова, говорит в своих «Очерках историографии русского первопечатания» Е. Л. Немиро-

ровский (сб. VIII). Он отмечает заслуги Е. Бандтке, работы которого не потеряли своего значения и по сей день, и И. Делевеля, знаменитого «историка, книговеда и революционера», которого с таким усердием изучал Т. Г. Шевченко.

Сотрудничество русских, украинских, белорусских и польских ученых, исследовавших истоки славянского книгопечатания, всегда было и остается очень плодотворным. Так, рассматривая «узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания» (сб. IX), А. А. Сидоров начинает свое изложение с «Краковской загадки» — вопросом о происхождении шрифта изданий Ш. Фиоля, самых первых кирилловских книг, отпечатанных в 1491 г. в Кракове. «Перед специалистами по украинской рукописной книге, — пишет наш известный книговед и искусствовед, — возможно, и перед широким кругом палеографов-славистов стоит задача уточнить, откуда точно взят протообразец того шрифта, которым напечатаны издания, связанные с именем Фиоля» (стр. 17).

Таких вопросов, которые предстоит разрешить совместными усилиями ученых братских славянских народов, великое множество. Они относятся к прошлому, настоящему и будущему книжной культуры славянства. Остается пожелать, чтобы они и в дальнейшем освещались на страницах сборников «Книга».

И. Я. Казанов

ЭКОНОМИКА СТРАН СОЦИАЛИЗМА В 1964 г.¹

Рецензируемые сборники содержат богатый статистический и фактический материал, освещающий достижения социалистических стран в развитии народного хозяйства в 1964 году.

В сборнике «Народное хозяйство социалистических стран в 1964 году» помещены с небольшими сокращениями переводы сообщений статистических управлений тех социалистических стран, которые опубликовали эти сообщения, а именно: Народной Республики Албании, Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалисти-

ческой Республики Румынии, СССР, Чехословацкой Социалистической Республики и Социалистической Федеративной Республики Югославии.

«Мир социализма в цифрах и фактах» — ежегодное справочное издание, построенное тематически. В нем содержатся обобщенные данные о развитии промышленности и транспорта, сельского хозяйства, подъеме материального благосостояния и культуры трудящихся, успехах стран социализма в экономическом соревновании с капитализмом. Особое внимание уделяется вопросам развития внешних экономических связей социалистических государств, сотрудничеству стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Ежегодник «Экономика стран социализма» содержит научные статьи об экономическом развитии мировой социалистической системы, экономическом сотрудничестве и обзоры экономики социалистических стран. Ежегодник снабжен статистическим приложением, содержащим ряд таблиц по развитию экономики мировой социалистической системы в целом и народному хозяйству отдельных стран.

¹ «Народное хозяйство социалистических стран в 1964 году». Сообщения статистических управлений. М., «Статистика», 1965, 256 стр.; «Мир социализма в цифрах и фактах». 1964 г. Справочник. М., Политиздат, 1965, 160 стр.; «Экономика стран социализма». 1964 г. М., «Экономика», 1965, 279 стр.

Опубликованные материалы наглядно свидетельствуют о том, что в 1964 г. в социалистических странах продолжался рост общественного производства, укреплялись и развивались социалистические производственные отношения, повышался уровень жизни трудящихся масс, расширялось экономическое сотрудничество и взаимопомощь социалистических государств.

По сравнению с 1963 годом промышленное производство в целом по всем странам мировой социалистической системы возросло в 1964 г. на 9%, в том числе производство электроэнергии на 13% (было произведено почти 700 млрд. *квт·ч*), добыча угля на 4%, нефти на 4%, значительно возросла добыча газа, удельный вес которого в топливном балансе повысился. Достойный вклад в это развитие был сделан народами зарубежных славянских стран. Так объем промышленного производства в Болгарии возрос на 11,1%, в Польше на 9,3%, в Чехословакии на 4,1 и в Югославии на 16%. Новый шаг вперед сделала черная металлургия социалистических стран. В 1964 г. выплавка чугуна возросла примерно на 7%, а стали на 6%. В Польше прирост производства составил по чугуну 4,6%, стали 7,1 и прокату 4,6%; в Чехословакии — по чугуну 8,8%, стали 10,2, прокату 10,9%. В Югославии мощности по выплавке стали возросли на 100 тыс. *т*, в Болгарии вступил в строй новый прокатный стан «500».

Особенно быстрыми темпами развивалась химическая промышленность социалистических стран, ее прирост заметно опередил темпы развития остальных отраслей промышленности. В 1964 г. валовая продукция химической промышленности возросла в Болгарии на 22,3%, в Польше на 13,3, в Югославии на 20%; в Чехословакии производство пластических масс увеличилось на 7,7%, фосфорных удобрений на 18,5, химического волокна на 4,8%.

Выросли также производительные силы в сельском хозяйстве. В 1964 г. продолжалось социалистическое переустройство сельского хозяйства, укреплялась его материально-техническая база; па долю социалистического сектора приходилось более 90% всех сельскохозяйственных угодий. Удельный вес социалистического сектора в сельскохозяйственной площади Болгарии превысил 99%, в Чехословакии 90%. В 1964 г. были достигнуты известные успехи в кооперировании крестьянских хозяйств в Польше. Число сельскохозяйственных кружков достигло 31,5 тыс. с 1,5 млн. членов. Хотя на госсельхозы Польши приходилось лишь 12% земельных угодий, они дали государству более 30% всего зерна. В 1964 г. в социалистическом секторе сельского хозяйства Югославии производилось 27% всей пшеницы, 14% кукурузы, 66% сахарной свеклы. Валовая сельскохозяйственная

продукция возросла на 4,3%, в том числе в социалистическом секторе на 11%.

Рост экономической мощи социалистических стран позволял им оказывать все возрастающую хозяйственную поддержку молодым независимым государствам. В 1964 г. с помощью только стран — членов СЭВ в 43-х молодых независимых государствах было построено или находилось в стадии строительства около 1200 промышленных предприятий и других объектов.

В 1964 г. продолжалось укрепление экономического сотрудничества братских стран между собой, происходило дальнейшее углубление межгосударственной специализации и кооперирования, координация научных и технических исследований, создавались новые производственно-технические организации и объединения, расширялась внешняя торговля.

Материалы, помещенные в сборниках, наглядно свидетельствуют и о том, что в 1964 г. возрос жизненный уровень трудящихся социалистических стран: повысилась реальная заработная плата, увеличились доходы членов сельскохозяйственных производственных кооперативов. Широкий размах получило жилищное строительство.

В то же время, как отмечается в сборниках, в социалистических странах продолжалась углубленная исследовательская и экспериментальная работа по совершенствованию планирования, управления и научной организации труда. В СССР, НРБ, ГДР, ПНР, ЧССР и других странах разрабатывались и проверялись предложения по улучшению хозяйственного руководства, изыскивались новые методы оценки результатов деятельности предприятий, совершенствовалась система ценообразования, проводились в жизнь принципы повышения материальной заинтересованности предприятий, коллективов и отдельных трудящихся в непрерывном росте общественного производства, постоянном повышении качества продукции и экономичности производства.

Все три сборника являются ценными пособиями, рассчитанными на разные категории читателей: от работников плановых органов и научных учреждений до лекторов и пропагандистов, а также всех, кто интересуется развитием мировой социалистической системы. В сухих колонках цифр отражены наиболее существенные стороны экономики социалистических стран. Тем досаднее встречающиеся небрежности. Так, в «Экономике стран социализма» говорится, что в 1964 г. сельское хозяйство ГДР получило 9549 тыс. тракторов, Венгрии — 8400 тыс., КНДР — 2400 тыс. (стр. 8), тогда как в действительности эти цифры в тысячу раз меньше (см. «Народное хозяйство социалистических стран в 1964 году», стр. 93, 43, 111).

М. Р. Тульчинский

«Dějiny Sovětského Svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech». Díl 3. Praha, Nakl. polit. literatury, 1966, 647 s.

«История Советского Союза и чехословацко-советских отношений в документах»

Третий том содержит документы по истории Советского Союза и культурно-политическим отношениям между народами двух братских стран от начала текущего столетия до 1945 г. Как и ранее вышедшие тома, он состоит из двух частей: первая содержит материалы по истории СССР этого периода, вторая затрагивает чехословацко-русские (до 1918 г.) и чехословацко-советские взаимоотношения.

Если для подготовки разделов по истории СССР в первых двух томах составители имели возможность воспользоваться хрестоматийными материалами, вышедшими в свет в послевоенные годы в СССР, то при составлении соответствующего раздела в данном томе им, как это подчеркивается в предисловии, пришлось подбирать материал самостоятельно, из разнообразных изданий исторического, мемуарного и документального характера, опубликованных в нашей стране и в Чехословакии, а также материалы из архивных фондов.

Документы, освещающие историю СССР, расположены по разделам: «Вступление России в эпоху империализма. Начало пролетарского периода в русском освободительном движении», «Первая буржуазно-демократическая революция в России», «Период столыпинской реакции и нового революционного подъема (1908—1914 гг.)», «Россия в первую мировую войну», «Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Переход к социалистическому этапу революции», «Великая Октябрьская социалистическая революция и укрепление Советского государства», «Борьба советского народа против контрреволюции и иностранной интервенции (1918—1920)», «СССР в период восстановления народного хозяйства и перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства (1921—1928)», «Внешняя политика Советского Союза в период 1929—1941 гг.», «Строительство социализма и победа колхозного строя», «Завершение социалистической реконструкции и победа социалистических общественных отношений (1932—1937)», «Период упрочения и развития социалистического строя и укрепления обороноспособности страны (1938—1941)», «Сотрудничество между Советским Союзом и другими членами антигитлеровской коалиции во второй мировой войне», «От нападения гитлеровских войск до победы у Сталинграда», «От берегов Волги до Берлина», «Победа социалистической общественной системы».

Составители проделали значительную работу, отобрав наиболее важные и яркие документы, отражающие трудные и слав-

ный путь нашего народа, превратившего в течение жизни одного поколения отсталую страну в могущественную социалистическую державу. Знакомясь с представленными в первой части документами, нельзя не отметить двух особенностей. Во-первых, составители пытались с наибольшей полнотой раскрыть руководящую роль Коммунистической партии и деятельность ее основателя В. И. Ленина, разработавших планы социалистического переустройства общества, и, во-вторых, показать роль советского народа как строителя новой жизни. Существенным остается тот факт, что из массы источников составители сумели выбрать многочисленные ценные документы, прежде всего решения КПСС и документы, свидетельствующие о всенародном характере борьбы за превращение в жизнь планов строительства социализма. Многие из них публикуются на чешском языке впервые и, несомненно, привлекут внимание читателей в Чехословакии. Вместе с тем хотелось бы сделать ряд замечаний, касающихся в первую очередь группировки материала. В некоторых случаях она нам кажется недостаточно удачной. Так, раздел о международном положении и внешней политике Советского Союза в 1929—1941 гг. помещен почему-то после раздела, посвященного реконструкции народного хозяйства в 1921—1928 гг., и перед разделами, содержащими документы о победе социалистических отношений в 30-е годы. Казалось бы более уместным расположить упомянутый раздел после материалов, посвященных внутривнутриполитическому развитию Советского Союза в предвоенный период, дополнив его, кстати сказать, документами внешнеполитической деятельности Советского Союза предшествующего времени. Неудачно, на наш взгляд, и расположение разделов, посвященных истории Великой Отечественной войны, при котором материалы о героической борьбе советского народа — с первых дней нападения фашистской Германии — оказываются помещенными после раздела о создании антигитлеровской коалиции. Следует обратить также внимание и на некоторые фактические неточности. Так, на стр. 178 помещена групповая фотография с подписью: «Я. М. Свердлов среди делегатов II Всероссийского съезда советов в Таврическом дворце в Петрограде в 1918 г.», тогда как указанный съезд состоялся в ноябре 1917 г. В данном же случае, по-видимому, речь идет о III съезде Советов.

Вторая часть тома содержит документальные материалы по истории чешско-

русских и чехословацко-советских взаимоотношений и строится в основном синхронно периодизации первой части. Она, по нашему мнению, имеет источниковедческий интерес, выходящий за пределы хрестоматии. Составители привлекли не только воспоминания участников событий и широко использовали данные периодической печати, но и ввели в научный оборот многие, прежде неизвестные документы (например, в разделах о национально-освободительной борьбе народов Чехословакии против фашизма и гитлеровской оккупации, за освобождение страны и создание народной республики). Составители показывают отношение различных групп чешской буржуазии к России. Вместе с тем в теме приводятся документы, показывающие отношение трудящихся Чешских земель к революционному движению российского пролетариата, борьбу левых социал-демократов за поддержку революционных усилий трудящихся России и влияние трех русских революций на освободительную борьбу в Чешских землях и Словакии. Составители раскрывают роль чехословацких интернационалистов в годы борьбы за установление Советской власти, а также приводят документы, свидетельствующие о деятельности Коммунистической партии Чехословакии по укреплению внешнеполитических позиций Советского Союза и пропаганде успехов социалистического строительства в СССР среди трудящихся Чехословакии. Большой интерес представляют публикуемые документы, свидетельствующие о важной роли, которую сыграла КПЧ в мобилизации усилий народа в годы второй мировой войны, и о вкладе Советского Союза в дело освобождения Чехословакии. Заключительный

раздел сборника содержит документы, воскрешающие в памяти волнующие дни освобождения Чехословакии Советской Армией. Обращают на себя внимание выдержки из передач пражского радио 9 мая 1945 г.

Существенной составной частью истории чешско-русских и чехословацко-русских связей являются культурные контакты между двумя народами. Составители приводят материалы, показывающие с каким интересом относилась чешская общественность к русской и советской литературе и искусству, в частности к творчеству Льва Толстого, к приезду В. Маяковского в Прагу и др.

Сборник богато иллюстрирован, хотя в ряде случаев иллюстрации, помещенные на его страницах, не увязаны в хронологическом отношении с приводимыми материалами. Это, конечно, снижает их эмоциональное воздействие.

Несколько слов следует сказать и о комментариях, выполненных с большой любовью и помогающих чехословацкому читателю лучше разобраться в приводимых материалах, установить их место и значение в истории Советского Союза и чехословацко-советских связей. Помимо подстрочных пояснений и библиографических справок, этой цели служат вводимые статьи к разделам и отдельным документам.

Составители третьего тома — Ч. Аморт, К. Герман, Г. Петровска, З. Сладек и Ф. Шром — проделали большую и нужную работу. Рецензируемое издание — одно из свидетельств растущих контактов между советской и чехословацкой наукой.

А. С. Мильников

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПОВИННОСТЯХ КОРОЛЕВСКИХ КРЕСТЬЯН

В серии исследований по социально-экономической истории Малой Польши, редактируемой Целиной Бобиньской, вышла седьмая книга — работа А. Фальнёвской-Градовской. А. Фальнёвская-Градовская известна специалистам как археограф — один из издателей иллюстрации Краковского воеводства 1789 г. и автор статей по польской аграрной истории¹.

Ее монография — итог многолетнего труда.

Книга А. Фальнёвской-Градовской направлена на решение одной проблемы — установление видов и размера повинностей королевских крестьян Краковского воеводства в пользу барского двора². Лишь в отдельных случаях автор кратко останавливается на том, без чего просто невозможно было обойтись. В своих выводах автор так же строго придерживается этого принципа. Структура работы отличается завидной четкостью. Из четырех глав первая посвящена характеристике королевщин в Краковском воеводстве,

¹ «Lustracja województwa krakowskiego 1789 r.». Wyd. A. Falniowska-Gradowska, I. Rychlikowa, t. I, Kraków, 1962; t. II, Kraków, 1963; A. Falniowska. Dynamika form i wysokości renty feudalnej. В сб.: «Studia z dziejów wsi Małopolskiej w drugiej połowie XVIII w.». Warszawa, 1957; A. Falniowska-Gradowska. Miary zbożowe w województwie krakowskim w XVIII wieku.—«Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1965, № 4.

² A. Falniowska-Gradowska. Świadczenia poddanych na rzecz dworu w królewskich województwach krakowskiego w drugiej połowie XVIII wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1964, s. 227.

три следующих — соответственно трем формам феодальной земельной ренты: отработочной, натуральной (т. е. продуктовой; заметим, что и отработочная рента является натуральной) и денежной. В «Введении» дается довольно подробный обзор историографии вопроса, источников, формулируется задача исследования. В большом «Заключении» подводятся итоги работы и делается попытка сравнить размер повинностей крестьян в королевских и частных шляхетских имениях.

Автор использует весьма значительное количество источников, подавляющая часть которых извлечена непосредственно из архивохранилищ Варшавы, Кракова, Вроцлава и Львова. Особое значение имеют джустрации 1765 и 1789 г. Практически учтены все королевские «добра» Краковского воеводства — 454 деревни (17,5% общего количества всех деревень) за период до 1772 г. и 136 деревень за последующий период (стр. 23), когда после первого раздела Польши территории воеводства на правом берегу Вислы были захвачены Австрией. Критическое отношение к источникам и самое широкое использование статистики — сильные и привлекательные стороны работы автора.

Наиболее сложной и важной по разнообразию вопросов и степени их освещения является первая глава. Автор резонно оговаривается, что она здесь не претендует на вестороннее и полное решение поставленных проблем. Между тем, некоторые из поставленных вопросов изучаются в исследовательском плане. А. Фальнёвская-Градовская подробно рассматривает состав королевщины с точки зрения размера имений и их комплексов, организационно представляющих собой самостоятельную единицу. Из 89 таких единиц (староств и держав), в которых насчитывалось 454 деревни, 64 (71,9%) имели от 1 до 4-х деревень, 13 (14,6%) — от 5 до 10 деревень и 12 (13,5%) — свыше 10 деревень в каждой (стр. 28). Наблюдения над размерами собственности представляются очень важными, что, между прочим, становится вполне очевидным при ознакомлении с итогами всего исследования. Из поля зрения не выпадает и географическое размещение имений. Однако было бы интересно показать не только количество держав и староств определенного размера (имевших, скажем, от 1 до 4 деревень в своем составе), но и общее количество деревень, входивших в состав этих держав. Тогда картина была бы более рельефной, особенно в тех случаях, когда автор учитывает солтыства и избранецтва, находившиеся в шляхетском держании (стр. 37, табл. 12).

Заслуживают внимания подсчеты, согласно которым в Краковском воеводстве во второй половине XVIII в. было 231 солтыство и избранецтво, причем, 120 из

них (52%) находились в руках шляхты, а 111 (48%) оставались у крестьян (стр. 36, табл. 10).

Известный интерес представляют сведения о барском хозяйстве: количестве фольварков, фольварочном и крестьянском ареале и т. д. Наиболее интересны подсчеты за конец XVIII века, касающиеся южных повятов, отошедших после 1772 г. к Австрии. Они построены на таком первоклассном статистическом источнике как Иосифинская метрика (стр. 58, табл. 22, стр. 59, табл. 23, стр. 60, 61, табл. 25, стр. 80—85, табл. 45—47 и др.)

Имущественное расслоение крестьянства, размеры крестьянских наделов и разные категории крестьян, с точки зрения правового и поземельного положения — кардинальные вопросы; они прежде всего характеризуют аграрные отношения. А. Фальнёвская-Градовская по данным 144 деревень устанавливает, что на долю кметей приходилось 34,7%, хозяйств, почти столько же составляли загородники (34,2%); халушники — 21,7%; 9,4% приходилось на промежуточные группы: полуланники, полурольники и заробники (стр. 73, табл. 38). Тут не учтены коморники. По данным 34 деревень установлено, что коморники составляли 23,8% населения (стр. 72, табл. 39). Трудно сказать в какой степени действительное положение вещей отражено в табл. 40 (стр. 74), поскольку она построена на данных лишь 8 деревень. Согласно этой таблице, с 1765 по 1789 г. количество кметей существенно уменьшилось (с 26,4% до 15,4% населения, не принимая во внимание коморников) и за счет этого увеличилось количество загородников, халушников и полурольников. Темпы подмеченного явления выглядят слишком ускоренными. Но, если сравнить положение во второй половине XVIII в. с тем, какое было, например, в первой половине XVII в., то направление эволюции не оставляет никаких сомнений: происходил процесс сокращения крестьянского землепользования и частично — обезземливания крестьян.

По данным рецензируемой книги во второй половине XVIII в. процесс уменьшения крестьянского хозяйства зашел очень далеко. Однако массовое обезземливание, пауперизация крестьян отнюдь не отвечали интересам феодального хозяйства. Если в первый период развития фольварочной системы в частных шляхетских имениях крестьянские хозяйства в среднем были более мелкими, чем в королевщинах, то во второй половине XVIII в. по данным А. Фальнёвской-Градовской в Краковском воеводстве дело обстояло иначе: в шляхетских имениях коморников было в два раза меньше, чем в королевщинах, халушников в полтора раза меньше, и наоборот, крестьян, имевших земельные наделы (загородников

и кметей вместе взятых), в шляхетских имениях было больше. Вообще расслоение в королевских было глубже (стр. 211). Собственники имений принимали различные меры для сохранения крестьянских хозяйств, которые были бы в состоянии обеспечить исполнение барщины и других повинностей (стр. 213), хотя в частных имениях крестьянские наделы сильно уменьшились.

Возникает вопрос о причине и характере резкого сокращения крестьянского землевладения и частичной пауперизации села. Эта проблема не входит в круг исследований автора книги, но вопросы эти неизбежно возникают при ознакомлении с трудом А. Фальнёвской-Градовской.

Автор скрупулезно изучает все крестьянские повинности, устанавливает их размер. Главной среди повинностей королевских крестьян была барщина. Автор пишет о нарастании, увеличении отработочной ренты во второй половине XVIII в. как о беспорном факте (стр. 130), хотя материал, приводимый ею, скорее имеет статичный характер. Чиншевые села находились, в основном, в горных районах, поскольку производительно использовать барщину там было невозможно (стр. 168). В сельскохозяйственных районах основной формой ренты была отработочная. Если по воеводству насчитывалось 22,1% чиншевых сел, то в чисто сельскохозяйственных районах их было лишь 7,9% (стр. 98, табл. 55). Такое положение сложилось, вероятно, с давних времен.

Во второй половине XVIII в. был очень распространен откуп крестьянами барщины, иначе говоря, замена отработочной ренты денежным чиншем — «найм» барщины, по терминологии документов. А. Фальнёвская-Градовская отмечает нарастание этого явления (что несколько неожиданно, ибо выше мы читали как раз о расширении барщины). Особенно, пишет автор, распространяется «найм» барщины в крупных имениях (стр. 184). Это, как будто, и понятно, поскольку крупные имения по большей части были расположены в южной (горной) части Краковского воеводства (стр. 38, табл. 13). Но такому утверждению, как нам кажется, противоречит таблица 93 (стр. 185). В 1765 г. из 321 деревни, обязанной обрабатывать барщину, 20 (6,2%) полностью откупались от нее; причем 14 из них (т. е. 70%) было расположено в сельскохозяйственном районе. В этом районе 10,4% всех деревень «нанимали» барщину, в то время как в горном районе таких деревень было всего 2,1%. Правда, деревень, в которых крестьяне частично откупались от барщины, было больше в горных районах. По подсчетам А. Фальнёвской-Градовской в 1765 г. в Краковском воеводстве свыше 65% всех королевских деревень было очиншено; либо издавна были на

чинше, либо «нанимали» барщину полностью или частично. Даже в чисто сельскохозяйственных районах таких деревень было много — 51,7% (стр. 185).

Надо сказать, что эти последние проценты, выведенные автором, возможно не совсем верно отражают действительное положение вещей. Деревни, частично откупавшиеся от барщины (38,0%), автор прибавляет к тем деревням, которые полностью откупили барщину (4,8%), либо вообще издавна платили чинш (22,8%). Таким образом, получается, что 65,6% всех деревень были «охвачены чиншеванием», а 34,4% — «отрабатывали еженедельную барщину» (стр. 186, табл. 94). Говоря о группе «смешанных» деревень, т. е. таких, которые частично откупались от барщины, а частично ее отрабатывали, автор замечает, что невозможно точно установить, какую именно часть барщины крестьяне откупили. Совсем не исключено, что меньшую часть. Известно также, что даже там, где отработочная рента полностью откупалась крестьянами, они все-таки были обязаны работать в барском хозяйстве определенное количество дней — «дни от найма» (стр. 190, 191). Поэтому, упомянутые «смешанные» деревни, как нам кажется, с наименьшим основанием можно присоединить к барщинным деревням и тогда картина будет такая: 72,4% деревень отрабатывали барщину, хотя некоторые из них частично от нее откупались, а 27,6% деревень были свободны от барщины и платили деньги.

Развитие откупов от барщины таково: данные люстрации 1765 г. показывают существенное увеличение «наймов» барщины по сравнению с данными люстрации 1660 г. (добавим, что откуп королевскими крестьянами барщины встречается и в первой половине XVII и в XVI вв.). Потом начинается спад, который отразился в люстрации 1789 г., но, понятно, уже по отношению к левобережной части Краковского воеводства (стр. 186—188). В свете сказанного, можно думать, что А. Фальнёвская-Градовская несколько преувеличивает масштабы распространности «наймов», но это как раз и говорит в пользу ее же вывода о преобладающей роли барщины и ее увеличении на протяжении второй половины XVIII в. Как установлено автором монографии, во многих селах, где крестьяне откупались от барщинной повинности, двор для ведения хозяйства использовал наемный труд (стр. 190, 191). И вообще наемный труд был довольно распространен. Автор пишет, что для преобладающего большинства крестьян работа по найму была единственным источником денег (стр. 202), что многочисленные денежные чинши и оплаты свидетельствуют о реальной платежеспособности крестьян (стр. 200). К сожалению, проблема наемного труда, характер которого часто так по-

разному понимают историки², выходит за рамки исследования А. Фальнёвской-Градовской и потому подробно не освещается.

Монография А. Фальнёвской-Градовской — серьезное исследование и с интересом будет встречено специалистами. С главными выводами автора, изложенными очень убедительно, можно вполне согласиться. Хочется подчеркнуть справедливую, по нашему мнению, мысль автора рецензируемой книги относительно факторов, определяющих род и размер крестьянских повинностей. На первом месте тут стоит структура, направление барского хозяйства (которое в известной степени зависит от природных условий); на втором месте — такой фактор как размер поместья. Кому же юридически принадлежит имение — шляхтичу на праве частной собственности или государству (а шляхтич тут лишь держатель) или церковному учреждению — это, без сомнения, имеет второстепенное значение (стр. 215, 216). Автор правильно пишет, что по инвентарям различных имений легко можно разделить имения на группы в соответствии с направленностью, характером и размером хозяйства. А вот определить их юридическую принадлежность много сложнее, если, конечно, нет прямого указания на этот счет. И вот в смысле направленности, характера хозяйства, его размеров в одной группе оказываются и шляхетские и королевские имения (стр. 213, 214). В последнее время в литературе уже высказывался взгляд о первостепенном значении размера владения и второстепенном значении принадлежности его к определенному типу собственности (государственной, шляхетской, церковной), когда речь идет о направленности и характере развития барского хозяйства³.

Наибольшее внимание А. Фальнёвская-Градовская уделяет отработочной форме ренты. Ее тщательные подсчеты подтверждают мысль о более высоком, непропорциональном обложении барщиной мелких крестьянских хозяйств (стр. 113, 114). Референдарский суд в отношении барщины проводил линию на ее выравнивание на высоком уровне — в размере 4-х дней работы с тяглом с лана, а пешей барщины — в два раза больше. По поводу разных оброчных повинностей суд держался принципа сохранения «старин», несмотря на крайнее разнообразие этих повинностей, и выступал лишь против злоупотреблений (стр. 150). Видно, Референдарский суд прекрасно понимал

первостепенное значение отработочной ренты как для крестьян, так и для барского хозяйства и проводил соответствующую классовую политику. В сложившихся условиях крестьянам в большинстве случаев было более выгодно сохранить стародавние нормы и в главном — барщине — суд придерживался противоположной линии.

Своеобразной повинностью были шарварки — работы по ремонту дорог, мостов, плотин и др. Многочисленные крестьянские жалобы, по мнению А. Фальнёвской-Градовской, свидетельствуют о том, что шарварки явились новой повинностью в целом ряде деревень, — именно так о них говорится в жалобах (стр. 125). Шарварки, а также сторожевая повинность («стражи»), так называемые гвалты и т. п. встречаются и в XVI и в XVII вв. и даже раньше. На протяжении столетий с развитием отработочной ренты возрастают и эти повинности; их начинают регламентировать, а иногда превращают в регулярные и весьма обременительные обязанности. Вследствие этого их размеры по-разному определяются в разных деревнях. В таком плане о шарварках и могли скорей всего писать крестьяне в своих жалобах — как о дурных новых порядках. Стоило бы перед тем как приступить к подробному освещению положения с шарварками, стражами и т. п. сделать небольшой экскурс в прошлое, т. е. подойти к этим вопросам исторически.

По определению автора, на грани двух форм ренты — отработочной и продуктовой — находились такие повинности как приращение, дани продуктами леса и др. Крестьяне пряли чаще всего из барского волокна в своих избах с применением своих орудий труда (стр. 138, 157). Едва ли это достаточное основание считать, что приращение лежит на грани двух форм ренты. Ведь и на барщине крестьянин пахал своим плугом, на своем тягле. Поэтому, думается, такого рода повинности скорее относятся к отработочной ренте.

Данные многочисленных статистических и других документов А. Фальнёвская-Градовская тщательно обрабатывает, систематизирует и сводит в соответствующие таблицы, которых, в книге, кстати, насчитывается 99. Это несомненно хорошо. Но книга не проиграла бы, если бы в ней нашлось место описанию конкретных событий, фактов. Описание конкретных фактов чаще всего сведено к кратчайшим замечаниям в подстрочных примечаниях. Думается, что статистический метод не является полным отрицанием описательного. Возможно, первый полнее и рельефнее отражал бы исторический процесс, если бы в ряде случаев дополнялся вторым. Большого внимания заслуживают также нарративные источники.

В отдельных местах техническое оформ-

² См. З. К. Янелъ. О природе так называемого принудительного найма. — «История СССР», 1965, № 4.

³ См. S. Mielczarski. Rynek zbożowy na ziemiach polskich w drugiej połowie XVII w. Próba rejonizacji. Gdańsk, 1962, s. 52.

ление книги не вполне совершенно. Встречаются ошибки в таблицах (№ 54) и комментариях к ним (стр. 167), в ссылках (стр. 138, 3-я ссылка); в последних иногда отсутствуют необходимые сведения (стр. 10, 54, 209).

Подводя итоги, скажем, что в моногра-

фии А. Фальнёвской-Градовской исследуется богатейший фактический материал, ставится и успешно разрешается ряд сложных проблем аграрной истории Польши второй половины XVIII века.

Ю. М. Гроссман

«Realismus a modernost. Proměny v české proze 19 století». Sborník statí. Praha, 1965

«Реализм и современность. Изменения в чешской прозе XIX столетия». Сборник статей

В чешском литературоведении последних лет не так много работ, где углубленно и серьезно исследовались бы проблемы реализма. Рецензируемый сборник привлекает внимание своим проблемно-теоретическим характером, попыткой поставить и решить на конкретно-историческом литературном материале (чешская классическая проза XIX века) мало разработанные вопросы реалистического метода.

Авторы во введении подчеркивают сложность и спорность вопросов реализма XIX в. Они предупреждают о разнообразии и полемичности статей сборника: «Нам кажется, что сглаживать расхождения, которые есть между нами, нечестно, это не принесет пользы делу» (стр. 6).

Действительно, точки зрения исследователей различны, как и их подход к анализу литературных произведений, манера изложения своих мыслей. Мастерство конкретного литературоведческого анализа, ясность основных выводов в статьях М. Ржепковой и В. Форста соседствуют с некоторой отвлеченностью, философичностью подхода к материалу у таких авторов, как М. Отруба и Я. Яначкова, или со структуральными принципами анализа у А. Гамапа.

Среди чешских литературоведов не изжито еще представление о реализме как о некой застывшей, нормативной категории эстетики. Поэтому не случайна полемическая реплика авторов во введении о том, что они понимают реализм, напротив, как живое и потому «модерное» историко-литературное явление, продуктивный и вечно обогащающийся творческий метод, расширяющий свои художественные возможности. Таким образом, авторы книги рассматривают реализм и как историческую и как типологическую категорию.

Широко пользуясь распространенным в чешском литературоведении и весьма многозначным термином «модерность», авторы книги, к сожалению, не пытаются дать сколько-нибудь определенного представления о его значении. (Понятие «модерность» отнюдь не адекватно понятию «современность», и поэтому наш перевод названия сборника приблизителен.) Каждый автор толкует это понятие по-своему.

При этом большинство авторов понимает «модерность» прежде всего как концепцию и художественные завоевания реалистической литературы XIX века, которая несла в себе черты нового, современного, современного искусства (статья М. Отрубы, И. Ржепковой, В. Форста). Известно, что понятие «модерность» неоднократно меняло свое идейное наполнение в процессе развития чешского общества и литературы, однако это недостаточно убедительно раскрыто в статьях сборника. Поэтому термин «модерность» звучит в книге зачастую подобно холостому выстрелу: эффектно, но без необходимого наполнения. Эта проблема не представляется нам органичной при исследовании процессов реализма, скорее это попытка актуализировать материал.

Статьи сборника, состоящего из трех частей, посвящены крупным явлениям чешской прозы второй половины прошлого века. Обращаясь к очеркам Немцовой и Гавличка, авторы исследуют начальный этап развития чешского реализма, его становление. Второй раздел — проза Неруды, которая рассматривается как вершина чешского реалистического рассказа. Авторы третьей части сборника на материалах дискуссий 80—90-х годов и творчества Новаковой и Винтера анализируют кризисные моменты чешского реализма и некоторые новые черты чешской прозы, возникающие на рубеже века.

Статья М. Отрубы «Первое модерное произведение чешской прозы» посвящена очеркам Б. Немцовой «Картинки из Домажлиц». По мнению автора статьи, в «Картинках» чувствуется «напряжение», возникшее в результате столкновения идеальной представлений писательницы о чешской деревне с реальными впечатлениями от действительной жизни крестьян. М. Отруба подчеркивает, что в «Картинках» исчезает позиция «всезнающего автора», жизненная реальность при этом теряет черты неизменно данного, вследствие чего произведение требует активного сопереживания читателя. В этом автор статьи видит черты прозы, характерные для современности.

С большим интересом читается статья М. Ржепковой «Картинки России» Гав-

лячка Боровского. Это серьезное исследование очерков Гавличка, попытка раскрыть их художественное богатство и определить их место и значение для развития чешской прозы. Автор убедительно и последовательно доказывает, что «Картинки России» — это не документальные очерки, но подлинно художественное произведение. На основании ряда архивных материалов автор воссоздает замысел и творческую историю создания «Картинок России», которые являются лишь частью задуманного большого произведения. История работы над «Картинками России» в значительной степени была историей рождения художника-реалиста, талантливое сатирика. В статье показано, как первые впечатления Гавличка о России, самые восторженные, после более глубокого знакомства с порядками крепостнической России сменяются жестоким разочарованием, как возникает созвательное стремление писателя быть объективным, критически осмыслить действительность, социальные отношения русского общества, психологию и быт его различных слоев. Предметом сатирического освещения становится для Гавличка и отечественная действительность — именно в эти годы он пишет свои знаменитые эссе.

Статья А. Гама на «Жанровый реализм в чешской прозе второй половины XIX века» носит дискуссионный характер. Автор пытается дать точное определение тому, что такое литературное произведение и каковы принципы и методы подхода к его исследованию, целиком разделяя при этом точку зрения западногерманского литературоведа К. Гамбургера¹.

От анализа языковой системы в аспекте интонационном, синтаксическом и лексико-семантическом А. Гама переходит к рассмотрению мотивов, рассуждений об авторском видении жизненной реальности и, наконец, к анализу стиля произведения с точки зрения особенностей его жанровой структуры. Этот структурный анализ, по мнению автора, подводит к раскрытию идейного смысла произведения, что представляется ему уже областью философской.

В статье много свежих, интересных и убедительных наблюдений и выводов, касающихся характера прозы Неруды (например, наблюдения над языковой структурой повестей Неруды, выводы о характере «рассказчика», который не идентичен с автором, о внутреннем монологе, несобственно прямой речи и т. д.). Интересны, на наш взгляд, сопоставления прозы Неруды и Германа, очень близких тематически, но различных в своем подходе к действительности. Автор убедительно показывает различные масштабы

художественного дарования Неруды и Германа, различный характер их реализма. Автор статьи доказывает, что если Герман подходит к действительности прежде всего как бытописатель, мастерски фиксируя мелкобуржуазный быт австрийского уклада жизни середины XIX в., то Неруда выступает как большой художник, глубоко проникающий во внутреннюю, скрытые пружины этой жизни, в глубины человеческого характера.

Однако многое в статье А. Гама вызывает серьезные возражения или желание поспорить. Автору отнюдь не удалось убедить читателя в том, что метод подхода к анализу литературного произведения должен быть таким, какой предлагает К. Гамбургер, что именно такой метод дает возможность научного глубокого исследования художественного произведения. Нет необходимости доказывать, что, считая исследование мироощущения художника, художественного замысла, идейного смысла произведения сферой только философии, автор статьи тем самым лишает литературоведение научных критериев. Автор смело заявляет о необходимости ревизии понятия «реализм», однако в своем конкретном анализе к этой проблеме не возвращается. Он широко пользуется принятыми в чешском литературоведении, на наш взгляд очень условными, понятиями жанрового и типизирующего реализма. «Малоэстражные повести» рассматриваются в статье как вершина чешского «жанрового» реализма. Очень спорно определение характера реализма, исходящее прежде всего из жанрового своеобразия произведений. Неруду скорее можно считать представителем не жанрового, а типизирующего реализма, если уж пользоваться этими понятиями: ведь автор статьи сам убедительно доказывает проникновение Неруды в глубинную сущность общественных явлений и человеческих характеров.

Г. Грзалова в статье «Из истории споров о натурализме и реализме (80—90-е годы)» освещает литературные дискуссии 80—90-х годов вокруг творчества Золя и проблемы реализма. В статье поднят обширный фактический материал (чешская периодика и критика этого периода), детально исследована эстетическая программа Золя. Автор справедливо полагает, что из этих споров прошлого века можно извлечь много полезного и для литературного развития наших дней, он ищет ответа на сложные и важные вопросы о том, что такое подлинное искусство реализма, почему многие чешские писатели тех лет, декларативно причисляя себя к реалистам, по существу создавали произведения псевдореалистические, далекие от подлинного искусства.

Кризис общественной жизни, спад национально-освободительного движения, крушение в народе иллюзий о единстве нации в конце 70-х — начале 80-х го-

¹ K ä t e H a m b u r g e r. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957.

дов — все это привело к попыткам буржуазии воскресить представление о единстве нации. Как одно из важнейших средств ее сличения выдвигалась литература. Творчество Золя в этих условиях, как пишет автор, представлялось общественно опасным: «Контакт с творчеством Золя означал бы соприкосновение со всеми ужасами капиталистической системы, он означал бы окончательный крах иллюзий о буржуазии, которая якобы жертвует всем ради реализации идеи национальной свободы...» (стр. 96).

В статье показано, что чешские противники Золя — критики Шульц, Дурдик, Красногорская, Закрейс — считали, что литература призвана прежде всего помогать задачам национально-патриотического воспитания народа. В этой связи и правда в искусстве признавалась законной и полезной лишь до известных пределов, — пока она не вступала в противоречие с патристически-воспитательными задачами литературы.

Неслучайно глубже всех в Чехии оценили художественные открытия Золя прогрессивные критики Мршттик, Шауэр, Гостинский (хотя у них были различные взгляды на литературу). Опираясь на опыт русской и западноевропейской литературы, они выступали за большое искусство реализма против псевдо реализма, ложного реализма многих чешских писателей 80—90-х годов, которым были не по плечу большие художественные обобщения, создание образов подлинных представителей эпохи, отражение действительных жизненных противоречий и т. д. Противником этого псевдо реализма выступал, как показано в статье, и Масарик, но с иных позиций, — требуя от искусства точности научного, исторического анализа и игнорируя его специфику. Однако Масарик был и противником Золя, не принимая его материалистического мироощущения, его критического, негативного отношения к буржуазной действительности. Пытаясь объективно представить эстетические воззрения Масарика 80—90-х годов, автор статьи подчеркивает непонимание им специфики художественного отражения действительности, активной роли художника-творца. При этом следовало бы, однако, более четко и ясно показать псевдо реализм многих писателей «масариковцев», которые именовали себя «реалистами». Вряд ли можно согласиться с автором, который ставит Масарика в один ряд с Мршттиком и Шауэром в борьбе против псевдо реализма (стр. 114). Мне кажется, следует также иметь в виду, что у Масарика и писателей псевдо реалистов типа Влчека были разногласия не столь художественного, сколь общественно-политического характера.

В. Форст в статье «Проза исторического документа З. Винтера» рассматривает проблему художественной эволюции автора исторических романов З. Винтера,

творчество которого, по его мнению, было недооценено чешской критикой.

Автор статьи прослеживает, как крепло реалистическое мастерство писателя, как углублялось его проникновение во внутренний мир героев, совершенствовалось искусство следовать в своем изложении, в сюжете и композиционном построении логике жизни, как развивался критический взгляд на мир, интерес к социальным отношениям. В. Форст высказывает интересные предположения о том, что выбор исторического периода З. Винтером не был случайным — именно XVI век представлял ему широкие возможности аналогий с современной общественной действительностью. Автор статьи справедливо утверждает, что проза Винтера была близка творческим устремлениям нового молодого поколения чешских литераторов в 90-е годы — близка своим вниманием к судьбе человека в обществе, к внутреннему миру индивидуума, своим интересом к социальным противоречиям эпохи, критicismом и скепсисом.

Последняя статья сборника принадлежит перу серьезного исследователя творчества Т. Новаковой — Я. Яначковой. Автор статьи делает интересную попытку рассмотреть отношение писательницы к литературным и эстетическим концепциям конца XIX — начала XX в. — к реализму и литературе чешской «модерны». Показывая ее разочарование в чешском реализме этого времени, ее расхождение с ним (здесь речь идет прежде всего о чешском «лжереализме», если пользоваться удачным определением Г. Грзаловой), Я. Яначкова вместе с тем пишет о принципиальных различиях прозы Новаковой и «субъективной прозы» представителей поколения 90-х годов. Однако хотелось бы, чтоб эти различия были вскрыты более глубоко и убедительно. Это позволило бы глубже понять творческие принципы писательницы. Автор статьи верно подчеркивает субъективизм прозы Новаковой этого периода, ее стремление встать на точку зрения индивидуума, восстающего против буржуазного мира. Это, как справедливо полагает автор, «означало рисовать мир таким, каким видел его исключительный герой произведений Новаковой, развивать субъективную оценку действительности — выражение внутреннего мира в ущерб объективной, конкретной картине внешнего мира» (стр. 139). При этом писательница стремилась укрепить связи человека с окружающим его миром, найти возможность соединения мечты и стремлений человеческого индивидуума с действительностью. В этой связи автор статьи подчеркивает большую роль пейзажа в последних романах Т. Новаковой, широкое обращение к которому не было ни модой, ни случайностью. Автор статьи последовательно рассматривает роль пейзажа в создании образа, в композиции романов

Новаковой, в лиризации ее прозы, подчеркивая ее реалистическое мастерство в создании живой и конкретной картины природы Восточной Чехии.

Сборник «Реализм и современность» — интересное исследование, в котором сделана попытка по-новому, более глубоко и обоснованно осветить некоторые явления истории отечественной литературы прошлого века. Авторы сборника убедительно, каждый по-своему, раскрывают огромные художественные возможности и богатства реализма, доказывая неправомочность некоторых устоявшихся в чешском литературоведении точек зрения:

с одной стороны — недоверие к реализму в связи с тем, что в реалистическое искусство зачислялось творчество писателей, весьма далеких от реализма, с другой стороны — ложные представления о реализме как о методе, который малопродуктивен для отражения сложнейших общественных процессов нашего времени. Можно думать, что обоснованное научное слово авторов данного исследования весомо прозвучит в творческих спорах и дискуссиях о характере современной чешской литературы.

А. П. Соловьева

НЕ ТОЛЬКО «О ЧЕМ», НО И «КАК»

Название рецензируемой книги — «Литература социалистической Чехословакии»¹, звучащее скорее как название учебника, чем книги о современной литературе, не обманывает, однако, ожидания читателя. Ограничив себя определенными историческими рамками — примерно десятью годами, с середины 50-х годов до 1964 года, критик пишет о всех сколько-нибудь значительных авторах, выступивших в эти годы со сколько-нибудь значительными книгами.

Творчество каждого автора рассматривается в связи с развитием того или иного литературного жанра — отдельные главы книги посвящены прозе, поэзии, публицистике, драматургии. Глава о прозе занимает несколько особое место — она и больше других, и концепция критика изложена там убедительнее, чем в прочих разделах.

Материал систематизирован продуманно, хотя, местами, и не без напряжения; позиция автора несомненно марксистская; общая тенденция книги представляется вполне справедливой.

Нам кажется логичным и естественным, что книга привлекла внимание именно писательского издательства: ее жанр можно обозначить скорее всего как эссе — свободный полет мысли критика, являющегося более писателем, чем исследователем. Такие книги находят теперь спрос у самой широкой читательской аудитории. В издательской аннотации сказано, что работа И. А. Бернштейн «обильна фактами, фактами и наблюдениями»; правда, там же написано, что книга «рассказывает читателю о том, что удивляет (?) сегодня в литературе страны», давшей миру великих гуманистов «бравого солдата Швейка и Карела Чапека» (!)... Книга снабжена, кроме того, интригующим и очень современно звучащим подзаголовком: «Споры. Искания. Решения».

Для книги такого рода весьма существенно, однако, не только «о чем» там написано, но и «как» это сделано. Ведь читатель вынужден на слово верить автору, свободному от обязательства обосновать каждый тезис, скрупулезно «подписать» каждую мысль фактическим материалом, доказательствами. Каждое положение эссе должно быть поэтом особенно тщательно продуманным, взвешенным, точным — тем более, что речь идет о литературе на иностранном языке, широкому читателю недоступной.

Итак — о достоверности. Всегда ли возникает достаточно верное и полное представление о писателе, творчестве которого рассматривается в книге, или даже о каком-то одном его произведении?

Мы допускаем, что можно мимоходом, на бегу, среди десятков других имен и названий, упомянуть произведение начинающего писателя, хотя как раз в книге такого рода каждое лишнее имя, оставшееся не раскрытым, только утяжеляет восприятие текста. Но вот на стр. 52 И. Бернштейн уделяет восемь строчек старейшему прозаику Карелу Новому, восемь строчек, половину которых составляют слова, годные для характеристики едва ли не любого реалистического произведения: «... дана выразительная картина Чехии конца XIX — начала XX века и реалистически запечатлены судьбы людей, задавленных неумолимыми законами буржуазного общества, и тех, кто пытается бороться с ним». Следовало ли так упомянуть об авторе более чем двадцати книг?

В книге таких упоминаний великое множество. Плодотворно ли это? Вот следующий, после цитированного, абзац, посвященный пенталогии В. Неффа. В нем, правда, около двадцати строк (на пять романов), но добрая половина из них заполнена невероятно туманными и опять очень общими фразами; что может означать, например, «стремление писателя «дать непосредственное воплощение

¹ И. А. Бернштейн. Литература социалистической Чехословакии. М., 1965, 246 стр.

человеческих судеб и исторических процессов)?

Настораживает, что в книге И. Бернштейн об одних авторах (прозаиках) говорит подробно, глубоко анализируются их произведения, создаются даже миниатюрные портреты, в то время как внимание, уделяемое другим писателям, недостаточно, не соответствует их вкладу в литературу. Никак не оговаривая этого, критик упоминает не о всех произведениях, о которых следовало бы сказать. Таким образом читатель просто не знает, создал ли писатель за эти годы два произведения, или, скажем, пять. В его представлении смещаются масштабы, искажается картина общего развития литературы.

Популярного и любимого в нашей стране драматурга Павла Когоута издательство не забыло упомянуть в аннотации, где он назван «мастером психологической драмы». Что же мы об этом мастере узнаем из книги? Одна страница посвящена пьесе Когоута «Такая любовь» (половина — пересказ, решительно не нужный, ибо пьеса шла во многих советских театрах и несколько раз издана на русском языке; другая половина — сухое изложение концепции писателя). Еще один абзац посвящен пьесе «Третья сестра», причём о ней говорится так менторски холодно и безразлично, что хочется переадресовать И. Бернштейн брошенный ею Когоуту упрек в «холодной догматической назидательности» (стр. 197). Уж кого-кого, а такого насковоз театрального автора, как Когоут, обвинять в этом поистине странно (и ведь нет доказательств — да и не может быть). Напомним, что пьеса «Третья сестра» с успехом прошла на семи крупных советских сценах, что она уже четвертый год идет во МХАТе. Тепло оговорился о пьесе Николай Погодин («Известия», 18 II 1962). Наконец, где же обещанный рассказ о «психологической драме»? Где другие произведения Когоута, написанные в тот же период и дающие, в сумме, действительно богатейший материал для такого рассказа? Ведь есть «Сентябрьские ночи» (1955) — именно там, а не в «Такой любви», как утверждает И. Бернштейн (стр. 187, 192—193), впервые ставится по-новому вопрос об отношении к человеку. Есть «Прощай, печаль» (1957). Есть «Меня называли товарищем» (1961).

Книга не свободна от неточностей и ошибок, которые могут дезориентировать читателя. Назвав романы Катарины Лазаровой «Саламандровый лес» и «Дракон на цепи», И. Бернштейн пишет: «В обоих произведениях критический замысел автора (речь идет о различных злоупотреблениях в начале 50-х годов в словацкой деревне) выражен скорее публицистическим способом» (стр. 100—101). Это — все, что сказано о Лазаровой, и это весьма сомнительно: о каком «публицистиче-

ском способе» может идти речь, когда роман «Саламандровый лес» оказался столь ярким, сочным, самобытным произведением, что получил первую премию на конкурсе сатиры? И роман этот вовсе не о «злоупотреблениях» (хорошо бы, кстати, уточнить — каких именно), а о коллективизации деревни. Что касается «Дракона на цепи», то там хоть и есть, действительно, «злоупотребления», но отнюдь не в деревне, а в небольшом городе, да и «публицистический способ» тут тоже решительно не при чем.

И. Бернштейн дважды (стр. 187, 193) указывает, что пьеса М. Яриша «Интеллигент» появилась в 1957 году, и на этом основании полемизирует с чехословацкой критикой: новый этап начал, дескать, не Яриш, а еще Незвал. Почему же, делая «открытие», не проверить факты? Ведь легко обнаружить, что премьера «Интеллигентов» состоялась в ноябре 1955 года, а «Атлантиды» Незвала — в марте 1956.

Критику следовало бы знать, что Йозеф Тополь привлек к себе внимание гораздо раньше появления пьесы «Их день» (стр. 209) — своим дебютом «Полночный ветер» (1955); и уж если упоминать о том, что молодой драматург известен как переводчик Шекспира (там же), как же не сообщить советским читателям, что Тополь не менее известен как переводчик Чехова?

Как можно называть действующих лиц пьесы П. Карваша «Язва» Ондруша и Шебо «приятели» (стр. 218), когда они просто бывшие соседи по дому? Осудить Ондруша за то, что он не помог своему приятелю, — это было бы слишком элементарно и наивно для Карваша, упрекающего своего героя в равнодушии к человеку, с которым тот лишь изредка встречался на лестнице, когда жил на старой квартире. А ведь опираясь на эту «дружбу», И. Бернштейн строит весь анализ пьесы...

Наконец — о стиле книги.

Очень трудно читать вступительную главу: она вся пересыпана цитатами, часто громоздкими, из выступлений писателей и критиков на съездах и в печати, из выступлений секретарей ЦК КПЧ, даже из резолюций и документов. Позиция, мысль автора теряется, тонет — все время спотыкаешься о чужие мысли. Авторские же оценки подчас очень не точны. Достаточно сказать, что страстные и убежденные коммунисты Незвал и Галас названы почему-то «разделяющими коммунистические убеждения» (стр. 9).

Неточные, туманные формулировки и общие слова встречаются, к сожалению, не только в первой главе. Сказать о группе видных писателей, что они «воссоздали яркие картины жизни человека и жизни общества» (стр. 29) — значит ничего не сказать. Называя послевоенные части трилогии Пуймановой «высшим достижением романа народно-демократической Чехословакии» (стр. 30), следовало бы хоть как-то

обосновать этот тезис, вступающий в противоречие с мнением очень многих литературоведов. Какой смысл вкладывает критик в такую тягучую фразу: «Хотя в романе выступают знакомые по многим произведениям образы жестоких, бесчеловечных эсэсовцев и их жертв, образы предателей, а также образы героев, продолжающих борьбу в этой обстановке, тем не менее ни один из них не изображен однолинейно» (стр. 45)? Почему «хотя» и «тем не менее»? Очень спорный абзац открывает раздел второй главы, посвященный середине 50-х годов (стр. 82): что же, так уж и вся литература обращалась исключительно к 1948 году? И рассказы? И пьесы? И стихи? Может быть, точнее говорить о большой прозе?

Что за вопиющая небрежность называть словацкого поэта Гведослава — «Гведзеловым» (стр. 184), даже на опечатку не похоже, и назван он почему-то раньше своего предшественника Сладковича... Мы не касаемся здесь поэтической главы книги, но нельзя не отметить чрезвычайно обильное цитирование стихов и «привязывание» замечаний критика к русским переводам.

На стр. 237 фраза героя Кундеры, обращенная к гестаповцу, «Я иду искать тебя» переводится «Я иду за тобой» — новая небрежность, «калька» чешского текста.

Засоренность текста неточными или ничего не говорящими фразами усугубля-

ется щедро рассыпанными по страницам книги псевдоэмоциональными восклицаниями и определениями. «Большая обобщающая сила», «большая моральная сила», «большая человеческая симпатия», «большая тема этих произведений» (стр. 36, 37, 40). На пятнадцати строчках абзаца на стр. 46 мы находим и «потрясающую силу», и «подлинно человеческое начало», и «озаряет светом непроглядный мрак», и «со страшным риском», и «в мужественной борьбе». За пустотелыми «красивостями» и штампами — вновь теряется, ускользает мысль.

Мы уже отметили, что И. Бернштейн продемонстрировала несомненную способность систематизировать огромный материал. В книге такого объема критику следовало, думается, этот материал ограничить и рассказать подробно, спокойно, серьезно, без экзальтации, без скачки через цитаты, — о том разделе литературы, который ею лучше всего изучен (очевидно, это проза). Если же И. Бернштейн хотела проанализировать всю сумму проблем современной чехословацкой литературы, следовало, вероятно, выпустить книгу объемом, по крайней мере, в два раза большую и более тщательно поработать над ее стилем.

Можно надеяться, что таким и будет второе издание этой книги.

В. Д. Савицкий

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«Украинская ССР и зарубежные социалистические страны». Киев, 1965, 412 стр.

Книга является коллективным трудом украинских историков, сотрудников отдела истории зарубежных социалистических стран Института истории АН УССР. Авторы первыми среди советских историков предприняли попытку осветить в рамках одной книги различные формы связей и сотрудничества одной из советских республик со странами мировой социалистической системы. Выход в свет такой книги можно приветствовать.

Книга состоит из введения, четырех глав и краткого заключения. Во введении говорится об образовании мировой системы социализма как закономерном процессе общественного развития и о принципах сотрудничества социалистических стран. Авторы подчеркивают, что отношения между социалистическими странами являются качественно новым типом международных отношений и характеризуются прежде всего братской дружбой, бескорыстной помощью и тесным сотрудничеством.

В первой главе освещается политическое сотрудничество УССР с зарубежными социалистическими странами. Здесь показана огромная роль Советского Союза, в том числе и УССР, в укреплении национальной независимости молодых народных демократических государств, совместная борьба социалистических стран против империализма и реакции, за прочный мир и освобождение народов от колониального ига. Отдельный параграф этой главы посвящен сотрудничеству братских марксистско-ленинских партий.

Во второй главе рассматриваются вопросы экономического сотрудничества. Авторы приводят большое количество фактического материала, освещающего различные формы и этапы этого сотрудничества — от односторонней помощи Советского Союза, в том числе и УССР, народнодемократическим государствам

в восстановлении разрушенного войной хозяйства до взаимовыгодных экономических связей в более поздний период. На конкретных данных авторы показывают экономические успехи мировой социалистической системы.

Третья глава посвящена сотрудничеству в области науки и культуры. В ней говорится об успехах культурной революции в социалистических странах, освещаются связи в различных областях науки, культуры, спорта.

В четвертой главе рассматривается вопрос о роли общественных организаций, радио, печати и телевидения в осуществлении связей УССР с социалистическими странами. В этой главе особо отмечается большая и плодотворная работа Украинского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

К сожалению, говоря о разнообразных связях Советского Союза с зарубежными социалистическими странами, авторы не всегда выпукло показывают роль УССР в осуществлении этих связей, что является главной задачей книги. Следует также отметить некоторую иллюстративность изложения, авторы в ряде случаев прибегают к простому перечислению отдельных фактов. На стр. 263, 264 и др. не все приводимые цифровые данные снабжены ссылкой на источник. При чтении стр. 333 может создаться впечатление, что кинофильмы «Живые и мертвые», «Тишина», «Чистое небо», «Девять дней одного года» созданы украинскими киноработниками.

Несмотря на имеющиеся недостатки, книга, несомненно, вызовет интерес читателей. Она является значительным вкладом украинских историков в изучение очень важной проблемы — проблемы всестороннего исследования связей народов братских социалистических стран.

Ю. Ф. Зудимов

«Przemiany społeczne w Polsce Ludowej». Studia pod redakcją Adama Sarapaty. Warszawa, 1965, 649 s.

«Социальные преобразования в Народной Польше». Под ред. Адама Сарapaty

Вышедшая в серию «Исследования о современной Польше» (ред. Стефан Жулкевский) книга представляет собой сборник социологических исследований и очерков об изменениях, происшедших в социальной структуре, общественном положении, материальных условиях жизни

и общественном сознании рабочих, крестьян и интеллигенции в Польше за 20 лет народной власти. Она открывается очерком Яна Щепаньского «Изменения в социальной структуре польского общества». Указав на сложность изучения социальной проблематики, автор поставил

своей задачей дать общую, ориентировочную характеристику общественных преобразований в Народной Польше. Исходным моментом для рассмотрения этого вопроса является социальная структура предвоенной Польши. В работе учитываются изменения, происшедшие в годы немецко-фашистской оккупации, и рассматриваются коренные социальные преобразования, осуществленные в послевоенный период.

В исследовании Эдварда Стшелецкого «Население Польши в 1944—1964 гг.» анализируются демографические процессы и показывается их связь с социальными и экономическими условиями жизни народа. Автор констатирует существенные перемены в составе населения и его отдельных групп. Работа Стефана Новакковского «Рост городского населения в послевоенной Польше» раскрывает процессы, связанные с развитием города. В ней рассматриваются источники роста городского населения, данные о его численности и указывается на значение этих процессов для общественно-экономического и культурного развития народа. «Процессы социальной интеграции на Западных и Северных землях» исследованы Казимежом Жыгульским. Автор отмечает существенные сдвиги в демографическом, общественно-экономическом и культурном развитии этих земель, их органическую связь с остальными областями страны. В работе Антония Райкевича «Вопросы трудовой занятости в Народной Польше» дается характеристика трудовых ресурсов страны, планов по труду и их реализации, подчеркивается значение научного подхода к вопросам учета и использования трудоспособного населения.

Социальной проблематике деревни посвящены исследования Богуслава Галенского «Социальные преобразования деревни в Народной Польше», Дызмы Галая «Социальные изменения в деревне Народной Польши» и Казимежа Добровольского «Изменения в социальном сознании крестьянского населения в южной части

Малой Польши после второй мировой войны». В первом — рассматривается вопрос о доступности важнейших общежелаемых ценностей для крестьян, факторы, обуславливающие социальное положение жителей деревни перед войной и в настоящее время, изменения в представлениях крестьян относительно признаваемых ими ценностей и проблема преобразования крестьянства в профессиональную категорию земледельцев; во втором — изменения в аграрном строе деревни, ее классовой и общественно-профессиональной структуре, положение индивидуального крестьянского хозяйства, механизация земледелия, уровень быта и культуры и вытекающие из этого потребности сельского населения; в третьем — исторические и социальные основы общественных представлений крестьян, восприятие ими совершившихся перемен, отношение молодежи к деревне и городу, прежние и новые материальные и духовные потребности населения, отношение к религии.

Работа Ежи Вятра «Интеллигенция в Народной Польше» дает представление о чертах новой интеллигенции, происходящих изменениях в ее социальном положении, профессиональном составе и мировоззрении. Адам Сарпата в исследовании «Рабочий класс в Народной Польше» освещает процессы стирания различий между отдельными слоями рабочего класса, между рабочими и другими социальными группами и формирование нового облика рабочего класса. Проблемы семьи, жилищных условий и коммунального хозяйства рассматриваются в работах Антонины Клоковской «Семья в Народной Польше», Адама Анджеевского «Жилищная политика в Народной Польше» и Адама Гинзберга «Коммунальная политика».

Книга содержит ценные материалы, интересные выводы и наблюдения и несомненно заслуживает внимание специалистов.

И. К.

КНИГА ПО ИСТОРИИ РУССКО-БОЛГАРСКИХ СВЯЗЕЙ

Советская литература по истории русско-болгарских дружественных связей пополнилась еще одной монографией — работой И. И. Мещеряка, посвященной переселению болгар в Южную Бессарабию в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в.¹ Автор поставил своей задачей

раскрыть историческую необходимость и обусловленность массового переселения в Бессарабию значительной части населения Юго-Восточной Болгарии в 1828—1834 гг., показать, что само переселение стало возможным в результате укрепления дружеских связей между болгарским и русским народами в ходе их совместной борьбы против султанской Турции в 1828—1829 гг.

Серьезное внимание в работе уделено историографии вопроса. Источниковедческой же базе работы автор отводит, к

¹ И. Мещеряк. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828—1834 гг. (Из истории развития русско-болгарских дружественных связей). Кишинев, 1965, 208 стр.

сожалению, совершенно незначительное место. Характеристика архивных источников, которые легли в основу исследования, занимает всего одну страницу (стр. 17). Это крайне обидно, по сути описательная, справка с кратким перечислением содержания использованных фондов архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Кишинева и Одессы. Автор сетует на утрату первичных материалов по ряду вопросов исследуемой темы, в частности фондов местного управления задунайскими переселенцами. Однако в филиале Одесского облгосархива (г. Измаил) имеется часть интересующих его документов, в том числе и фонд «Приказа колонии Болград» (ф. № 93), насчитывающий 385 ед. хр. за 1823—1862 гг.

В работе раскрываются причины и обстоятельства переселения болгар из Юго-Восточной Болгарии в Буджак в 1828—1834 гг. Автор анализирует социально-экономическое и политическое развитие Болгарии накануне русско-турецкой войны 1828—1829 гг., рассматривает вопросы переселения болгар в пределы России и переселенческую политику царизма 1828—1830 гг. Специальный параграф посвящен поселениям иммигрантов в Буджаке. Их приемом и устройством занимались гражданские власти Новороссийского края и Бессарабской области, Попечительский комитет об иностранных поселенцах южного края России и ряд других органов, которые подчиняли свои действия основной цели — успеху внешнеполитических планов царизма на Балканах.

Подробно автором рассматривается проблема размещения и наделения землей всех иммигрантов (более 50 тысяч человек), прибывших в 1829—1830 гг. Специально для переселенцев отводились земли в Аккерманском, Бендерском и

Измаильском округах, оказывалась им продовольственная и денежная помощь. Автор приводит данные о землеустройстве переселенцев по каждому отдельному селу и образовании новых болгаро-гагаузских сел в эти годы.

Интересен раздел о поселениях болгарских горожан в Бессарабии, в котором рассматривается состав переселенцев, проблема появления гагаузов.

В специальном разделе исследуются причины возвращения части переселенцев в Болгарию и их иммиграции в Дунайские княжества в 1830—1834 гг.

Мешерюк подчеркивает, что совместное участие в войне 1828—1829 гг. и последующие переселения болгар связали еще более тесными узлами дружбы и братства русский и болгарский народы. Поселение болгар и гагаузов на землях России имело прогрессивное значение не только для них самих, но и для приютившей их страны, для социально-экономического развития ее окраин.

Автор отмечает, что выходцы из Болгарии уже с начала 40-х годов XIX в. стали на путь борьбы против царизма. Болгары и гагаузы приняли активное участие в революции 1905—1907 гг. Среди болгар в 1905 г. возникает первая марксистская организация во главе с большевиком А. В. Христовым. Болгары активно боролись за победу Великой Октябрьской революции, а ныне, проживая в Украинской ССР и Молдавской ССР, трудятся рука об руку со всеми братскими народами Советского Союза и вносят свой вклад в строительство коммунистического общества.

Монография И. И. Мешерюка является серьезным и глубоким научным исследованием.

А. Д. Бачинский, М. Д. Дыхан

JOSEF POLÁK. Americká cesta Josefa Václava Sládka. Praha, 1966, 108 s.

ЙОЗЕФ ПОЛАК. Поездка Йозефа Вацлава Сладека в Америку

О Й. В. Сладеке, видном чешском поэте-демократе, написано несколько книг, но в них, как правило, лишь коротко говорится о путешествии поэта в Америку (1868—1870), оказавшем большое влияние на его взгляды и творчество.

Книга Йозефа Полака восполняет этот пробел. В ней подробно рассказано о политических обстоятельствах и личных мотивах, которые побудили Сладека к отъезду. Поэт имел задание от чешских газет и журналов ознакомиться с общественной жизнью Америки. Он увидел там не только ее светлые, но и темные стороны. В письме к своему товарищу, который собирался в Америку, он сообщает: «Если у тебя будет достаточно

денег, ты не узнаешь здесь правды. Ну а я ее познал, так как оказался без денег... Не ищи ни в ком сердца. Благородные сердца здесь остыли. Богом здесь является доллар, дружбой — только усмешка, благородным принципом — эгоизм» (стр. 89). Особенно удручающее впечатление на поэта произвела трагическая судьба индейцев. Путешествуя по Америке, живя в разных колониях, Сладек изучил английский и польский языки, ознакомился с французским и скандинавским. Все это — и полученный жизненный опыт и знакомство с представителями разных народов — благотворно отразилось на литературной деятельности поэта.

Менее полно освещена работа Сладека в качестве редактора выходившей в Америке чешской газеты «Народни новины», так как ее номера, к сожалению, почти не сохранились. Единственный известный ее номер (от 16 мая 1870 года) привлекает не только тем, что в нем помещено стихотворение Сладека «Где скроем мы свой стыд», но и сообщением о Чешском рабочем кружке в Чикаго, связанном с I Интернационалом. Заслуживает внимания, что во второй половине 1870 года газета «Народни новины», редактирование которой после отъезда Сладека продолжил Лев Палда, по существу стала первым чешским рабочим изданием в Америке, предшествовавшим нью-йоркскому рабочему журналу «Люперна», начавшему выходить в 1871 году.

Книга о поездке Сладека в Америку интересна не только литературоведам,

она содержит много сведений об общественной жизни Чехии того времени, в частности о таборном движении, собрании пражской патриотической молодежи в Шарке. В работе говорится об эмиграции чехов в Америку и Россию. Любопытны данные о предпринимавшихся русскими властями усилиях создать чешскую колонию на Амуре, об организации чешских поселений близ Тифлиса.

Значение поездки Сладека для его творчества могло бы быть показано нагляднее, если бы в книгу вошел анализ его произведений с американской тематикой. Но автор ограничился историко-биографическими рамками, что также правомерно. В целом новая работа о Сладеке — полезный вклад в изучение жизни и деятельности поэта.

Л. К.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в конце 1965—апреле 1966 гг.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

А в деев В. А. Роль Союза болгаро-советских обществ в укреплении дружбы и братства между народами Советского Союза и Народной Республики Болгарии.— Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, т. 288, 1966, с. 221—237.

XXIII съезд КПСС и проблемы международных отношений.— «Международная жизнь», 1966, № 5, с. 3—15.

Г о м у л к а В. Выступление товарища Владислава Гомулки (на XXIII съезде КПСС).— «Правда», 1966, 3 марта.

Ж и в к о в Т. Великая сила дружбы. (Изложение речи на предвыборном митинге в Софии).— «Правда», 1966, 13 февраля.

Ж и в к о в Т. Выступление товарища Тодора Живкова (на XXIII съезде КПСС).— «Правда», 1966, 2 апреля.

И с р а э л я н В., С т е п а н о в А. Антимпериалистический фронт и советская дипломатия.— «Международная жизнь», 1966, № 1, с. 13—22.

К о л е в с к и й В. Страницы дружбы.— «Знамя», 1966, № 1, с. 232—242.

Конвенция между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства.— «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 15, с. 263—266.

К о р и о н о в В. Международное значение XXIII съезда КПСС.— «Коммунист», 1966, № 6, с. 13—25.

К о с ы г и н А. Н. Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы. Доклад Председателя Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина 5 апреля 1966 года.— «Правда», 1966, 6 апреля.

Л о г а - С о в и н ь с к и й И. Дружба жить вечно! (К 21-й годовщине Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Польши и Советского Союза).— «Правда», 1966, 21 апреля.

М а р к и я н о в Б. Социалистический мир и развивающиеся страны.— «Коммунист Белоруссии», 1966, № 2, с. 29—33.

М е л ь н и к о в Д. Новая эпоха в международных отношениях.— «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 11, с. 3—13.

М и р о ш н и ч е н к о Б. Социалистический интернационализм и внешняя политика Советского Союза.— «Международная жизнь», 1966, № 3, с. 8—13.

Нет — войне! Обращение ко всем кооператорам представителей кооперативных организаций шести социалистических стран. (В связи с войной во Вьетнаме.) — «Кооператор Казахстана», 1966, № 3, с. 6.

Новотный А. Выступление товарища А. Новотного (Приветственное выступление на XXIII съезде КПСС.) — «Правда», 1966, 1 апреля.

Орлик И. О «политике мостов». (О попытках некоторых капиталистических государств использовать внешнюю торговлю для политического давления на социалистические страны.) — «Новое время», 1965, № 49, с. 12—14.

Путь к укреплению безопасности и мира. Ответ правительства ПНР на ноту правительства ФРГ от 24 III 1966 г. — «Правда», 1966, 7 мая.

Ранкович А. Выступление Александра Ранковича (на XXIII съезде КПСС.) — «Правда», 1966, 3 апреля.

Сванидзе С. А. Социалистический интернационализм — основа взаимоотношений социалистических стран. — Тр. Груз. политехн. ин-та, 1966, № 1, с. 169—182.

Слущкий Р. Сотрудничество в свете новых программ (О сотрудничестве ЧССР и СССР в связи с новым пятилетним планом Советского Союза.) — «Новое время», 1966, № 13, с. 11—13.

Сеяин М. Формы и методы международных взаимосвязей стран социализма. — «Международная жизнь», 1966, № 5, с. 16—25.

Укреплять европейскую безопасность. Ответ правительства ЧССР на ноту правительства ФРГ (от 24 III 1966 г.) — «Правда», 1966, 8 мая.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А. Л. Седьмое заседание Постоянной комиссии СЭВ по статистике. Москва, 14—17 дек. 1965 г. — «Вестник статистики», 1966, № 4, с. 93—94.

Алексеев А., Ширяев Ю. Советский Союз в экономике современного мира. — «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 3, с. 19—31.

Алексеев А., Ширяев Ю. Вопросы сближения экономических уровней стран социализма. — «Международная жизнь», 1966, № 4, с. 10—18.

Апро А. Экономическое сотрудничество социалистических стран. — «Коммунист», 1966, № 6, с. 113—118.

Байорек М. Развитие госхозов Польши. — «Экономика сельского хозяйства», 1966, № 4, с. 111—114.

Беляев Ю. Страны — члены СЭВ в мировой экономике. — «Вопросы экономики», 1966, № 31, с. 76—85.

Богомолов О. Хозяйственные формы и экономическое сотрудничество

социалистических стран. — «Вопросы экономики», 1966, № 2, с. 76—86.

Бунич П. Международные сопоставления оборачиваемости оборотных средств. — «Плановое хозяйство», 1966, № 1, с. 33—40.

Бутаков Д. Стимулирование технического прогресса в европейских социалистических странах. — «Плановое хоз-во», 1966, № 3, с. 68—74.

Быков А. Международная торговля: насущные потребности и искусственные препоны. — «Политическое самообразование», 1966, № 5, с. 53—60.

Ваганов Б. Важный фактор международного сотрудничества (Об основных принципах внешнеэкономической политики Советского Союза.) — «Международная жизнь», 1966, № 4, с. 29—37.

Васянин Ю. Л. Увязка импорта с экспортом в практике внешнеторгового регулирования Югославии. Бюл. иностр. коммерч. информации, М., 1966, 16 апреля, № 46, с. 2.

Васюнина Л. А. Совершенствование управления экономикой в европейских странах социализма. В кн. Управление социалистическим производством и методы хозяйствования. Саратов, 1966, с. 47—62.

Викентьев А. Экономическое сотрудничество СССР с другими странами социализма. — «Международная жизнь», 1966, № 4, с. 147—149.

Горжени З. Рука об руку (О взаимовыгодных экономических отношениях Чехословакии с Советским Союзом.) — «Агитатор», 1966, № 8, с. 50—52.

Дашевская Д. Финансирование и кредитование технического прогресса в Болгарии. — «Деньги и кредит», 1966, № 4, с. 68—75.

Денисов М. А., Стернина А. Б. Роль средств связи в развитии отношений между странами социализма. В кн. Социальные проблемы развития средств связи. Л., 1965, с. 107—113.

Дмитров К. Электрификация Народной Республики Болгарии. — «Электричество», 1966, № 3, с. 85—86.

Донев К. Интенсификация ТКЗХ Болгарии. — «Экономика сельского хозяйства», 1966, № 1, с. 116—118.

Дудинский И. Рубежи социалистической экономики (Об экономике социалистических стран.) — «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 2, с. 90—99.

Евстигнеева Ю. Г. Тарификация труда в единых сельскохозяйственных кооперативах Чехословацкой Социалистической Республики. Доклады и сообщ. ВНИИ экономики сельского хозяйства, 1965, № 28, с. 115—119.

Ендриховский С. На прочной научной основе. О совершенствовании системы планирования и управления народным хозяйством в Польше. — «Правда», 1966, 2 февраля.

Ендриховский С. Совершенствование управления народными хозяйствами в ПНР.— *Мировая экономика и междунар. отношения*, 1966, № 4, с. 24—34.

Заволжский С. Братское экономическое сотрудничество (Об экономическом сотрудничестве СССР со странами — членами СЭВ).— *«Агитатор»*, 1966, № 6, с. 18—20.

Звасс А. Новый порядок финансирования и кредитования капиталовложений в Польской Народной Республике.— *«Финансы СССР»*, 1966, № 4, с. 81—85.

Зевин Л. З., Стрепетова М. П., Ушакова Н. А. Экономическое сотрудничество социалистических стран с развивающимися странами.— *«Новая и новейшая история»*, 1966, № 4, с. 3—16.

Ивахнов А. В. Качество гарантировано государством (Опыт аттестации качества продукции в зарубежных странах).— *«Стандартизация»*, 1965, № 12, с. 23—26.

Калтачян С. Т. Экономическое сотрудничество стран социализма и развитие социалистического интернационализма.— *«Вопросы философии»*, 1966, № 2, с. 3—13.

Капанов И. Из практики экономического сотрудничества социалистических стран. Обзор.— *«Новое время»*, 1966, 15 апреля, № 16, с. 5—7.

Келле В. Ж. Некоторые особенности развития социализма (Социологический аспект экономической реформы в соц. странах).— *«Вопросы философии»*, 1966, № 3, с. 14—24.

Кеткович А. На пороге нового пятилетия (О развитии экономического сотрудничества Болгарии с социалистическими странами в 1966—1970 гг.).— *«Внешняя торговля»*, 1966, № 3, с. 12—18.

Коликов Н. Основные силы современного мирового революционного процесса.— *«Мировая экономика и международные отношения»*, 1966, № 3, с. 3—18.

Кононенко Д. Специализация и кооперация производства — основа сотрудничества стран СЭВ.— *«Плановое хозяйство»*, 1966, № 4, с. 88—89.

Котковский Я., Рыбаков О. Тенденции экономического развития и сотрудничества европейских социалистических стран.— *Научн. доклады высш. школы. Экон. науки*, 1966, № 2, с. 92—96.

Коуба К. Новая система управления экономикой в ЧССР.— *«Мировая экономика и международные отношения»*, 1966, № 2, с. 27—37.

Кшечковска Е. О сопоставлении национального дохода Польши и некоторых европейских стран.— *«Вестник статистики»*, 1966, № 2, с. 32—39.

Лапоногов И. Страна растущей индустрии (О промышленности Болга-

рии).— *«Международная жизнь»*, 1966, № 5, с. 96—104.

Лисовский Л. А. Угольная промышленность Чехословакии и ее участие в сотрудничестве стран — членов СЭВ (По материалам иностр. журналов).— *«Уголь Украины»*, 1966, № 2, с. 54—55.

Максарова Э. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ.— *«Коммунист Сов. Латвии»*, 1966, № 4, с. 39—44.

Малярова М. Г. О межгосударственной специализации и структурных сдвигах в производстве европейских стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.— *Вестн. МГУ. Экономика*, 1966, № 2, с. 78—86.

Маркьянов Б. Социалистический мир и развивающиеся страны.— *«Коммунист Белоруссии»*, 1966, № 2, с. 29—33.

Милованов В. С. Торговля Югославии со странами — членами ЕАСТ.— *«Бюллетень иностранной коммерческой информации»*, 1966, № 16, с. 1, 2, 8.

Морковин Г. М. Механизация погрузочно-разгрузочных транспортных и складских работ на предприятиях Чехословакии.— *«Механизация и автоматизация производства»*. М., 1966, № 4, с. 51—53.

Наумова В. И. Прогрессивные структурные сдвиги в текстильной промышленности стран — членов СЭВ (Экономические данные).— *«Текстильная промышленность»*, 1966, № 1, с. 6—8.

Ненсберг Е., Шахматов В. На стальных магистралях дружественных стран (О деятельности Организации сотрудничества железных дорог социалистических стран).— *Тыл и снабжение Сов. Вооруженных Сил*, 1966, № 3, с. 70—72.

Новая организация Чехословацкой радиоэлектронной промышленности.— *«Радиоэлектроника за рубежом»*, 1966, вып. 9, с. 8—11.

Новотный А. Большие и почетные задачи. Изложение выступления на общегосударственной конференции работников ЕСХК 9 марта 1966 г.— *«Правда»*, 1966, 11 марта.

Организация проектирования и художественного конструирования промышленных изделий в Югославии.— *«Радиоэлектроника за рубежом»*, 1966, вып. 9, с. 35—38.

Ордуханова Т. Некоторые цифры и факты о научно-техническом сотрудничестве стран — членов СЭВ.— *«Вестник статистики»*, 1966, № 4, с. 45—50.

Орловская С. Долгосрочное кредитование капитальных вложений сельскохозяйственных предприятий в европейских странах социализма.— *«Вопросы экономики»*, 1966, № 2, с. 109—112.

Осьмова М. Некоторые проблемы подготовки и использования трудовых ресурсов в странах СЭВ.— *«Вопросы экономики»*, 1966, № 1, с. 105—112.

Первые результаты экономических реформ в промышленности Чехословакии. — «Радиоэлектроника за рубежом», 1966, вып. 9, с. 4—8.

Петров Л. Экономика Болгарии на подъеме. — Сов. профсоюзы, 1966, № 3, с. 38.

Петров П. Новая система планирования и руководства экономикой в Народной Болгарии. — Экономика Сов. Укранны, 1966, № 2, с. 89—92.

Пивоваров Ю. Л. Особенности территориальной структуры народного хозяйства Чехословацкой Социалистической Республики. — Изв. АН СССР. Серия географическая, 1965, № 5, с. 16—26.

Планирование, управление промышленностью и организация материального стимулирования в социалистических странах в новых условиях (Обзор по материалам печати социалистических стран). — «Радиоэлектроника за рубежом», 1966, вып. 9, с. 3—38.

Плодотворное сотрудничество железных дорог социалистических стран. — «Железнодорожный транспорт», 1966, № 5, с. 83—84.

Политкин Ф., Лопаткин М. Нефть и страны социалистического сотрудничества. — «Нефтяник», 1966, № 2, с. 34—37.

Померанцев В. Б. О некоторых особенностях проявления общих закономерностей построения социализма в условиях третьего этапа общего кризиса капитализма. — Вестн. МГУ. Экономика, философия, 1965, № 5, с. 46—54.

Приймак А., Сергуховитина К. Садоводство и виноградарство Болгарии. — С.-х. производство Сев. Кавказа и ЦЧО, Краснодар, 1966, № 4, с. 40—41.

Прохоров Г. Мировая система социализма и освободившиеся страны. — «Вопросы экономики», 1965, № 11, с. 82—89.

Прохоров Г. Экономическое сотрудничество социалистических и развивающихся стран. — Мировая экономика и междунар. отношения, 1966, № 4, с. 114—121.

Пусенков Н. Новая система управления и внешняя торговля Чехословакии. — «Внешняя торговля», 1965, № 12, с. 20—23.

Развивать и укреплять сотрудничество социалистических стран по лесному хозяйству. — Лесное хоз-во, 1966, № 3, с. 76—80.

Развитие товарообмена НРБ со странами — членами СЭВ. — «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1965, № 4, с. 38—41.

Рокитко А. У. Деякі питання розвитку соціалістичних виробничих відносин у сільському господарстві європейських країн соціалізму. — Питання політ. економії, 1965, вип. 14, с. 77—84.

Рубаник В. П. Стан и перспективы развития электроэнергетики в краінах соціалізму. Питання політ. економії, 1965, вип. 14, с. 45—60.

Рыбаков О. Проблемы сопоставления стоимостных показателей экономического развития социалистических стран. — «Вестник статистики», 1965, № 8, с. 31—42.

Савенко Ю. Н., Самков М. А. Некоторые вопросы развития европейских энергетических систем. — «Энергохозяйство за рубежом», 1966, № 1, с. 2—12.

Сенин М. Экономические реформы в странах социализма и внешняя политика. — «Международная жизнь», 1966, № 2, с. 6—16.

Сенин М. Объективные законы развития мирового социалистического хозяйства. — «Политическое самообразование», 1966, № 5, с. 43—52.

Смолянскій В. О некоторых особенностях развития Польши. — «Новое время», 1966, № 2, с. 10—13.

Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Социалистической Федеративной Республики Югославии об оказании Советским Союзом технического содействия в восстановлении города Скопье и предоставлении на эти цели кредита. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 15, с. 266—269.

Соколов А. Страны социализма на новых рубежах (О достижениях в экономике в 1961—1965 гг. и планах на 1966—1970 гг.). — «Международная жизнь», 1966, № 5, с. 132—137.

Соколов А., Ширяев Ю. Важное направление сотрудничества стран социализма (О развитии коллективных межгосударственных экономических организаций социалистических стран). — «Международная жизнь», 1966, № 1, с. 54—63.

Сорокин Г. Мировое социалистическое хозяйство: законы развития, исторические перспективы. — «Коммунист», 1966, № 5, с. 81—91.

Сотрудничество в развитии отдельных отраслей народного хозяйства. — «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1966, № 1, с. 3—41.

Сотрудничество по валютно-финансовым вопросам. — «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1966, № 1, с. 57—60.

Стоплов Н. Современный этап строительства социализма в европейских странах народной демократии. — «Вопросы экономики», 1966, № 3, с. 75—83.

Сучинский Г. Вопросы рационального городского расселения в Польской Народной Республике. — Жил. строительство, 1966, № 4, с. 28—29.

СЭВ в действии. — «Наука и жизнь», 1966, № 3, с. 75.

Годоров С. Сотрудничество — мощный фактор развития социалистических стран. — «Коммунист», 1966, № 3, с. 102—105.

Торговая реклама в Чехословакии. — «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5, с. 44—47.

Фремер М. Новая система планового управления народным хозяйством в Чехословакии. — «Вопросы экономики», 1965, № 11, с. 75—81.

Харченко З. Украина в техническом и научном сотрудничестве социалистических стран. — Экономика Сов. Украины, 1966, № 4, с. 90—93.

Хилюк Ф. Совершенствование управления промышленностью и планированием народного хозяйства. — Экономика Сов. Украины, 1965, № 2, с. 104—109.

Чистяков М. Креннут советско-чехословацкие экономические связи. — «Внешняя торговля», 1966, № 2, с. 12—14.

Чудов А. С., Авданина Н. Г. Единая методика расчета себестоимости перевозок грузов и пассажиров на железных дорогах социалистических стран. — Тр. Моск. ин-та инженеров ж.-д. транспорта, 1966, вып. 215. Вопросы экономики ж.-д. транспорта, с. 114—136.

Шапиро А. И. Перспективы развития сахарной промышленности Польской Народной Республики на 1966—1970 гг. — «Сахарная промышленность», 1966, № 3, с. 67—70.

Шершеневич Л. 20 лет работы связи в Польской Народной Республике. — Вестн. связи, 1966, № 2, с. 25—26.

Шибих В. Н. Баланс межотраслевых связей Польской Народной Республики. В кн. Балансы межотраслевых связей. Построение и применение. М., 1966, с. 40—48.

Шиняпин Ю. Экономическая эффективность орошаемого земледелия в европейских странах — членах СЭВ. — «Вопросы экономики», 1966, № 3, с. 114—118.

Шкаренков Ю. Сотрудничество социалистических стран в развитии сырьевой базы. — «Международная жизнь», 1966, № 2, с. 145—147.

Шмелев С. М. Строительство коммунизма в СССР и перспективы перехода к коммунизму социалистических стран. В сб.: Экономические вопросы развернутого строительства коммунизма в СССР. Свердловск, 1966, с. 77—85.

Шмельц Р. Советско-чехословацкое экономическое сотрудничество. — «Внешняя торговля», 1966, № 4, с. 5—19.

Шустер А. Нормативы экономической эффективности капитальных вложений. О симпозиуме экономистов социалистических стран в Москве в 1965 г. — «Вопросы экономики», 1966, № 3, с. 156—160.

Юрьев Ю. Н. Некоторые итоги экономического развития и сотрудничества

стран — членов СЭВ. — «Новая и новейшая история», 1966, № 1, с. 73—81.

Ярошевич П. Курс, проверенный временем. Экономическое сотрудничество социалистических стран в связи с Директивами XXIII съезда КПСС. — «Правда», 1966, 13 апреля.

3. Партийная жизнь

Важный этап в строительстве коммунизма (Об обсуждении проекта Директив XXIII съезда КПСС в печати братских партий). — «Партийная жизнь», 1966, № 6, с. 66—69.

Валента И. Накануне XXIII съезда КПЧ (О предсъездовской дискуссии). — «Партийная жизнь», 1966, № 8, с. 71—74.

Крылов Л. И. Развитие братскими партиями теории и практики социалистического строительства в деревне. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 1, с. 3—17.

Тито Броз И. Важные задачи югославских коммунистов. Выступление на пленуме ЦК СКЮ, обсуждавшем вопросы экономической реформы. — «Правда», 1966, 4 марта.

4. Государственное строительство и право

Бергер Л. А. Вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних в юридической литературе Польской Народной Республики (Обзор). — «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, 1965, с. 154—162.

Богданов О. Наши международные связи (О сотрудничестве учреждений социального обеспечения социалистических стран). — «Социальное обеспечение», 1966, № 5, с. 60—63.

В. П. К изучению опыта кодификации административного законодательства и практики его применения в ЧССР. — Уч. зап. Всес. н.-и. ин-та советского законодательства, 1965, вып. 4, с. 199—206.

Гельфер М. Местные народные суды Чехословацкой Социалистической Республики. — «Советская юстиция», 1965, № 23, с. 18—20.

Генкин Д. М. Некоторые правовые вопросы общих условий поставок товаров СЭВ 1958 г. — Сборник информ. материалов (Секция права Всесоюзной торговой палаты), 1965, вып. 18, с. 3—17.

Гурский Ю. Право, регулирующее оборот в общественном секторе, в планах и учебных программах на факультетах права в Польше. — «Советское государство и право», 1965, № 11, с. 122—126.

Даулетова С. О. Отечественный фронт и центральные органы Народной Республики Болгарии до принятия Конституции 1947 года. — Вестн. ЛГУ, 1965,

№ 23. Серия экономики, философии и права, вып. 4, с. 137—142.

Д у д о р о в Д. И. Участие народных масс как один из основных принципов представительной системы социалистических стран.— «Сборник работ аспирантов» (Воронежский гос. ун-т), 1965, вып. 1, с. 214—219.

К а л и н о в и ч В. У., Н е д в а й л о П. О. Кароль Кораний — видатный историк права (1897—1964).— «Проблеми правознавства», 1965, вып. 2, с. 138—143.

К о ф м а н И. М. Алиментные обязательства в практике Верховного суда Польской Народной Республики.— «Известия высших учебных заведений». Правоведение, 1965, № 4, с. 88—94.

К у т у з о в В. Долгосрочные соглашения в международной торговле.— «Внешняя торговля», 1965, № 10, с. 12—15.

К у р и с П. р. Из истории оформления статуса вольного города в международном праве (Вольный город Краков 1815—1846 гг.).— «Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР», Право, 1965, т. 6, с. 64—76.

Л я н ц м а н ь с к и З. Социальное обеспечение в Польской Народной Республике.— «Социальное обеспечение», 1966, № 2, с. 62—63.

М а н е л и с Б. Л. Зарубежные компартии об унитарной и федеративной формах государства.— Тр. Ташк. гос. ун-та, вып. 282. Некоторые вопросы гос-ва и права, 1966, с. 5—21.

М и н ь к о в с к и й Г. М. Актуальные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в социалистическом обществе.— «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, 1965, с. 163—176.

П о л о в и ч С. Основные институты югославского административного процесса.— «Советское государство и право», 1966, № 2, с. 118—124.

С ы з д е к Э. Государство и католическая церковь в Народной Польше.— «Политическое самообразование», 1966, № 4, с. 138—144.

С т и ю в и ч М. Большой Белград (О работе городской Скупщины Белграда).— «Советы депутатов трудящихся», 1966, № 4, с. 102—106.

Ч у ш е н к о В. Відносини виконавчих комітетів Народних Рад Болгарії з центральними органами державної влади і управління.— Вісник Львівського держ. ун-ту. Серія юрид. Львів, 1966, с. 60—65.

Ч у ш е н к о В. У. Дальший розвиток демократизму в роботі місцевих органів державної влади Болгарії.— Вісник Львівського держ. ун-ту. Серія юрид., Львів, 1966, с. 45—49.

Ч х и к в а д з е В. М., З и в с С. Л. Сравнительное правоведение в практике международного научного сотрудничества (социалистических стран).— «Советское государство и право», 1966, № 2, с. 12—20.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Б е й л і с О. С. Методологічні питання історії болгарського відродження в працях Тодора Павлова.— Вісник Львівського ун-ту. Серія історич., 1965, вип. 3, с. 3—15.

В е р н и к о в В., К о р п и л о в Ю. Помощник Жанны Лябурб (О Стойко Раткове, участнике сербской национальной группы коллегии иностранной пропаганды при Одесском обкоме КП(б)У в 1918 г.)— «Неделя», 1966, № 14, с. 16.

В о л к о в В. К. Операция «Тевтонский меч» (К убийству югославского короля Александра).— «Новая и новейшая история», 1966, № 2, с. 31—43.

В о р о н к о в И. А. Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии.— Вестн. МГУ. История, 1966, № 2, с. 44—56.

Г а в р а н е к Я., К о р ж а л к а И., М е с а р о ш Ю., Ш о л л е З. Народные массы в чешском и словацком национальном движении XIX века.— «Вопросы истории», 1966, № 1, с. 105—116.

Г а п а й ч у к Я. Я. Т. Г. Шевченко та П. У. Прушинський.— «Український історичний журнал», 1966, № 3, с. 107—110.

Г а м р е ц ь к и й Ю. М. Ради України — на захисті інтересів військовополонених (1917 г.).— «Український історичний журнал», 1966, № 2, с. 100—105.

Г е о р г и е в Г. И. Л. Многослойное поселение Азмашка могила близ Старой Загоры.— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии. 1966, вып. 106, с. 3—11.

Г у г а л а С. Тысячелетие Польши.— Сов. печать, М., 1966, № 3, с. 57—58.

Д а н и л о в В. А., П е т р я е в К. Д. Трудящиеся-интернационалисты в Деллийской Октябрь. Всесоюзная научная сессия историков в Одессе (ноябрь 1965 г.).— «Новая и новейшая история», 1966, № 2, с. 175—176.

Д и л ь м у х а м е д о в Е., Т у р т а В. Общественно-политическая деятельность ссыльных польских патриотов в Казахстане (середина XIX — начало XX в.). Вестн. АН КазССР, 1966, № 1, с. 32—41.

Д о б р у с к и н М. Е. Религия и атеизм в Народной Польше.— «Научные доклады высшей школы». Философские науки, 1966, № 1, с. 113—121.

Д э в л е т М. А. Археологический музей в Пловдиве.— Тр. НИИИ музееведения, вып. 15, 1965, с. 4—14.

З а к Л. А. Из истории дипломатической борьбы на Венском конгрессе.— «Вопросы истории», 1966, № 3, с. 70—82.

И в а н о в В. В. Методологические проблемы истории в трудах Н. К. Стефанова.— «Вопросы истории», 1966, № 1, с. 196—200.

- И о ф ф е А. Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом (В период между двумя мировыми войнами).— «Вопросы истории», 1966, № 3, с. 15—30.
- К а д е н и ч е н к о П. В колі польских друзів (О тесных связях Т. Шевченко с деятелями польского революционно-освободительного движения).— «Прапор», 1966, № 3, с. 50—53.
- К л е й н Б. Найдено в архиве: 1. Два завещания Тадеуша Костюшко. 2. «Гранде Эдукадор». (О польском революционере И. Домейко, соратнике А. Мицкевича).— «Неман», 1965, № 6, с. 119—124.
- К о в а л ь С. Ф. Революционная деятельность польских политических ссыльных в Сибири в 60-е годы XIX в. В сб.: «Сибирь периода капитализма», вып. 2, Новосибирск, 1965, с. 123—132.
- К о н о б е е в В. Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853—1854 гг.— Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. 29, 1965, с. 134—177.
- К о н р а д А. Акция «План Варшавы». Записки разведчика. Пер. с польского.— «Сибирские огни», 1965, № 11, с. 144—154.
- К о п ы л о в А. Верный залог (О героической борьбе членов болгарского Рабочего молодежного союза с фашизмом в годы второй мировой войны).— «Молодой коммунист», 1965, № 9, с. 100—104.
- К о п и л о в А. Посилення руху опору в Болгарії під впливом перемог Радянської Армії (1941—1944 гг.).— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вип. 1, с. 28—34.
- К р а с и н Ю. А. Проблемы социалистической революции и современность.— «Вопросы философии», 1965, № 11, с. 14—25.
- К у з ь м и н А. И. Письма Ф. Миклошча к И. И. Срезневскому (1858—1879 гг.).— Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1966, вып. 1, с. 51—57.
- К у л і н и ч І. М. Діяльність Федерації іноземних комуністичних груп РКП(б) (1918—1920 рр.).— «Український історичний журнал», 1965, № 11, с. 45—53.
- К у л ь ч и ц к и й В. С. Органи державного управління Галичиною за конституцією 1867 року.— Вісник Львівського держ. ун-ту. Серія юрид. 1966, с. 32—38.
- Л о з и н с к а я М., Т а м а ш а у с к а К. Новые архивные документы о пролетарской солидарности трудящихся в годы революции и гражданской войны.— «Коммунист», Вильнюс, 1966, № 2, с. 39—46.
- М а к а р е н к о Я. Друг среди друзей (О жизни В. И. Ленина в Польше в 1912—1913 гг.).— «Агитатор», 1966, № 8, с. 53—55.
- М а т в е е в А. М. Из истории участия зарубежных славян в общественно-политической жизни Туркестана (1918—1920 гг.).— Научн. тр. Ташкент. гос. ун-та, 1966, вып. 281, с. 82—92.
- М е с к и н А. Е. Из истории 1-й чехословацкой отдельной бригады в СССР.— Сб. работ аспирантов Воронежского гос. ун-та, 1965, вып. 1, с. 200—203.
- М и к у л ь с к и й К. Классовая структура общества в социалистических странах.— «Политическое самообразование», 1966, № 2, с. 27—35.
- М и л л е р И. С. Издано в столетие восстания 1863 года. Обзор документальных материалов.— «Новая и новейшая история», 1966, № 2, с. 116—124.
- Миллионы друзей. Новые архивные документы о пролетарской солидарности трудящихся в годы революции и гражд. войны.— «Коммунист», Вильнюс, 1966, № 2, с. 39—46.
- М и т и н Н. П. Революционно-демократическое движение в Сибири в канун восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге.— Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, 1965, т. 29, с. 3—23.
- М п х а й л о в а Т. Из історії пролетарської солідарності трудящихс Кіровоградщини з робітничим класом і селянством Польщі (1925—1929 рр.).— «Архіви України», 1966, № 2, с. 58—62.
- Н е в о л и н а В. С., Я ж б о р о в с к а я И. С. Юлиан Юзефович Мархлевский (К 100-летию со дня рождения).— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5, с. 106—111.
- О в н а н я н С. В. Резня армян 1890-х годов и болгарская общественность.— Историч.-филол. журнал, 1965, № 2, с. 207—210.
- П а в л о в Ф. Был ли государственный капитализм в европейских странах народной демократии?— Экономика Сов. Украины, 1966, № 3, с. 88—90.
- П а в л о в с к и й О. Первый день свободы...— «Новое время», 1966, 13 мая, № 20, с. 4—5.
- П е т р о в В. П. Давні слов'яни V—VIII ст. (Літописні дані в світлі археологічних матеріалів).— «Український історичний журнал», 1966, № 2, с. 30—37.
- П о м ы к а л о В. Тысячелетие Польши и католическая церковь.— «Наука и религия», 1966, № 2, с. 44—57.
- П о п л а в с к и й С. Комдив К. Ф. Квятюк.— Военно-истор. журнал, 1966, № 3, с. 70—73.
- П о ч К. Вопрос о польско-балтийском антисоветском союзе во внешней политике буржуазной Латвии 1920—1923 гг.— Изв. АН ЛатвССР, 1966, № 1, с. 21—30 (на латыш. яз.).
- Р и к м а н Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья.— «Советская этнография», 1966, № 1, с. 68—89.
- Р ы б а к о в Б. А. Христиане или язычники? Об изучении быта и верований древних славян.— «Наука и религия», 1966, № 2, с. 46—49.

Се в р ю г и н а Н. Г. Новые работы и документы В. И. Ленина по проблемам международного рабочего и коммунистического движения (Обзор Полного собрания сочинений.)— «Новая и новейшая история», 1966, № 1, с. 3—17.

С и н и ц ы н а Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в.—Тр. отд. древнерусской лит-ры, кн. 21. Л., 1965, с. 96—125.

С о х а н ь П. С. Сторінка братерської дружби (Болгарські політемігранти в СРСР).— «Український історичний журнал», 1966, № 2, с. 110—111.

С т е ф а н с к и й Э. С. Тяжелый путь (Э. Стефанский — участник гражданской войны в России. 1897—1937.) В кн. Поезд смерти. Куйбышев, 1966, с. 97—146.

С у х а р е в В. В. Борьба рабочего класса Чехословакии за выполнение второго пятилетнего плана (1956—1960 гг.). Вестн. Харьк. гос. ун-та. Серия истории КПСС и истории народов СССР, 1965, вып. 2, с. 115—123.

Ф а й з і е в Ш. Відгуки на Україні на Вересневе антифашистське повстання 1923 г. в Болгарії.— «Український історичний журнал», 1966, № 2, с. 53—60.

Ф и л и п п о в Л. Истина дороже всего (О жизни и открытиях Коперника).— «Наука и религия», 1966, № 4, с. 64—72.

Х и л ь ч е н к о М. Л. Иностранцы группы РКП (б) на Урале.—Уч. зап. Урал. гос. ун-та, 1966, № 43, Серия ист., № 3, с. 3—12.

Ш у б и н Г. Г. Чешский радикально-демократический социализм. К истории чешского утопического социализма эпохи нац. пробуждения.—Уч. зап. кафедр обществ. наук вузов г. Ленинграда. Философия, вып. 7, 1965, с. 190—205.

Я н и н В. Л. Находка польского свинца в Новгороде (К истории торговых связей Новгорода и Польши в XIX в.).— Сов. археология, 1966, № 2, с. 324—328.

2. Культура, наука, народное просвещение

А й з е н ш т о к У. Я. З творчих взаємин А. Міцкевича та П. Гулака-Артемовського.— «Радянське літературознавство», 1966, № 4, с. 47—55.

А н и к с т А. «Мужская компания» (О югославо-западногерманском фильме в постановке В. Штаудте).— «Искусство кино», 1966, № 4, с. 129.

А н н и н с к и й Л. «Деревянные четки» (О фильме польских режиссеров Е. и Ч. Петельских «Деревянные четки» по повести П. Роллечек).— «Искусство кино», 1966, № 3, с. 91—92.

А н н и н с к и й Л. «Первый день свободы» (О польском фильме по пьесе Л. Кручковского «Первый день свободы»

в постановке А. Форда).— «Искусство кино», 1966, № 4, с. 124—127.

Б э л з а И. Бедржих Сметана.— Муз. жизнь, 1966, № 5, с. 15—17.

В а р а в е й М. С. Навуковає супрацоўніцтва Беларускай ССР з краінамі сацыялістычнай садружнасці.— Весті АН БССР, Серыя грамад. навук. 1966, № 1, с. 42—51.

В высшей школе социалистических стран. О вузах Польши и Чехословакии. Вестн. высш. школы, 1966, № 2, с. 84—86.

В и н о г р а д о в В. А. Многостороннее сотрудничество академий наук социалистических стран.— Вестник АН СССР, 1966, № 2, с. 102—107.

В л а д и м и р о в М. Пресса народной Польши.— Междунар. жизнь, 1966, № 4, с. 150—152.

В о р о ш и л ь с к и й В. Введение к «Пецлу». О круге проблем в фильме польского режиссера А. Вайды «Пецел» по роману С. Жеромского.— «Искусство кино», 1966, № 3, с. 79—88.

Г а й н ц Й. Как организованы народные промыслы в Чехословакии.— «Декоративное искусство», 1966, № 3, с. 43.

Г а ч е в Д. Письма к родным в Болгарию (за 1924—1927 гг.).— «Советская музыка», 1966, № 1, с. 38—51.

Г е о р г и е в с к а я Е. Антонин Славичек.— «Искусство», 1966, № 3, с. 66—68.

Г и п п и у с Е., Ш и р я е в а П. Из истории песни «Красное знамя» (Швейцария, Франция, Польша, Россия).— «Советская музыка», 1965, № 11, с. 27—36; № 12, с. 49—57.

Г о л о м ш т о к А. Е. Центры профессиональной консультации в Польше.— Сов. педагогика, 1966, № 3, с. 139—146.

Г о р б о в Д. Художник и эпоха. О романе Ф. Кубки и К. Шульда.— «Новый мир», 1966, № 3, с. 229—242.

Г о р д и н о в А. Н. Русско-чешские библиографические связи в начале XX века.—Тр. гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1966, т. 9, с. 155—178.

Г о р ф у н к е л ь А. Х. «Пентатеугум» Андрия Белобоцкого (Из истории польско-русских лит. связей).—Тр. отд. древнерусской литературы, вып. 21, 1965, с. 39—64 (Ин-т русской литературы АН СССР.)

Г р е ц к а я Г. Т., Р а з ы г р а в А. М. В средних специальных школах Чехословакии.— Сред. спец. образование, 1966, № 2, с. 43—46.

Г у с с а к Т. Советская книга в Польше.— «Книжная торговля», 1966, № 2, с. 36—37.

Д и м о в В. У наших болгарских друзей. О Димитровском коммунистическом союзе молодежи.— «Комсомольская жизнь», 1966, № 9, с. 25—28.

Д о с т а л В. Четыре романа о недавнем прошлом. Критический анализ современной чешской и словацкой прозы.—

«Иностранная литература», 1966, № 2, с. 213—222.

Задачи педагогической науки в Чехословакии. Решение Идеологической комиссии ЦК КПЧ. — «Советская педагогика», 1966, № 2, с. 132—136.

За круглым столом. Встреча художников Болгарии и Советского Союза. — «Творчество», 1966, № 3, с. 12—13.

Заславская Л. Поющая славянская душа (О фестивале фольклорной песни и танца в местечке Виходна — Восточная Чехословакия). — Клуб. и художественная самодеятельность, 1966, № 4, с. 32—33.

Затонский Д. Немецкие писатели Праги о научной конференции в Либлице 18—20 XI 1965. — «Иностранная литература», 1966, № 3, с. 255—258.

Зубок И. Живописец Будомир Дворски. — «Творчество», 1966, № 4, с. 24.

Итоги и перспективы (Заметки чехословац. литературоведов: З. Матгаузер, Д. Дюришин). — «Вопросы литературы», 1965, № 12, с. 266—269.

Кирчів Р. Ф. Ранні польські переклади українських пісень. — «Радянське літературознавство», 1966, № 1, с. 45—58.

Киселев И. Н. Творческие связи ученых Академии наук СССР с чехословацкими учеными. — Вестник АН СССР, 1966, № 1, с. 82—86.

Коваль М. Торжество национального гения (О смотре народного искусства в Болгарии в 1965 г.). — «Советская музыка», 1966, № 3, с. 123—128.

Колевский В. Страницы дружбы (О болгарско-советских литературных связях. По материалам печати 30-х гг.). — «Знамя», 1966, № 1, с. 232—242.

Копистянська Н. Х. Нариси про Закарпаття та їх роль у розвитку соціалістичного реалізму в Чехословаччині 30-х років. — «Іноземна філологія», Львів, 1966, вип. 6, с. 129—137.

Кравцов Н. И. Искусство и народное творчество (К вопросу о примитивизме и стилизации в славянских литературах). В сб.: «О литературно-художественных течениях XX века», М., 1966, с. 177—202.

Кривневич В. Профессиональное образование в Чехословакии. — Проф. техн. образование, 1966, № 1, с. 30—32.

Куличковская К. Современная польская литература для детей. Нар. образование, 1966, № 2, с. 117—118.

Курдюмова Е., Беркович М. В стране друзей (Путевые заметки о ЧССР). — «Донбасс», 1965, № 5, стр. 77—83.

Лазарев В. Романы М. Шолохова в Чехословакии. — «Литература в школе», 1966, № 1, с. 93—95.

Ласкеев Н. А. Справочно-библиографическая и информационная работа в системе библиотек Болгарской академии

наук. — «Советская библиография», 1965, № 5, с. 83—89.

Липатов А. В. Польский дидактический роман «Пан Подстолий» И. Крашицкого. — Вестн. МГУ. Филология, 1966, № 2, с. 13—25.

Лисецкий С. Шипкинская высота (Впечатления о поездке в Болгарию). — «Волга», 1965, № 35, с. 140—153.

Лукьянин В. Правда вымысла — правда жизни (О романе польского писателя Лема «Возвращение со звезд»). — «Москва», 1965, № 12, с. 183—191.

Львова Е. Живописцы Болгарии на юбилейной выставке (София, 1965). — «Искусство», 1965, № 11, с. 52—56.

Малишевский У., Решетиллов В. Ивашкевич зблизья (Про сучас. польск. письменника Я. Ивашкевича). — «Вітчизна», 1965, № 9, с. 157—176.

Мальдзіс А. Жывы вобраз Элізы Ожэшкі. — «Польмя», 1965, № 12, с. 181—184.

Мареш В. Ф. Проложные жития чешских святых в рукописях Пушкинского Дома. — Тр. отд. древнерус. лит-ры Ин-та русской литературы АН СССР, кн. 21, 1965, с. 381—382.

Марушак О. В стране нашего завтра (Чехословацкие писатели о Советском Союзе). — «Иностранная литература», 1966, № 3, с. 218—226.

Менендес Пидаль Р. Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе. Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1966, т. 25, вып. 2, с. 100—117.

Мейсак Н. Земля душевных людей (Из чехословацкого дневника). — «Сибирские огни», 1965, № 12, с. 141—150.

Мишанич О. Гей, там, коло Дунаю... Нотатки про літературне життя Югославських українців. — «Вітчизна», 1966, № 4, с. 183—191.

Мотылева Т. Роман социалистического реализма за рубежом. — «Вопросы литературы», 1965, № 12, с. 165—190.

Мошин В. А. Собрания славянских рукописей в Югославии. — Отд. древнерус. лит-ры, кн. 21. Л., 1965, с. 372—380.

Мыльников А. С. Новая публикация памятника чешской литературы XVIII века. Verže o perníkářství. Стихи о брачничках. — Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. М., т. 24, вып. 6, 1965, с. 549—551.

Набагова М. Б. Польская Народная Республика. — В кн. Библиотечное дело в зарубежных странах, 1965, с. 152—172.

Набагова М. Б. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Библиотечное дело в зарубежных странах, М., 1965, с. 295—315.

Набагова М. Б. Чехословацкая Социалистическая Республика. В кн. Библиотечное дело в зарубежных странах, М., 1965, с. 239—258.

Невский А. «Старики на уборке хмеля» (Чехословацкий фильм о молодежи).— «Искусство кино», 1966, № 4, с. 130—131.

Нишанов Р. У польских друзей (Из впечатлений члена советской парт. делегации).— «Партийная жизнь», 1966, № 1, с. 49—54.

Новгородова Н. А. Роль сюжета в создании образа хайдука в болгарских народных хайдуцких песнях.— Уч. зап. Свердловск. гос. пед. ин-та, 1965, вып. 27, с. 98—127.

Новиченко Л. Разговор о литературах социалистических стран.— «Иностранная литература», 1966, № 4, с. 266—269.

Озеров В. Приглашение к разговору (К обсуждению проблемы литератур соц. стран в журнале «Вопросы литературы»).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, с. 3—11.

Орел Я. Народное творчество Словакии.— «Декоративное искусство», 1966, № 3, с. 44.

Павелко В. Розвиток культури українського населення Чехословацької Соціалістичної Республіки (1945—1965 рр.).— «Український історичний журнал», 1965, № 12, с. 55—65.

Панченко А. М. «История вкратце о Бохеме».— Тр. отд. древнерусской лит-ры, кн. 21, Л., 1965, с. 240—251.

Паржизек В. Чехословацкое педагогическое общество.— Сов. педагогика, 1966, № 3, с. 147—148.

Пельцова Я. Стандартизация в области библиографии, издательского дела и репрографии в Польше.— Сов. библиография, 1965, № 6, с. 107—116.

Полякова Л. Неделя в Брненском театре. (О Брненском оперном театре 1965 г.).— «Советская музыка», 1966, № 2, с. 121—127.

Поэты о поэзии (Беседа с поэтами социалистических стран).— «Иностранная литература», 1966, № 3, с. 209—217.

Путлов Б. II Международный симпозиум по рабочему фольклору (13—14 окт. 1965, Югославия).— «Русская литература», 1966, № 1, с. 243—244.

Ратькова Е. В., Хаджихристов Х. Н. Народная Республика Болгария. В кн. Библиотечное дело в зарубежных странах, М., 1965, с. 6—21.

Режиссеры болгарского кино.— «Кино и время», вып. 14, 1965, с. 334—339.

Ритман Ц. Народная полифония (О югославском народном хоровом пении).— «Советская музыка», 1966, № 3, с. 135—136.

Рыбаков Ю. От Берлина до Праги (О театральной жизни Берлина и Праги).— «Театр», 1966, № 3, с. 117—129.

Савицкая В. Современная польская живопись.— «Творчество», 1966, № 4, с. 21—23.

Смирнова Н. Музыка и куклы (О музыкальных постановках Централь-

ного болгарского театра кукол).— «Советская музыка», 1966, № 3, с. 129—135.

Соболев Р. Фильмы Ежи Сколимовского.— «Искусство кино», 1966, № 3, с. 92—95.

Филам М. О «Покушении» и фильме-драме (По материалам беседы с режиссером-постановщиком чехословац. худож. фильма «Покушение» И. Сенвенсом.) Пер. с чешского.— «Искусство кино», 1965, № 11, с. 102—105.

Хануков А. С. О музеях Социалистической Федеративной Республики Югославии.— Тр. н.-и. ин-та музееведения, вып. 15, 1965, с. 60—74.

Хитрук Ф. Всегда в пути. О творчестве болгарского режиссера-мультипликатора Т. Динова.— «Искусство кино», М., 1966, № 4, с. 117—121.

Хохол Ю. Современная архитектура Югославии.— «Строительство и архитектура», 1966, № 2, с. 37—40.

Цыбенко Е. З. Польские литературные дискуссии (О литературных дискуссиях по социалистическому реализму в 1957—1958 гг. и в 1962—1963 гг.). В сб.: «О литературно-художественных течениях XX века». М., 1966, с. 203—244.

Юзовский Ю. Польский дневник.— «Новый мир», 1966, № 2, с. 132—197.

3. Языковедение

Адливанкин С. Ю. О некоторых закономерностях эволюции праславянского вокализма.— Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 1965, т. 137, вып. 1, с. 3—20.

Васева-Кадынкова И. Частотность употребления деэричестий в современном русском и болгарском языках.— «Русский язык в национальной школе», 1965, № 6, с. 69—72.

Герд А. С., Мещерский Н. А. Вопросы этно- и глоттогенеза славян в работах советских языковедов за последние годы.— Вестн. ЛГУ, 1965, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4, с. 104—115.

Журавлев В. К. Праиндоевропейские и праславянские словообразовательные.— Вестн. МГУ. Филология, 1966, № 2, с. 3—12.

Ивич М. Оппозиция: «Односоставное предложение» — «Двусоставное предложение». — «Научные доклады высшей школы». Филолог. науки, 1965, № 4, с. 181—184.

Львов А. С. Значение чувашского языка в определении этимологии некоторых слов старославянского языка.— Уч. зап. н.-и. ин-та при Совете Министров Чуваш. АССР, вып. 28, 1965, с. 47—54.

Откущиков Ю. В. Из истории праславянского словообразования.— Этимологические исследования по рус. яз., 1966, вып. 5, с. 79—93.

Ройзензон Л. И. Об одной лужицко-русской параллели.— Этимологи-

чекские исследования по рус. языку, 1966, № 5, с. 120—122.

У л у х а н о в И. С. Причины семантического преобразования славнизмов (На материале глаголов с приставкой пре-)—Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1966, т. 25, вып. 2, с. 87—99.

Х а з а г е р о в Т. Г. О дистрибуции типов ударения в системе именного скло-

нения общеславянских Neutra (По материалам русских акцентированных памятников).—Вестн. МГУ, Филология, 1966, № 3, с. 70—75.

Ч о л а к о в а Кр. Лексикографическая работа в Институте болгарского языка Болгарской академии наук. В кн. Современная русская лексикология. М., 1966, с. 178—190.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Български език», 1965, № 4—5

В. Г е о р г и е в. Новые теории и традиционные заблуждения; Д. И в а н о в а - М и р ч е в а. «Германов сборник»— болгарский письменный памятник X века в списке 1359 г.; С. С п а с о в а - М и х а й л о в а. Фразеологические варианты с общим компонентом существительное «език»; Ц. М а к е д о н с к а. Русское влияние на формирование некоторых фразеологизмов в новоболгарском литературном языке; А. С п а с о в а. О некоторых одинаковых элементах в болгарской и румынской морфологической терминологии; П. П а ш о в. Особый тип неопределенных местоимений в северо-восточных болгарских говорах (на-кой; на-какво; на-къде, на-как и т. д.); Л. Т о д о р о в. О некоторых терминологических и других вопросах болгарского литературного языка; Р. Б е р н а р. Живеница 'скрофулез'; Т. Т о м о в. К вопросу о произношении и письменной передаче испанских и португальских имен в болгарском языке; М. Ф и л и п п о в а - Б а й р о в а. К вопросу о болгаро-греческих языковых связях; Е. М и х а й л о в а. К вопросу о математической терминологии в эпоху Возрождения; В. К о н с т а н т и н о в а. Словообразовательная функция и семантика суффикса существительных -ист в современном болгарском литературном языке; М. В ы г л е н о в. О некоторых переходящих иностранных словах в словаре болгарского языка; В. К ю в л и е в а. Краткое описание рукописного болгарско-греческого словаря Захария Христовулова; Н. Ш е й т а н о в. Неизвестные названия болгарских букв.

«Език и литература», 1966, № 2

К. П о д о в. Пенчо Славейков и болгарский язык; С. Р у с а к и е в. Творческий путь А. Серафимовича; С. С т о я н о в. Отглагольные существительные с суффиксом -не от глаголов совершенной формы; Б. В е л ч е в а, Т. Б о я д ж и е в. Тенденции развития вокальной системы одного южнородопского говора; И. К о н е в. Первая статья Пенчо Славейкова о Христо Ботеве; Р. Р у с е в.

Пенчо Славейков и маленькое стихотворение; Н. П и в о в а р о в. Украинско-болгарские литературные отношения.

«Język polski», 1966, № 1

В. Т а ш и ц к и й. О форме прилагательных типа «polszczy (królowie); С. У р б а н ь ч и к. Юлиус Зборовски; Я. О т р е м б с к и й. Из истории польских слов: každy, żaden; Д. В е с е л о в с к а я. Новые satelity и подобные формы; М. К а р п л у к у в н а. Передача иноязычной группы ai в польском языке XVI в.; Ф. В ы с о ц к а я. О лексических различиях в некоторых названиях болезней; Е. Б е л ь ц а ж о в а. Названия некоторых ягод: Rubus idaeus, malina właściwa; А. С т е ф ф е н. Происхождение слова польск. суда, 'bak'; Т. К у р о ч ы ц к и й. Замечания о переводе Казимирой Иллаковичувиной романа Л. Толстого «Анна Каренина».

«Kwartalnik historyczny», 1966, № 1

К. К е р с т е н. Миграция народов в XX в.; А. Я н о в с к и й. Экспедиция Заливского в польской литературе 1833—1848 гг.; Проблемы, связанные с освобождением и восстановлением Варшавы. Встреча с маршалом Марианом Спыхальским; К. Б у ч е к. О так называемых княжеских и королевских правах; Е. З а т е й. Как надо понимать Каллимаха?; И. К а н е в с к а. Социальное происхождение краковских студентов в XVI в.; Г. Ш к л о в с к и й. Политическая и военная деятельность КПП в 1918—1928 гг.; Ф. М а т е е к. Чешская и словацкая деревня в период позднего феодализма.

«Przegląd historyczny», 1966, № 1

Т. В а с и л е в с к и й. Византийская символика Гнезненского съезда и ее юридически-политическое значение; А. В ы р о б и ш. Торговля в Сольде-на-Висле до конца XVIII века (К вопросу об истории внутреннего рынка в Польше до ее разделов); А. К о д е л л о. Военные события в Жемайтии и в Курляндии в 1656—1660 годах; А. З а х о р с к и й. «Монитор» 1789—1795 годов о польском

вопросе; М. В е ж х о в с к и й. Холмский вопрос в русской Государственной думе; Я. Т а з б и р. Киселинско-бересский собор «польских братьев»; К. Т ы м е н е ц к и й. Ранняя история европейского города.

«*Slavia orientalis*», 1966, № 1

Р. Л у ж н ы. «Рифмованная псалтырь» Симеона Полоцкого и «Псалтырь Давида» Яна Кохановского; С. Г о л ь д г а р т. Незвестный роман Александра Вельтмана; Б. С н я д о в е р. Русская литература в «Дневниках» Жеромского; Т. Ш и ш к о. Сершевский и Короленко (Из неопубликованной переписки); Г. К и р х н е р. Синтаксические связи слов типа *xорошо/искренне*; Ю. М а ц к е в и ч, Е. Р о м а н о в и ч. Примеры различий в ударениях в современных белорусских диалектах; Я. Р и г е р. Из бойковской и лемковской топонимастики.

«*Česká literatura*», 1966, № 2

И. Б р а б е ц. Чешская литература с 1939 по 1945 год; Я. И р с а. «Поэзия в недоумении» Б. Вацлавека в оценке современников; Ю. Ш т е п а н к о в а. Раздумья и мечтания над поэзией (Путь Г. Башеларда от психоанализа к феноменологии); М. К о з л и к о в а. Структурная теория художественного произведения (Ю. Логман. Лекции по структурной поэтике); Э. М а ц е к. По поводу неизвестных драматических произведений Шальды в 20—30-х годах XIX в.; Я. Ч а п е к. Две заметки о неизвестных стихах чешских гуманистов.

«*Československý časopis historický*», 1966, № 2

Б. З а с т е р о в а. Обзор развития и современного состояния византиноведения; В. П с о т о в а. Борьба за немецкий демократический театр в ЧСР; Ф. Б о р о ш. К вопросу о кризисе Версальской системы в 1920 г.; Я. М а р е к. Всемирная история; В. П р е ч а н. Протокол конференции актива руководящих работников Коммунистической партии Словакии 8.IV.1945.

«*Historický časopis*», 1966, № 1

Л. Г о л о т и к. Состояние и проблемы современной словацкой историографии; А. Ш п и с. Городское население Словакии в XVIII в.; Я. М л ы н а р и к. Культурно-экономический пункт в развитии движения безработных в Словакии в 1929—1933 гг.; Р. К р а й н о в и ч. Топонимическое исследование и историко-общественная проблематика; В. Ф е л ч а к. Влияние национального вопроса на общественный характер венгерской революции 1848 года.

«*Slavia*», 1966, № 1

Д. С. С т а н и ш е в а. Конструкция типа «земля — пахать» в системе синтаксических средств восточнославянских языков; В. П. Т и м о ф е в. Иностраный корень *quitt(e)* в славянских языках; В. Д о г н а л. Петр Квичка — переводчик Пушкина; В. Г а й д о ш. Глаголический кодекс в библиотеке Медичи; Г. И. К о л ы д а. Новое в языке первопечатного Апостола; В. В. А н и ч е н к о. Церковнославянская традиция в украинской и белорусской переводной литературе XVI—XVII вв.; В. Н. С к р и п к а. Из славистического наследия И. И. Срезневского; Л. П. Л а п т е в а. В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов.

«*Slovenská literatura*», 1966, № 2

В. П е т р и к. Об историзме в творчестве Эге; С. Ш м а т л а к. Возникновение и развитие сюрреализма; Ф. Ш т р а у с. Смысловая ценность противоположных стихотворных форм; О. Ч е п а н. Фонология и монтаж в поэзии; В. М а р ч о к. О возможностях структурного анализа сюрреалистической поэзии; И. К у с ы. Введение в проблематику словаря словацкой литературы; И. А м б р у ш, К. Р о з е н б а у м. Проблематика словаря словацкой литературы.

«*Jezik*», 1965/66, № 1

М. И в и ч. Проблема нормы в литературном языке; Л. И о н к е. Проблема нормы в хорватско-сербском литературном языке; М. Х р а с т е. Проблема нормы в литературном языке; Р. К а т и ч. Проблема нормы в литературном языке; С. Б а б и ч. Язык Вука Караджича и наш современный литературный язык; Д. К а л о г е р а. О соотношении регионального диалекта и стандартного языка.

«*Jezik*», № 2

Д. Б р о з о в и ч. О проблемах варианта; Б. Ф и н к а. О языковой норме и языковой свободе.

«*Jezik*», № 3

П. Р о г и ч. Семантика как отрасль науки о языке; Л. И о н к е. Перед вторым изданием «Орфографии»; М. Х р а с т е. *Avarija* или *havarija*?; В. А н и ч. О некоторых вопросах нашего литературного произношения.

«*Jezik in slovstvo*», 1966, № 3

Ф. З а д р а в е ц. Обзор взглядов на литературу и искусство в Словении (1898—

1918 гг.); И. Барбарич. Тема моря в новейшей словенской прозе; Я. Шолар. Фонетические изменения в прилагательных на *-ски* в местных названиях; Б. Мися. Категории относительной зависимости.

«Jezik in slovstvo», 1966, № 4

Е. Топоршич. Практическая стилистика; Б. Мерхар. К вопросу о рифме в словенском языке; Ф. Якопин. Славянское двойственное число в языковых слоях; Ф. Задрavec. Обзор взглядов на литературу и искусство в Словении (1898—1918); Я. Шолар. Фонетические изменения в прилагательных на *-ски* в местных названиях.

«Izraz», 1966, № 2

С. Леовац. Литература и общество; М. Дамнянович. Технические эле-

менты в искусстве; М. Франичевич. Антун Бранко Шимич; Ж. Гренье. Негативный аспект искусства; М. Митрович. Автобиографические элементы в трудах Юша Козака; П. Протич. Лаза Костич и его книга о Змае; Л. Зукевич. Национальные границы в нашей народной поэзии; Б. Кроче. Поэзия и литература.

«Izraz», 1966, № 3

Х. Тахмишчич. О действительности произведения искусства; С. Леовац. «Киклоп» Ранко Маринковича; М. Дамнянович. Теория информации в эстетике; Н. Фрой. Архетипы литературы; М. Джурич. Учение Аристотеля о радости; О. Джикич. Как финансировать литературу и искусство; Б. Кроче. Поэзия и литература.

В КОМИССИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

● В Москве с 6 по 12 апреля 1966 г. проходило заседание Комиссии Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) при Международном комитете славистов. В этом совещании приняли участие представители 8 стран: акад. Й. Хамм (Австрия), проф. Ст. Стойков (Болгария), д-р П. Кирай (Венгрия), д-ра Р. Лётч и Ф. Михалк (ГДР), акад. В. Дорошевский, д-ра Я. Басара, Н. Перчинская, В. Помяновская, доц. д-р З. Тополинская и д-р Б. Фалинская (Польша), чл.-корр. проф. Р. И. Аванесов, проф. С. Б. Бернштейн, канд. филол. наук Н. В. Бирилло, проф.-ра Ф. Т. Жилко и В. Г. Орлова (СССР), чл.-корр. Я. Белич, доц. д-р Х. Кржишкова, проф. Э. Паулини и д-р С. Утешены (Чехословакия), проф.-ра Р. Алексич, Д. Брозович, Б. Видоески, Й. Вукович и д-р Б. Финка (Югославия). Участвовали также члены Советской комиссии ОЛА — проф. И. А. Дзедзевский, канд. филол. наук Л. Э. Калпынь, В. Ф. Коннова, проф. С. А. Попорский, канд. филол. наук С. К. Пожарицкая, канд. филол. наук Н. И. Толстой, чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин, сотрудники Института русского языка и Института славяноведения АН СССР и др.

На заседании был заслушан доклад председателя Комиссии проф. Р. И. Аванесова «О работе над ОЛА в 1964—1965 гг.» и сообщения представителей национальных комиссий об итогах сбора материала для ОЛА в 1964—1965 гг., т. е. после заседания Комиссии ОЛА в г. Сараево (Югославия) в мае-июне 1964 г. В докладе сообщалось, что в настоящее время уже начато обследование по новому «Вопроснику Общеславянского лингвистического атласа» (М., 1965). Собран материал в 55 населенных пунктах, из них 33 — в СССР (РСФСР — 13, УССР — 8, БССР — 12), 10 — в Польше, 5 — в Болгарии, 3 — в Югославии, 1 — в ГДР, 2 — в Австрии и 1 — в Венгрии.

На обсуждение Комиссии был вынесен проект Инструкции к «Вопроснику ОЛА», составленный Советской и Чехословацкой национальными комиссиями.

Заслушаны были также сообщения канд. филол. наук С. К. Пожарицкой «Сетка и карта обследования населенных пунктов для ОЛА» и В. Ф. Конновой «О полном и кратком варианте Вопрос-

ника ОЛА». Сообщения об обследовании неславянских территорий для ОЛА сделали акад. Й. Хамм, заместитель председателя подкомиссии по неславянским территориям, и проф. С. Б. Бернштейн, член этой же подкомиссии.

В результате обсуждения доклада и сообщений Комиссия утвердила Инструкцию к Вопроснику ОЛА и полный и краткий варианты Вопросника с учетом высказанных участниками заседания замечаний. Специально созданные группы особенно тщательно отредактировали подразделы «Синтаксис» и «Семантика» («Замечания к разделам и отдельным вопросам II части Инструкции»), материал которых обычно собирается с большим трудом.

Рассмотрев замечания по карте с сеткой населенных пунктов для ОЛА, Комиссия постановила соблюдать принцип равномерности сетки. Некоторое сгущение сетки допускается лишь в областях с наибольшей диалектной дифференциацией. Для удобства пользования картой решено было провести общую и единую нумерацию населенных пунктов на всей территории обследования ОЛА, включив в нее и польские пункты на новозаселенных землях. Отдельным национальным комиссиям (болгарской, словацкой, украинской и югославской) было поручено определить в рабочем порядке населенные пункты сетки Атласа, в которых должен быть собран материал по разделу Вопросника «Горное овцеводство». Также в рабочем порядке должен быть решен и вопрос о сборе материала для ОЛА на неславянских и инославянских территориях, поскольку на этом заседании отсутствовал председатель подкомиссии по неславянским территориям акад. Э. Петрович (Румыния).

Что касается планов и перспектив работы над ОЛА, Комиссия постановила в самое ближайшее время приступить к планомерному обследованию славянских территорий (в первую очередь рекомендуется собрать материал в пунктах опорной сетки) с тем, чтобы завершить сбор материала ориентировочно к 1970 г.

Комиссия сочла необходимым продолжать и в дальнейшем издание сборника «Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования)», первый номер которого выпустил Институт рус-

ского языка АН СССР в 1965 г. В этом сборнике были напечатаны работы по теоретическим проблемам лингвистической географии, по методике работы над ОЛА и конкретные исследования по славянским диалектам.

Решено было также издавать в Москве «Информационный бюллетень» (два раза в год), в котором будут печататься полученные от национальных комиссий сведения о проделанной за каждые полгода работе над ОЛА.

На заседании Комиссии были заслушаны доклады канд. филол. наук Н. И. Толстого «О некоторых возможностях системного изучения и картографирования лексических и словообразовательных различий» и д-ра Я. Перковского (США, Техасский университет) «О принципах и методах создания американского дополнения к ОЛА».

Т. В. Попова

● С 25 по 29 апреля 1966 г. в Москве состоялись заседания Комиссии по составлению словаря общеславянского литературного (церковнославянского) языка при Международном комитете славистов. На заседаниях присутствовали члены Комиссии: Л. Мошинский (Польша); Г. Михаилэ (Румыния); акад. В. В. Виноградов, Л. П. Жуковская, А. С. Львов, Н. И. Толстой, в качестве гостя О. А. Князевская (СССР); проф. Й. Курц — председатель Комиссии, акад. Б. Гавранек, В. Ф. Мареш — 2-й секретарь Комиссии (Чехословакия); проф. П. Джорджич, А. Назор (Югославия); акад. Й. Хамм (Австрия). Отсутствовали: чл.-корр. БАН К. Мирчев, Д. Иванова-Мирчева — 1-й секретарь Комиссии (Болгария); В. Штефанич (Югославия).

Комиссия, созданная по решению IV Международного съезда славистов в Москве в 1958 г., имеет своей целью руководство и координацию работы по составлению единого словаря памятников церковнославянской письменности XI—XVI вв. Создание такого словаря — thesaurus'a в результате согласованной деятельности ученых-славистов разных стран явилось бы большим событием в мировой науке. В славистику был бы введен исключительно богатый материал как для изучения истории развития славянской письменности и культуры в отдельных славянских и неславянских (например, Румыния и Молдавия) странах, так и для изучения истории общеславянского литературного языка, каким по своей основе и функции стал церковнославянский язык в XI—XVII вв. До сих пор работа по составлению картотеки указанного словаря проводится в Чехословакии, Хорватии, Румынии. В Болгарии начато составление картотеки исторического словаря болгарского языка, в связи с чем представители Болгарии в

Комиссии не раз заявляли, что они не могут принимать участие в работе по составлению единого словаря. Д. Иванова-Мирчева прислала письмо в Комиссию, которое было оглашено на первом заседании. В письме говорится, что «единственным разрешением вопроса будет составление отдельных словарей», что болгарские ученые могли бы «внести некоторые поправки и изменения в работу над болгарским словарем для получения максимально однотипного материала». На заседании Комиссии подробно был рассмотрен вопрос о составлении так называемых национальных или исторических словарей отдельных языков и ведении одновременно работы по составлению картотеки общего или единого словаря церковнославянского языка. По этому вопросу принято единогласно решение: «Поскольку единый словарь общеславянского литературного (церковнославянского) языка не исключает создания словарей отдельных изводов (редакций), вести работу по двум направлениям: основному — созданию единого словаря общеславянского литературного (церковнославянского) языка и по созданию словарей отдельных изводов этого языка».

На заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады: акад. В. В. Виноградов — вступительный доклад (25 IV); проф. Й. Курц — о работе, проделанной Комиссией по состоянию на 24 V 1966 г.; акад. Й. Хамм — о необходимости подготовки словаря церковнославянского языка; Л. П. Жуковская — Полные апараты XI—XIV вв., находящиеся в книгохранилищах СССР, и задачи их дальнейшего изучения в связи с составлением словаря общелитературного средневекового языка славян; А. Назор — о работе по составлению словаря хорватских глаголических церковнославянских памятников письменности, проделанной в Старославянском институте в Загребе; А. С. Львов — Вопросы единого словаря общеславянского литературного языка; Г. Михаилэ — о состоянии работы над сборником материала из текстов книжнославянского языка румынской редакции; Л. Мошинский — Отношение словаря церковнославянского языка к словарям национальных языков; Н. И. Толстой — Определение круга источников Словаря древнего общеславянского литературного языка вместе с предварительным решением вопроса периодизации этого языка и уточнением хронологических и территориальных рамок его функционирования; В. Ф. Мареш — о технике извлечения материалов для словаря; Й. Курц — Проект расширения задач Международной комиссии по составлению словаря общеславянского литературного (церковнославянского) языка (координация в области издания памятников общеславянского литературного языка). О проделанной работе и о состоянии подготовки

материалов для словаря в отдельных странах доложили также П. Джорджич и В. Ф. Мареш.

По всем вопросам, обсуждавшимся оживленно, единогласно приняты согласованные решения. В частности, решения Комиссии обязывают к тому, чтобы у нас, в СССР, были развернуты работы по составлению картотеки словаря церковно-славянского языка и по изучению старославянского языка вообще. Как известно, больше всего рукописей церковно-славянской письменности (не менее тысячи) хранится у нас, в СССР. Многие из них уникальны и до сих пор научно не изданы, например Пандекты Антиоха списка XI в., Патерик синаяский списка XI в. (подготовлен к печати), Мстиславово евангелие списка начала XII в. и т. д. и т. п., не говоря о таких уникалах старославянской письменности, как Киевские глаголические листки, Зографское и Марииинское евангелия и пр. Русская

славистика, бывшая в свое время передовой и ведущей по изучению старославянского языка, изданию его памятников письменности и т. д., ныне настолько отстала в этом отношении, что фактически у нас в настоящее время не ведется систематической, плановой работы по этим вопросам. Задача состоит в том, чтобы организовать в одном из институтов АН СССР центр (сектор или группу), где сосредоточить работу как по составлению картотеки словаря церковнославянского языка, так и организации плановой работы по изучению старославянского языка, а также по подготовке кадров.

В заключение одно критическое замечание. Комиссия закончила свою работу, не решив вопроса о месте и времени следующего заседания и не определив его повестки дня.

А. С. Львов

СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ДНЮ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Каждый год 24 мая болгарский народ празднует День болгарской культуры и славянской письменности, день памяти великих славянских просветителей — создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия. Представители различных культурных учреждений и общественных организаций, многочисленные болгарские гости собрались 23 мая в Доме дружбы с народами зарубежных стран на торжественный вечер, посвященный этому празднику. Вечер был организован Обществом советско-болгарской дружбы, Институтом славяноведения АН СССР и Славянским комитетом СССР.

В президиуме собрания находились члены правления Общества советско-болгарской дружбы, чрезвычайный и полномочный посол Народной Республики Болгарии в СССР Стефан Караджов, сотрудники болгарского посольства.

С докладом выступил заместитель директора Института славяноведения АН СССР, канд. филол. наук И. М. Шептунов. Подробно осветив историю создания славянской письменности, докладчик подчеркнул, что дело Кирилла и Мефодия имело в тот период большое значение для формирования культуры славянских народов и их самосознания, для укрепления положения и авторитета славянских государств в Европе. Он убедительно показал, что празднование Дня болгарской культуры и славянской письменности в различные периоды истории Болгарии всегда носило ярко выраженный демократический характер. В период до Освобождения он был днем массовых

выступлений под лозунгами национальной независимости, в защиту национальной культуры. Этой его демократической направленности не смогли уничтожить и болгарские правящие круги, которые в XX в., особенно в мрачные годы монархо-фашистского режима, пытались использовать традиции национальной культуры в своих узкоклассовых интересах.

Большое внимание в докладе было уделено достижениям культуры в социалистической Болгарии. И. М. Шептунов привел цифры и факты, красноречиво свидетельствующие о подъеме образования, просвещения, науки, издательского дела, литературы и искусства в республике. Особым завоеванием культурного строительства в Болгарии, отметил докладчик, является широкое распространение культурно-просветительных центров (читален, клубов, киноустановок) в сельской местности. Характеризуя тенденции развития и основные черты таких областей болгарской культуры, как литература, театр, кино, изобразительное искусство, он подчеркнул их глубокую связь с национальными традициями, все большее овладение принципами социалистического реализма, чрезвычайно богатое жанровое и тематическое разнообразие.

Затем выступил советник болгарского посольства Владимир Недялков. В своей речи В. Недялков отметил значение для болгарской культуры многолетних ее связей с русской культурой. Ныне, заявил оратор, связи наших социалистических культур с каждым днем становятся

все теснее и многограннее. В заключение В. Недялков поблагодарил организаторов и участников вечера.

Это торжество, как и другие собрания, посвященные знаменательной дате (например, собрание на московской фабрике

«Ударница» — коллективном члене Общества советско-болгарской дружбы), прошло под знаком нерушимой дружбы советского и болгарского народов.

Т. А. Воздвиженская

90-ЛЕТИЕ АПРЕЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1876 г. В БОЛГАРИИ

26 апреля 1966 г. Общество советско-болгарской дружбы и Институт славяноведения АН СССР провели совместное заседание, посвященное 90-летию со дня Апрельского восстания в Болгарии. На заседании присутствовали временный поверенный в делах Народной Республики Болгарии в СССР Младен Николов, военный атташе генерал-лейтенант Петр Илиев.

Открывая заседание, д-р ист. наук С. А. Никитин охарактеризовал восстание как важнейший этап освободительной борьбы славянских народов против турецкого ига, развернувшейся с лета 1875 г. на Балканском полуострове. Это восстание отличалось большой широтой и организованностью. Оно было жестоко подавлено турецкими феодалами. Отметив, что освободительная борьба болгарского народа вызвала сочувствие в России, С. А. Никитин подчеркнул, что, используя это сочувствие, царское правительство, имея в виду собственные цели расчленения Турции, выступило в защиту поруганной Болгарии. Апрельское восстание свидетельствует о давнем боевом сотрудничестве в освободительной борьбе, о вековом братстве и дружбе наших народов.

С докладом об Апрельском восстании 1876 г. в Болгарии и его историческом значении выступил старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР В. Д. Конобеев. Отметив, что восстание явилось неизбежным итогом всей эпохи болгарского национального Возрождения, докладчик охарактеризовал его социально-экономические и политические предпосылки. Значительная часть доклада В. Д. Конобеева была посвящена проблемам подготовки, организации и проведения восстания в Пловдивском округе, Копривштица, Панагюриште и других населенных пунктах Болгарии.

Далее он остановился на участии в восстании крупнейшего болгарского революционера-демократа Хр. Ботева и его походе на Врацу. Опираясь на новые документы, недавно найденные сотрудницей Главного архивного управления В. М. Хевролиной, В. Д. Конобеев сделал предположение о намерении Хр. Ботева превратить Западную Болгарию в базу восстания. В Румынии Хр. Ботев, связавшись с русскими народниками, обратился, в частности, к Н. К. Судзиловскому с просьбой поды-

скать ему в помощники военного специалиста, способного возглавить повстанческую армию в 2—3 тыс. человек, намереваясь продолжить восстание на западе Болгарии и установить связь с национально-освободительным движением соседних народов. Однако замыслам Ботева не суждено было осуществиться.

Большое внимание уделил докладчик рассмотрению широкого народного движения в России в поддержку борьбы болгарского народа за свое освобождение. В этом движении участвовали крестьяне, рабочие, демократическая и революционная интеллигенция. Глубокое сочувствие пострадавшему болгарскому населению выразилось в сборе средств, 80% которых были собраны русскими крестьянами и трудящимися города. Передовая русская интеллигенция требовала от правительства бескорыстной помощи болгарскому народу. В защиту болгарского народа подняли свой голос И. С. Тургенев, В. А. Гаршин, Л. Н. Толстой, Я. П. Полонский, Д. И. Менделеев, И. И. Сеченов, Н. В. Скляфосовский, художники-передвижники. И. Н. Крамской писал, что Россия должна освободить Болгарию, но действия ее «должны быть лишены всяких двусмысленных оттенков, корысти, приобретения и прочей дряни!»¹.

В эти дни глашатаем взглядов передовой русской интеллигенции стал журнал «Отечественные записки», объединявший сторонников Н. Г. Чернышевского, литераторов-демократов Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского, Г. И. Успенского и др. В частности, на страницах журнала была сформулирована программа по славянскому вопросу, подчеркивающая социальное содержание борьбы славянских народов вообще и болгарского — в частности. Особая заслуга в этом принадлежала Салтыкову-Щедрину.

В. Д. Конобеев подчеркнул, что требования русских революционеров-демократов о ликвидации национального и социального гнета в Болгарии и образовании самостоятельного государства объективно совпадали с программой болгарских революционеров-демократов.

Докладчик уделил большое внимание отношению молодого формирующегося рабочего класса России к событиям на

¹ «Переписка И. Н. Крамского». М., 1953, стр. 165.

Балканах. Он приводит высказывание одного из участников первой социально-революционной демонстрации 6 декабря 1876 г. на площади у Казанского собора в Петербурге, который в те дни писал, что время демонстрации было выбрано неслучайно. В канун войны за освобождение Болгарии сознательные рабочие хотели выразить свое отношение к предстоящим событиям и подчеркнуть, что политические свободы необходимы в одинаковой степени обоим братским народам — болгарскому и русскому. Докладчик привел также воспоминания Г. В. Плеханова о том, что национально-освободительное движение южнославянских народов было предметом горячих обсуждений среди рабочих Петербурга и плодотворно влияло на развитие их демократического сознания, вовлекало рабочих в русло освободительной борьбы.

Говоря об историческом значении Апрельского восстания, В. Д. Конабеев подчеркнул, что оно было наивысшей точкой национально-освободительной борьбы болгарского народа и по своему объективному содержанию явилось пер-

вой буржуазно-демократической революцией в Болгарии, которая нанесла тяжелый удар по турецкой феодальной системе.

На заседании выступил также старший преподаватель Софийского университета Васил Попов. Он отметил, что вера болгарского народа в освободительную миссию России, в помощь русского народа была одной из движущих сил революционного движения в Болгарии, существенным фактором, определявшим массовый характер восстания. В. Попов показал, что этот фактор имел большое значение и в последующие этапы борьбы болгарского народа.

Военный атташе генерал-лейтенант Петр Илиев остановился на военной стороне Апрельского восстания, на вопросах вооружения, тактики борьбы и военной организации. Он подчеркнул, что на болгарских революционеров большое влияние оказали русские революционные демократы. Петр Илиев выразил благодарность организаторам заседания.

Н. Зуева, Е. Шатохина

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН СССР

5 мая 1966 г. Ученый совет Института истории АН СССР присудил степень доктора исторических наук И. А. Хренову.

И. А. Хренов представил на рассмотрение Совета свои труды по истории польского рабочего и коммунистического движения. Эти труды посвящены в целом трем основным проблемам. Первая из них — начало социалистического движения в Царстве Польском, революция 1905—1907 гг. в Российской империи и участие в ней польского пролетариата, первым поднявшего знамя вооруженного восстания. Проблема эта исследована И. А. Хреновым в его монографии «Лодзинское вооруженное восстание» (М., 1958). Выступивший при обсуждении доцент Лодзинского университета П. Кожец, научные интересы которого специально обращены к этой теме, говорил о том значении, которое до сих пор сохраняет книга И. А. Хренова о Лодзинском восстании в историографии польского рабочего движения.

Вторая проблема касается деятельности польских коммунистов до второй мировой войны, а третья — посвящена образованию Польской рабочей партии (ныне Польская объединенная рабочая партия). Две последние проблемы находят отражение в работе И. А. Хренова и как автора многочисленных статей в научных сборниках, журналах «Коммунист», «Вопросы истории» и др. и как редактора крупных научных изданий. Здесь официальные оппоненты акад. И. И. Минц, директор Института истории партии

при ЦК ПОРП проф. Т. Данишевский, проф. И. С. Галкин, декан исторического факультета МГУ проф. И. А. Федосов, профессор Киевского университета И. Д. Кундюба особо отметили третий том «Истории Польши» (М., 1958) и четвертый, дополнительный том «Очерки истории Народной Польши» (М., 1965), завершающие созданный впервые в советской и польской литературе марксистский труд по истории Польши. Названные труды, одним из редакторов и авторов которых был И. А. Хренов, посвящены важнейшим периодам новейшей истории польского государства, в них обобщен огромный фактический материал по общественному, экономическому и культурному развитию страны. Здесь получили решение многие сложные вопросы, не освещенные до этого в научной литературе.

Продолжением интереса И. А. Хренова к связям и сотрудничеству народов СССР и Польши является его руководство советской частью редакционной коллегии десятитомной серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». В результате совместных усилий историков и архивистов СССР и Польши в свет вышло уже три тома, два других находятся в производстве, а следующие активно готовятся. Интерес общественности к этому изданию, его политическую и научную актуальность, большую познавательную ценность, в особенности связанную с введением в научный оборот новых документов, под-

черкивали в своих выступлениях акад. И. И. Минц и проф. И. С. Галкин.

О высоком научном и общественном авторитете И. А. Хренова в Польше как историка и как заместителя председателя правления Общества советско-польской дружбы говорил проф. Т. Данишевский.

Значительное внимание официальных и неофициальных оппонентов было обращено еще на одну сторону деятельности И. А. Хренова — организатора научной работы, как руководителя Института славяноведения, ставшего центром славистических исследований в нашей стране.

О том, что труды Института славяноведения заняли видное место в научной продукции, выходящей в свет, подробно говорил в своем выступлении главный редактор издательства «Мысль» Ф. П. Петров.

Во время защиты были оглашены многочисленные отзывы на труды И. А. Хренова, поступившие как из научных учреждений Советского Союза, так и из Польской Народной Республики, — отзыв академика М. Н. Тихомирова, академика ПНР проф. Г. Яблоньского и др.

В. П.

ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА В АРХИВЕ АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ АКАДЕМИКУ М. Н. ТИХОМИРОВУ

1 июня 1966 г. в Архиве АН СССР состоялось открытие постоянной выставки, посвященной академику М. Н. Тихомирову. Выставка организована по решению Бюро Отделения истории АН СССР. Она входит в число мероприятий, предусмотренных Отделением истории по увековечению памяти этого выдающегося ученого-историка. Большой знаток документальных материалов, председатель Археографической комиссии АН СССР академик М. Н. Тихомиров был тесно связан с Архивом АН СССР, являлся председателем его Ученого совета. Материалами для создания выставки послужили документы из личного фонда академика М. Н. Тихомирова, который поступил в Архив АН СССР по его завещанию. На шести стендах развернута экспозиция документов и фотографий, освещающих жизненный путь и творческую деятельность ученого.

На первых стендах показаны документы, относящиеся к первым годам жизни М. Н. Тихомирова, его обучению в Коммерческом училище в Петербурге, Московском университете, в том числе тексты первой студенческой научной работы. Здесь же показаны фотографии и письма его учителей в Коммерческом училище и Университете — Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. Интересные материалы экспонированы о начале трудовой деятельности М. Н. Тихомирова в Дмитровском краеведческом музее, одним из создателей которого он являлся, о работе в Самарском университете, Самарском обществе истории, археологии и этнографии, в том числе доклад о поездке в Иргизские монастыри для сбора старопечатных книг.

В 1923 г. М. Н. Тихомиров возвратился в Москву, и с этого времени вся его научная и педагогическая деятельность была связана со средней и высшей школой, научными учреждениями Москвы и прежде всего с Академией наук СССР. Значительное место на выставке зани-

мают материалы о творческой деятельности М. Н. Тихомирова, его большом вкладе в разработку проблем отечественной истории, в дело подготовки кадров советских ученых.

Поездки М. Н. Тихомирова по стране в целях оказания научной помощи отдельным районам и союзно-республиканским научным учреждениям представлены документами и фотографиями его пребывания во Владивостоке, выступлениями на открытии Дальневосточной сессии Академии наук СССР, приветственными адресами новгородских школьников-краеведов. Несколькими документами представлены поездки на Чудское озеро с экспедицией по определению места «Ледового побоища». Материалы выставки дают представление о больших и разносторонних научных связях М. Н. Тихомирова с учеными нашей страны. О связи с международными научными учреждениями и зарубежными учеными свидетельствуют материалы о поездке М. Н. Тихомирова в Париж для чтения цикла лекций по социально-экономической истории России XVI в., о пребывании на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме, диплом об избрании его действительным членом Польской академии наук, извещение Американского исторического общества об избрании почетным членом, письма иностранных ученых — Д. Радоичича, Д. Симмонса, И. Дуйчева, Э. Винтера и др.

О признании научных заслуг М. Н. Тихомирова говорят дипломы об избрании его в члены Академии наук СССР, о присуждении премии имени М. В. Ломоносова за работу «Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв.», многочисленные адреса и приветствия, полученные от научных учреждений, учебных заведений и отдельных ученых.

В день открытия выставки демонстрировались также экспонаты, ярко рассказывающие о труде и отдыхе ученого, —

многочисленные фотографии, его стихи, путочные челобитные и другие документы. Выставку посетили академик Е. М. Жуков, члены-корреспонденты АН СССР А. А. Губер, В. И. Шунков и А. А. Сидоров, сотрудники академических институтов, профессора и преподаватели Московского государственного университета, Историко-архивного ин-

ститута, сотрудники Государственного исторического музея, Археографической комиссии АН СССР и государственных архивов. С воспоминаниями о М. Н. Тяхомирове выступили С. О. Шмидт, М. Г. Рабинович, М. Т. Белявский.

Б. В. Левшин

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. МАРХЛЕВСКОГО

11 мая с. г. в Институте славяноведения АН СССР произошло заседание Ученого совета, посвященное 100-летию со дня рождения Ю. Мархлевского.

С докладом «Юлиан Мархлевский — государственный деятель Советской России», выступил д-р ист. наук А. Я. Манусевич. Он напомнил, что Юлиан Мархлевский принадлежит к числу наиболее заслуженных деятелей международного рабочего движения первой четверти нашего века. Кратко охарактеризовав жизненный путь революционера, докладчик сообщает об оставшемся до сих пор неизвестным обращении Ю. Мархлевского и его товарищей по партии и по заключению в германском концентрационном лагере — А. Варского, Ю. Ротштадта, С. Рыбацкого, Г. Штейна-Краевского и других — к Временному правительству с просьбой освободить их, как русских подданных, путем обмена на германских гражданских пленников, находившихся в России. Временное правительство оставило это обращение без последствий. Только после подписания Брестского договора Советское правительство в результате длительных переговоров добилось обмена Ю. Мархлевского на одного из находившихся в плену германских генералов. Прибыв в июне 1918 г. в Советскую Республику, Ю. Мархлевский немедленно окупился в огромную созидательную работу, проводившуюся Коммунистической партией и Советской властью. Кооптированный в июне 1918 г. в состав ВЦИК, он в дальнейшем неизменно избирался в члены этого высшего органа власти. Прошлое рабочее-текстильщика позволило Ю. Мархлевскому развернуть большую хозяйственно-политическую работу в «Центротекстиле». Одновременно он принял участие в деятельности только что созданной Социалистической академии.

Разносторонне образованный марксист, ученый и публицист, Ю. Мархлевский систематически выступает в советской печати по многим злободневным вопросам. Докладчик подчеркнул, что несмотря на большую и многостороннюю

занятость государственной работой в России Ю. Мархлевский уделял много внимания путям дальнейшего развития своей родины.

Советское правительство, отметил А. Я. Манусевич, возложило на Ю. Мархлевского ответственные дипломатические поручения — он был направлен в Польшу и Австро-Венгрию, но реакционные правительства этих стран воспретствовали его приезду в Варшаву и Вену. После напряженной революционной работы зимой 1919 г. в Германии Ю. Мархлевский, нелегально прибыв в Варшаву, вступил в контакты с правительственными кругами Польши, убеждая их в необходимости мирного урегулирования отношений с Советской Республикой. Затем дважды он выезжает с официальными поручениями Советского правительства для секретных переговоров с польскими правителями. Когда же правящие круги Польши прервали эти переговоры и развязали антисоветскую войну, Ю. Мархлевский явился одним из организаторов движения польских трудящихся против интервенции.

Летом 1920 г. Ю. Мархлевский возглавил Временный революционный комитет Польши. К сожалению, как отмечает докладчик, в деятельности этого революционного органа власти проявилось то, что ни Мархлевский, ни его коллеги еще не преодолели свойственных левым кругам зарубежного европейского рабочего движения недопонимания учения Ленина по крестьянскому и национальному вопросам.

В 1921 г. Ю. Мархлевский начинает работу в Московском университете, утверждается членом научно-политической секции Главного ученого совета, разрабатывает ряд обширных лекционных курсов.

С середины 1921 г. — опять дипломатическая работа: с июля по октябрь в Финляндии, а затем по апрель 1923 г. на Дальнем Востоке, где Мархлевский ведет переговоры с японскими и китайскими деятелями. Пребывание на Дальнем Востоке побудило Ю. Мархлевского обратиться к вопросам влияния Октябрьской

революции на судьбы народов Азии.

Один из ведущих сотрудников Института красной профессуры, ректор Коммунистического университета народов Запада, член ВЦИК, депутат Московского Совета, активный деятель Коминтерна, инициатор создания Международной организации помощи борцам революции (МОПР), лектор, публицист, историк, литературовед, автор работ по политической экономии и философии, обаятельный человек — таким остается Мархлевский до конца своих дней. В заключение А. Я. Манусевич подчеркнул, что образ и широту политической и государственной деятельности Ю. Мархлевского позволяют воссоздать многочисленные его работы и документы, хранящиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, Архиве внешней политики СССР, ЦГАОР СССР, Архиве народного хозяйства и др.

Канд. ист. наук И. Яжборовская в докладе «Юлиан Мархлевский как ученый» отметила, что толчком к определению круга его научных интересов послужило участие в рабочем движении, стремление разобраться в процессах и закономерностях развития капитализма. Еще в юности Ю. Мархлевский становится последовательным сторонником марксизма. Его диссертация «Физиократизм в старой Польше», посвященная этому прогрессивному течению польской экономической мысли второй половины XVIII века, впервые в польской историографии продемонстрировала марксистский подход ко всему комплексу социально-экономических наук, в частности, дала оценку с позиций исторического материализма зависимости экономических теорий от экономики и политики. В 1895 г. он выступил в «Познаском обозрении» с обоснованием значения исторического материализма для социально-экономических исследований.

Докладчик подчеркнул, что сам Мархлевский считал себя в первую очередь экономистом и в этой области сделал чрезвычайно много. Уже в 90-е годы он стал признанным авторитетом в области политической экономии, выступил с рядом рецензий на работы представителей различных направлений буржуазной экономической науки. Его перу принадлежат и обстоятельная рецензия на III том «Капитала» Маркса. В 90-е и 900-е годы Мархлевский посвящает сотни статей различным процессам формирования империализма в Германии, ставясь одним из первых ученых, отметивших специфические черты высшей стадии капитализма. В частности, в 1912 г. он публикует брошюру «Империализм или социализм?», в которой рассматривает империализм как шаг социализма и приближается к сформулированной несколько позже В. И. Лениным теории империализма. Вся жизнь он широко

популяризировал экономические знания; его работа «Политическая экономия и чему она учит» была переведена на ряд языков и выдержала несколько изданий. Позже, в Советской России Ю. Мархлевский выступает со статьями, в которых разрабатывает отдельные вопросы социальной экономики; многие из этих статей не потеряли своего значения и в настоящее время.

Далее докладчик сообщает о том интересе, который проявил Ю. Мархлевский к социологии. В частности, в своей большой работе «Социально-экономические отношения в польских землях под властью Пруссии» он, проанализировав развитие капитализма в сельском хозяйстве и отметив основные черты того процесса, который В. И. Ленин называл «прусским путем», уделил много внимания проблемам демографии, миграции населения и т. п. Докладчик останавливается затем на том вкладе, который Ю. Мархлевский внес в проблемы искусствоведения, начав с выступления в печати в этой области еще в 1897 г. Он постоянно поддерживал контакты с прогрессивными польскими литераторами, много сделал для популяризации польской литературы в Германии.

Серьезнейшая научная и публицистическая деятельность (библиография его трудов насчитывает около двух тысяч названий) позволила Ю. Мархлевскому стать видным теоретиком польского и международного рабочего движения. Переходя к вопросу о вкладе Ю. Мархлевского в теорию научного социализма, докладчик осветила его роль в разработке программы Социал-демократии Королевства Польши и Литвы (СДКПШЛ). По ряду важнейших программно-тактических вопросов Мархлевский поддерживал большевиков. Он вел длительную и напряженную борьбу против оппортунизма во II Интернационале, принимал участие в разработке программы Союза «Спартак», немало сделал для разработки проблем империализма, войны и мира, теории пролетарской революции, аграрного и национально-колониального вопросов.

И. С. Яжборовская отметила, что первая крупная работа по истории — «Очерки истории Польши» — была написана Мархлевским в Гавельберге в 1916—1917 гг. В 1923 г. он опубликовал книгу «Возникновение Польского государства и диктатура дворянского класса», доведя ее до 1863 г., а затем статью, освещающую следующий период, — «Этапы развития капитализма в Польше». Наряду с другими эти работы положили начало польской марксистской историографии. В заключение И. С. Яжборовская рассмотрела историко-публицистическое наследие Ю. Мархлевского, его статьи, посвященные всемирно-историческому значению Великого Октября, анализу экономического и политического поло-

жения в империалистической Польше, урегулированию польско-советских отношений.

С сообщением «Документы Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС о деятельности Ю. Мархлевского» (краткий обзор) выступила В. С. Неволлина (ИМЛ). Она сообщила, что в фонде документов В. И. Ленина имеются документы, свидетельствующие о поддержке Ю. Мархлевским большевиков в годы борьбы РСДРП с меньшевиками и оппортунизмом в международном рабочем движении. Об этом свидетельствует ряд документов, хранящихся в других фондах ЦПА (ф. ЦК РСДРП, V съезда РСДРП, редакции газеты «Социалдемократ»).

Роль Мархлевского в создании СДКПиЛ, в руководстве борьбой польского пролетариата раскрывают документы, входящие в состав фондов Главного правления, съездов и конференций СДКПиЛ, а также фондов соратников и боевых друзей Ю. Мархлевского — Ф. Дзержинского, Р. Люксембург, Я. Тышки.

В. С. Неволлина подробно остановилась на истории создания и характере документов личного фонда Ю. Мархлевского, переданного в октябре 1949 в ЦПА ИМЛ дочерью Ю. Мархлевского — С. Ю. Мархлевской. В 1950 г. по просьбе ЦК ПОРП часть архива была передана Институту истории партии при ЦК ПОРП, остальные документы были обработаны и включены в опись. В настоящее время фонд состоит из 199 ед. хр. В нем собраны документы, относящиеся в основном к деятельности Мархлевского в Советской России.

В. С. Неволлина кратко охарактеризовала документы Мархлевского, хранящиеся в фондах Польревкома, Польбюро, МОПРа и Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ).

Сообщение М. Н. Черных «Новые

данные к библиографии трудов Ю. Мархлевского» было посвящено вновь выявленным произведениям Ю. Мархлевского, касающимся проблематики трех стран — Польши, Германии и Советской России. Говоря о произведениях, связанных с польской тематикой, М. Н. Черных отметила ценность данной в них периодизации польского рабочего движения, привела характеристику Ю. Мархлевским империалистических планов польских правящих кругов в отношении молодой Советской республики, его анализ социального строя Польши. М. Н. Черных охарактеризовала также статьи Ю. Мархлевского, посвященные вопросам войны и мира между Польшей и Советской Россией, внешней и внутренней политике польского правительства, положению польских беженцев в Советской республике.

Переходя к анализу статей Ю. Мархлевского, касающихся Германии, М. Н. Черных отметила содержащийся в них детальный анализ социально-экономической жизни Германии, проблем германского революционного движения.

Из статей Ю. Мархлевского, посвященных Советской России, М. Н. Черных назвала ряд работ по экономическим вопросам. Докладчик подчеркнула важность затронутой Ю. Мархлевским проблематики: принципов управления социалистической промышленностью, своеобразия социально-экономических условий при установлении диктатуры пролетариата, вопросов о концессиях, торговле, экспорте и импорте товаров, управлении городским хозяйством и т. п.

В заключение М. Н. Черных сообщила о написанных Ю. Мархлевским воспоминаниях и очерках жизни В. И. Ленина, Р. Люксембург, Ф. Меринга и М. Каспшака.

Работа сессии привлекла внимание научной общественности.

К. И.

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «ДРАНГ НАХ ОСТЕН»

20—22 апреля в Институте славяноведения АН СССР проходил симпозиум по проблеме «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». В его работе приняли участие более 70 ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Вильнюса, Таллина, Еревана, Харькова, Калинин и других городов Советского Союза, а также зарубежные гости из социалистических стран — Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Венгрии.

Во вступительном слове директор Института славяноведения И. А. Хренов отметил большое значение и актуальность

проблематики симпозиума. Разоблачение истинного смысла германской экспансии в соседние страны, глубокий и всесторонний анализ ее последствий, создание подлинной картины славяно-германских отношений, борьба с реакционной реванистской идеологией составляли важнейшую задачу передовой исторической науки, базирующейся на марксистско-ленинской методологии. Это особенно важно теперь, когда с Рейна раздаются открытые призывы к реваншу, к новому походу против СССР и социалистических стран.

С докладом «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие народов Центральной,

Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма (проблемы исследований)¹ выступил В. Д. Королук.

Н. Д. Ратнер в своем докладе «Пангерманизм и национальное движение в славянских землях Австро-Венгрии во второй половине XIX века» охарактеризовала в общих чертах возникновение и оформление пангерманизма как идеологии наиболее воинственных кругов германского империализма. Она подчеркнула особо важную роль в формировании пангерманизма двух факторов: объединения Германии «сверху» «железом и кровью» под главенством Пруссии и роста национально-освободительного движения немецких народов в Габсбургской монархии и Пруссии. Превращение Германии в сильное капиталистическое государство, опоздавшее принять участие в разделе мира, способствовало дальнейшему распространению пангерманизма. Характеризуя планы австрийских пангерманцев, докладчик отметил, что их основу составляла идея преобразования Австрии в немецкое государство и его вхождения в Германскую империю. Этому способствовал план разделения славянских народов Австрии путем создания «особого положения» («Sonderstellung») для Галиции, Буковины и Далмации. «Sonderstellung» не преследовал цели создания более благоприятных условий развития для этих славянских областей, а лишь должен был способствовать проведению германизации Цислейтании в два этапа: вначале чехов и словенцев, а затем — народов «Sonderstellung».

Разоблачив лживый демагогический лозунг пангерманцев о «защите от славянской опасности», Н. Д. Ратнер подчеркнула, что наиболее распространенная в XIX в. идеология господствующих классов славянских народов Габсбургской монархии — «австрославизм» — носила оборонительный характер и была реакцией на политику немецких шовинистов.

В докладе «Германский империализм и страны Юго-Восточной Европы (от Версаля до Локарно)» В. М. Турок остановился на тех пунктах Версальских и Локарнских соглашений, которые были использованы для раздувания националистических и шовинистических настроений в Германии. Эти настроения, умело подогревавшиеся империалистическими кругами Германии, стали той благодатной почвой, на которой выросла фашистская идеология. Державы-победительницы, стремившиеся вернуть германскую экспансию на Восток, против Советского Союза, всячески способствовали восстановлению военно-промышленного потенциала Германии.

Касаясь причин установления фашист-

ской диктатуры, докладчик подверг резкой критике попытку представить фашизм как альтернативу большевизму. Говоря об отсутствии революционной ситуации в Германии в 1933 г., он подчеркнул, что важнейшей причиной передачи власти фашистам была не угроза «большевистской революции», а переход к непосредственной подготовке новой мировой войны, необходимым условием которого был разгром рабочего движения и всех демократических сил. Ловко сочетая социальную демагогию с националистической пропагандой, фашизм явился не только режимом террора, но и режимом, где господствовали самые разнузданные национализм и шовинизм. Любая попытка замазать националистический и шовинистический характер фашизма дает нам неполную или искаженную картину этого сложного социального явления.

Рассматривая политику «Дранг нах Остен» в наши дни, М. С. Восленский в докладе «Реваншистская восточная политика ФРГ и „остфоршунг“» убедительно показал, что основные положения внешнеполитического курса ФРГ разительно совпадают с политическими доктринами третьего рейха. Причиной этого совпадения является господство в ФРГ тех же социальных сил, которые привели Германию к катастрофе во второй мировой войне. Касаясь деятельности многочисленных переселенческих обществ в Западной Германии, ведущих активную пропаганду реванша, докладчик разоблачил неуклюжие попытки правительства ФРГ подчеркнуть свою непричастность к выдвигаемым этими обществами лозунгам. Анализ подлинных действий правящих кругов ФРГ показывает, что они не следуют за реваншистскими настроениями переселенцев, а, напротив, усиленно культивируют и разжигают такие настроения. Поэтому, сказал докладчик, неверно рассматривать пропаганду землячества как неофициальную и не выражающую линию Бонна.

Проанализировав «новый курс» правительства Эрхарда, докладчик подчеркнул, что оно полностью продолжает реваншистскую политику подготовки нового «Дранг нах Остен», проводимую под руководством Аденауэра. Это находит свое выражение не только в восточной, но и в западной и неоколониалистской политике Бонна.

Важным идеологическим инструментом восточной политики Бонна является «остфоршунг». Отмечая, что среди «остфоршеров» есть и объективные ученые, М. С. Восленский охарактеризовал «остфоршунг» в целом как антикоммунистическую дисциплину. Он указал на возрастание удельного веса «советологии» в «остфоршунге», привел факты установления контактов между «советологами» различных стран (в частности, ФРГ и США).

¹ Доклад опубликован в журнале «Советское славяноведение», 1966, № 4.

Кроме основных докладов, на симпозиуме был заслушан ряд сообщений, в которых были затронуты отдельные проблемы и аспекты германской экспансии в соседние страны.

Малоисследованному вопросу о распространении немецкого городского права в Восточной Европе посвятил свое выступление проф. З. Качмарчик (Западный институт в Познани). Охарактеризовав немецкое право как западноевропейское, а не специфически немецкое, проф. Качмарчик остановился на проблеме развития городского права в странах Восточной Европы еще до немецкой колонизации. Подчеркнув территориальную ограниченность применения немецкого городского права в польских и других землях Восточной Европы, он подверг критике буржуазные теории, преувеличивающие значение немецкой колонизации для правового развития славянских земель.

Б. Н. Флоря (Археографическая комиссия АН СССР) остановился на вопросе о роли прибалтийских городов в политике русского правительства в Ливонии во второй половине XVI в. Отметив сильные позиции немецкого бюргерства в ливонских городах, он проанализировал его роль в проведении антирусской политики.

Вопросам взаимоотношений Габсбургской монархии со славянскими народами посвятили свои выступления И. С. Достян и В. И. Фрейдзон (Институт славяноведения АН СССР). И. С. Достян считает представление ряда историков о том, что Австрия в первой половине XIX в. не вела агрессивной политики на Балканах, неточным. На примере политики Австрии по отношению к Сербскому княжеству в 30-х годах XIX в. она доказывает, что Австрия в это время использовала любой повод, чтобы, не вступая в непосредственный конфликт с Россией, ограничить ее влияние в Сербии. Используя паризм для подавления национально-освободительных и социальных движений, Австрия в то же время стремилась сыграть на русско-английских противоречиях на Балканах для вытеснения России и усиления австрийского влияния, что ей в конце-концов в известной степени и удалось. Усиление австрийского влияния имело значение и для внутреннего развития Сербии.

Говоря о федерализации монархии Габсбургов в 60-х — 70-х годах XIX века, В. И. Фрейдзон отметил многочисленные противоречия, раздвигавшие монархию. Подробно охарактеризовав планы югославянских и чешских федералистов, он отметил их общие черты (либерализм, сохранение империи и др.) и пришел к выводу, что проекты федерализации либо не были в состоянии обеспечить свободное национальное равноправное развитие народов, населявших Габ-

сбургскую империю, либо вообще не могли быть осуществлены реформистским путем.

Формы и методы германской экспансии в Болгарию были темой сообщения сотрудников Института истории Болгарской академии наук В. Божинова и Я. Иоцова. В. Божинов выделил ряд этапов германской экспансии, подчеркнув, что основными внутренними силами, способствовавшими ее осуществлению, были германофильский княжеский двор, реакционно настроенная интеллигенция и командный состав армии, обучавшийся в Германии. Демографическая же форма экспансии, по мнению докладчика, в Болгарии успеха не имела.

Отметив, что корни ориентации болгарской буржуазии на Германию и Австро-Венгрию кроются в ее стремлении к господству на Балканах, Я. Иоцов проследил, как осуществлялось проникновение германского финансового капитала в Болгарию в XX в. Привлекая к руководству банков и акционерных обществ, находившихся под контролем германского капитала, видных болгарских политических деятелей, германские империалисты добивались не только экономического, но и политического влияния в стране.

Л. Кёваго (Институт истории Венгерской академии наук) подчеркнул в своем выступлении, что одной из важнейших причин успеха германской политики «Дранг нах Остен» явилась антинациональная националистическая политика буржуазных правительств малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Именно эта политика в сочетании с антисоветским курсом привела их к разобщенности и изоляции перед лицом гитлеровской агрессии. Близируя националистическая политика буржуазии стран участников и соседей Малой Антанты привела к ее развалу. Л. Кёваго в заключение заявил, что залогом безопасности народов является их союз на основе интернационализма и дружбы с СССР.

И. И. Поп (Институт славяноведения АН СССР) рассказал о провале попытки создания блока государств в Центральной Европе для защиты от гитлеровской экспансии («План Годжи») и об использовании гитлеровской дипломатией противоречий между малыми странами, в первую очередь, между Чехословакией, Венгрией и Австрией.

Д. С. Климовский (Минск) остановился на вопросах, связанных с германо-польским сближением в 1933 г. Он убедительно доказал, что заключенный в 1934 г. германо-польский пакт о ненападении явился дальнейшим шагом на пути подготовки второй мировой войны и фашистской оккупации Польши. Антисоветская политика «санационной» Польши, толкавшая ее в объятия гитлеровцев, принесла неисчислимые бедствия польскому народу.

Месту Закарпатской Украины в планах германской экспансии в конце 30-х годов XX в., использованию ее гитлеровцами в качестве приманки или яблока раздора, было посвящено выступление сотрудника Института истории европейских социалистических стран в Братиславе Ф. Гондора.

И. Н. Чемпалов (Свердловск) выступил с сообщением об установлении германского контроля над экономикой стран Юго-Восточной Европы в 1940 г. Он подробно показал, как в этот период гитлеровцы пересматривали свои экономические отношения с зависимыми и оккупированными странами, захватывали источники стратегического сырья и транспортные средства. Чемпалов пришел к выводу, что к октябрю 1940 г. Германия установила контроль над экономикой Юго-Восточной Европы.

Директор Института истории европейских социалистических стран в Братиславе И. Грозичек рассказал о планах германского фашизма в отношении Словакии в период второй мировой войны. Он разобрал легенду о «самостоятельности» словацкого людацкого государства, создание которого явилось первым шагом на пути ликвидации словацкого народа. Докладчик осветил планы гитлеровцев по германизации словаков и методы, которыми она должна была проводиться (укрепление немецкого меньшинства, выселение и физическое уничтожение людей и т. д.). Ответом на эти планы и политику людацких прислужников фашизма было героическое Словацкое национальное восстание.

С интересом встретили участники симпозиума выступление заместителя директора Западного института в Познани Э. Новака, рассказавшего об экономических основах германской экспансии в послевоенный период, и В. В. Чистякова, посвятившего свое сообщение борьбе Р. Люксембург против германского милитаризма.

Много места было отведено на симпозиуме обсуждению вопроса историографии.

Остановившись на изучении проблемы «Дранг нах Остен» раннефеодального периода, Г. Э. Санчук (Институт славяноведения АН СССР) подверг критике реакционные концепции, служащие обоснованию закономерности и прогрессивности германской экспансии в славянские земли. Особое внимание он уделил выяснению истинного смысла доктрины «имперского универсализма».

Вопросом отражения в древнерусской письменности и искусстве темы борьбы с немецкой феодальной агрессией в XIII в. посвятил свое выступление А. И. Рогов (Институт славяноведения АН СССР). К образу руководителя этой борьбы Александра Невского древнерусские авторы обращаются при освещении наиболее важных событий русской истории

(Куликовская битва, борьба статарским нашествием, с Польско-Литовским государством, война со Швецией и др.), видя в нем свое знамя в борьбе с внешним врагом. Остановившись на различных аспектах восприятия образа Александра Невского в Древней Руси, А. И. Рогов проследил отражение его образа в церковных службах, рассматривая их не только как богослужебный текст, но и как своеобразный памятник поэтической публицистики.

Рассматривая изучение проблем «Дранг нах Остен» русской историографией славянофильского направления (Гильфердинг, Егоров, Лебедев и др.), Л. П. Лаптева (МГУ) отметила, что особое внимание было уделено судьбе полабских славян и гуситскому революционному движению. Русские ученые правильно оценивали значение христианизации в завоевательской политике германских феодалов, внимательно изучали проблемы колонизации (ее причины, национальный и социальный состав и др.). Недостатки, свойственные русской историографии (идеализм, славянофильские тенденции, в ряде случаев игнорирование фактов и тенденциозность их истолкования), объясняются не столько субъективными качествами исследователей, сколько условиями времени и общим уровнем исторической науки.

Ряд сообщений был посвящен борьбе историков социалистических стран с фальсификацией истории славяно-германских отношений в реванистской западногерманской историографии.

М. Р. Тульчинский (журнал «Советское славяноведение») подчеркнул, что идеологическому обоснованию нынешней агрессивной политики Бонна служат некоторые концепции западногерманских историков. Рассмотрев основные периоды в развитии «остфоршунга», он подробно охарактеризовал вклад ученых СССР, ГДР, ПНР и ЧССР в борьбу с реакционными концепциями остфоршеров. М. Р. Тульчинский указал на острую необходимость координации деятельности историков социалистических стран и отметил отсутствие единого толкования самого термина «остфоршунг». Многие советские ученые рассматривают «остфоршунг» как реакционную идеологию, историки ГДР — как метод исследования, а в качестве критерия выдвигают позицию авторов по современным проблемам. Рассматривая «остфоршунг» как область исследований, распадающуюся на ряд направлений, многие из которых сходны с западноевропейской историографией в целом, М. Р. Тульчинский подчеркнул необходимость постоянно отличать реакционных реванистских историков от объективных и серьезных исследователей.

Директор Института мировой политики и международных отношений в Праге проф. А. Шнейдарек рассказал о борьбе

чехословацких историков с фальсификацией истории ЧССР. Марксистская историография одержала полную победу в борьбе с националистической немецкой и чешской буржуазной историографией внутри страны. Борьба с реваншистской историографией ведется как путем разоблачения фальсификаций, так и путем непосредственных контактов чехословацких историков с прогрессивными западно-германскими учеными, что способствует их отмежеванию от реваншистов. В этом диалоге чехословацким историкам удалось, например, убедить многих западно-германских коллег в правильности марксистского толкования создания чешского государства, роли немецкой колонизации и т. д. Определенные успехи достигнуты и при обсуждении вопросов, связанных с мюнхенским сговором. В заключение проф. Шнейдарек указал на необходимость принятия организационных мер по укреплению сотрудничества ученых социалистических стран, исследующих славяно-германские отношения.

На достижениях польских ученых в изучении гитлеровского оккупационного режима в Польском генерал-губернаторстве остановилась А. Ф. Носкова (Институт славяноведения АН СССР). Работы польских историков разоблачают фашистский оккупационный режим как практическое проявление очередной попытки реализации немецкого «освоения Востока». На основе неопровержимых документов польские ученые раскрывают истинные планы гитлеровцев, свидетельствующие, что речь шла о самом существовании польского народа. Детально исследуется грабительская экономическая оккупационная политика фашистов.

Менее исследованными остаются пока социально-экономические процессы и отношения между классами в генерал-губернаторстве. Работы польских ученых направлены против попыток обелить фашистский режим, отыскать некие положительные начала, якобы существовавшие в гитлеровской оккупации.

Директор Западного института в Познани В. Маркевич посвятил свое выступление проникновению идеологии «Дранг нах Остен» в общественные науки ФРГ.

С приветствием к участникам симпозиума обратился председатель Славянского комитета СССР А. С. Гундоров.

Закрывая симпозиум, И. А. Хренов отметил, что симпозиум внес определенный вклад в изучение истории и политики «Дранг нах Остен». Материалы его помогут авторскому коллективу при работе над книгой. И. А. Хренов высказал уверенность, что и впредь можно будет рассчитывать на помощь наших коллег из социалистических стран.

Обсуждение проблем «Дранг нах Остен» еще раз показало огромное значение этого явления для развития как стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, так и самой Германии. Без правильного определения характера и роли многовековой германской экспансии невозможно понять процессов, происходящих в этих странах. Многоаспектность рассмотрения славяно-германских отношений, ярко проявившаяся в докладах и сообщениях, сделанных на симпозиуме, подчеркивает, что успех может быть достигнут лишь в результате многостороннего, комплексного изучения всех проблем.

В. Глинский

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

25 мая на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации сотрудником Академии наук Армянской ССР М. Л. Оганесяном на тему «Административно-правовое положение армянских колоний в Речи Посполитой в XVI—XVII вв.». В диссертации освещены социально-правовые и экономические условия, в которых оказались переселенцы армяне, что существенно облегчает понимание политики феодальной Речи Посполитой в отношении национальных меньшинств, проживавших на захваченных польскими феодалами западноукраинских землях.

По диссертации выступили официальные оппоненты д-р ист. наук И. С. Миллер (Институт славяноведения) и канд. ист. наук В. К. Восканян (Институт истории АН Армянской ССР), которые отметили, что диссертация написана на широкой источниковедческой базе, с

использованием обширной русской, советской и зарубежной литературы вопроса. По мнению оппонентов, диссертант поставил и разрешил ряд важнейших вопросов, касающихся административно-правового положения и развития армянских колоний в Речи Посполитой в XVI—XVII вв.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР единогласно вынес решение о присуждении М. Л. Оганесяну ученой степени кандидата исторических наук

Н. С. Захарьин

25 мая 1966 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения состоялась защита В. П. Грачевым кандидатской диссертации на тему: «Административное („жуупное“) управление в Сербии X—XIV вв. (Опыт критического анализа взглядов на политическую организацию

средневековой Сербии)». Посвятив свою работу вопросу о жупах и жупанах в средневековой Сербии и значению так называемой жупной организации в развитии сербской государственности (до конца XIV в), В. П. Грачев неизбежно должен был уделить большое внимание разбору обширной литературы по истории южных и западных славян, поскольку анализ раннесредневекового строя славянских народов в историографии XIX—начала XX в. в значительной мере был основан на данных о сербских жупах и жупанах. Отмечая неверное истолкование в ряде работ сведений сохранившихся источников о жупах и жупанах, В. П. Грачев весьма подробно рассмотрел известные упоминания источников о жупах и охарактеризовал обозначаемые этим термином районы (группируемые автором по крупным областям и территориальным комплексам: Требинье, Зета, Рапка, Холм, Подгора и Македония). Диссертант заметил также некоторые черты этнической и экономической структуры жуп на разных

этапах развития сербской государственности с X до XIV в. включительно. Стремление проследить эволюцию так называемого жупного строя за этот период и одновременно дифференцировать наличный материал источников в плане территориальном, без сомнения, является большим достоинством диссертации. В. П. Грачев рассмотрел и проблему роли жупанов в средневековой Сербии. Диссертация в целом и ее основные выводы были высоко оценены официальными оппонентами — д-ром ист. наук А. П. Кажданом (Институт истории СССР) и канд. ист. наук А. Е. Москаленко (Воронежский ун-т), указавшими тем не менее на некоторые слабые места и недостатки в концепции диссертанта и в использовании им греческих источников. Ученый совет Института славяноведения единогласно вынес решение о присуждении В. А. Грачеву ученой степени кандидата исторических наук.

Е. П. Паумов

ВСТРЕЧА С ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ УЧЕНЫМИ

9 июня 1966 г. Институт славяноведения АН СССР посетили член Президиума ЧСАН, директор Института истории ЧСАН, акад. Й. Мацек, директор Института истории САН, чл.-корр. ЧСАН Л. Голотик, член Президиума ЧСАН, директор Института чешской литературы ЧСАН, акад. Л. Штолц, председатель научной Коллегии искусства ЧСАН, чл.-корр. ЧСАН Й. Коталик, зам. председателя научной Коллегии искусства САН, проф. М. Томчик, зам. директора Института литературы и языков ЧСАН, проф. А. Исаченко.

В развитии ранее состоявшихся обсуждений на Секции общественных наук АН СССР и в Отделении истории АН СССР гости обсудили с руководством Института славяноведения АН СССР предло-

жения о сотрудничестве, внесенные в качестве совместных или координируемых тем представителями обеих стран. В процессе обмена мнениями, происходившего в теплой товарищеской и деловой атмосфере, были приняты рекомендации включить в план сотрудничества в качестве совместно выполняемых или координируемых работ ряд тем по истории, литературоведению и языкознанию. Были высказаны также пожелания, касавшиеся конкретных вопросов сотрудничества между учеными обеих стран.

Участники совещания выразили удовлетворение результатами встречи и надежду, что достигнутая договоренность о сотрудничестве и координации научных исследований будет успешно реализована в конкретных научных трудах.

Ю. Б.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ (1945—1965)

Причины усиления интереса к методологии истории в 1945—1965 гг. по сравнению с довоенными 1919—1939 гг. различны. Среди этих причин прежде всего следует указать на культурную революцию, совершившуюся в Польше после войны. Переход исторической науки на позиции исторического материализма произошел не без борьбы, без попыток теоретического обоснования необходимости пересмотра существовавших ранее методов изучения, прежнего способа изложения материала. Выступления многих

историков на конференции в Отвоцке, посвященной методологическим проблемам¹, носили декларативный характер: точнее речь шла о конкретных вопросах, о периодизации; общие, теоретические проблемы не обсуждались. Доклад В. Гутта об историческом познании вызвал дискуссию в основном по частным вопросам; очень немногие ораторы касались

¹ «Pierwsza konferencja metodologiczna w Otwocku, grudzień 1951 r.», t. I—II. Warszawa, 1953.

вопросов о границах и специфике исторического познания или о критериях истины. Много внимания было уделено проблеме партийности исторической науки. Большинство ораторов критиковало отдельные положения прежней историографии, например, ее оценки национального вопроса или роли фольварка в Речи Посполитой. Пересмотр прежних взглядов на казацкие движения XVII в., на польско-немецкие и польско-русские отношения, на рабочее и крестьянское движение был делом настоятельно необходимым. Вопросы периодизации, формирования буржуазной нации, специфики польского капитализма и польского рабочего движения столь определенно выдвинулись на первый план, что в рецензии «Квартальника историчного» на опубликованные протоколы конференции общетеоретическая проблематика не была даже упомянута².

Первые работы на методологические темы вышли не из-под пера профессиональных историков, а были написаны философами. Проф. Т. Котарбинский в сентябре 1951 г. выступил в Лодзинском научном обществе с докладом «К вопросу об устранении из гуманитарных наук некоторых элементов гипостазирования»³, в котором обвинял эти науки в приписывании ими категорий самостоятельного бытия многим фиктивным субстанциям. Исходя из позиции так называемого реизма, признающего только существование вещей, или же еще более узкого соматизма, утверждающего, что категория бытия присуща лишь телам, Т. Котарбинский осуждал гуманитариев и в особенности историков за оперирование разными обозначениями имевших место явлений, событий, фактов, которым историки приписывают самостоятельное существование, тогда как все они являются лишь нашими построениями, которым в действительности не соответствует никакое реальное бытие. Разумеется, что историки преимущественно имеют дело с общественными группами, — существование этих последних Т. Котарбинский допускал, считая это своего рода отступлением от своей чисто материалистической позиции, но историки говорят также об учреждениях, которые функционировали, о нравовых нормах, которые по-разному применялись, по-разному интерпретировались и прежде всего пишут о явлениях, процессах, ситуациях, событиях столь крупного масштаба, как революции и войны, и такого малого, как локальные инциденты, заседания сеймовых комиссий и т. п. Для историков,

разумеется, «Весна народов», революция 1905 г. это не только их собственные построения; они считают, что эти события имели в действительности какие-то эквиваленты. Иначе прошлое будет пониматься статически, а не динамически. Крайний реизм или соматизм Т. Котарбинского применительно к истории становится статическим материализмом, исключающим возможность выявления других происходивших изменений. Т. Котарбинский был прав, упрекая историков в приписывании реального существования некоторым так называемым факторам, которыми была полна прежняя историография; гипостазированием была аргументация мнимым «духом народа», такими факторами как «извечный польско-немецкий антагонизм», который якобы должен был реально влиять на ход событий.

Вторым автором, высказавшимся по этим вопросам, был также философ — проф. А. Шафф. Его книга «Объективный характер законов истории»⁴ содержала решительную критику буржуазной историографии, отрицающей возможность определения законов истории, и горячо отстаивала существование таких законов. А. Шафф несомненно упрощал, утверждая что вся буржуазная историография отрицалась от признания исторических закономерностей; достаточно вспомнить некоторые работы периода раннего позитивизма. Также несправедливо по отношению к идиографизму Г. Риккерта утверждать, что будто бы Г. Риккерт отказывался от всяких обобщений и даже отрицал существование каких-либо зависимостей, ограничиваясь лишь изложением событий, тогда как в действительности у него можно найти немало высказываний о необходимости установления зависимости, оперирования общими понятиями.

Заслугой А. Шаффа была глубокая убежденность в возможности познания законов истории. Недостатком его книги было довольно фрагментарное, отрывочное знание им исторической литературы. Этим объясняется, что А. Шафф почти в одном плане трактовал историографию типа Ш. Сеньобоса и современную историографию, которая под влиянием социологии как раз перешла от идиографических описаний к освещению массовых явлений, используя в большой степени социологические и статистические методы исследования. Это прежде всего касается экономической истории, истории культуры и истории политических и общественных движений. Конечно, А. Шафф облегчил себе задачу, избрав предметом критики странные работы Я. К. Кохановского, которого сами историки не при-

² «Kwartalnik historyczny», 1954, № 2, s. 232—237.

³ T. K o t a r b i ń s k i. Humanistyka bez hipostaz.— «Myśl filozoficzna», 1952, № 1. Полемику с этой статьей Халасиньского см. там же, № 2.

⁴ A. S c h a f f. Objektywny charakter praw w historii. Warszawa, 1952. Русский перевод: М, 1959.

нимали всерьез, или же труд Ю. Фельдмана, написанный непосредственно после войны под свежим впечатлением бедствий, достигших Польшу. Трудно также считать К. Брейзига наиболее типичным немецким историком 30-х годов XX в. Это — скорее спекулятивный философ, а не подлинный историк. Точно также А. Тойнби не слишком ценится английскими историками из-за его несколько чересчур оригинальных взглядов.

На страницах журнала «Квартальник историчны» А. Шафф пытался сделать «некоторые методологические выводы, вытекающие из объективных законов истории»⁵. В начале статьи А. Шафф показывал, как во всех исторических явлениях единичное переплетается с общим. Но для историков очевидно, что не все явления имеют ту же самую степень повторяемости. Есть разница между июльской революцией и фактом изготовления какого-то нового локомотива по известной модели 1840 г. Критика описания Ш. Сеньобосом революции 1848 г. во Франции была несправедливой, так как не учитывала позднейшего значительно более полного изложения Ш. Сеньобосом этой темы в издании «Histoire de la France contemporaine» и краткого синтетического очерка в очень известной книге «Histoire sincère de la nation française».

Полемизируя несколько лет спустя с А. Шаффом⁶, А. Малевский отметил, что у него отсутствует разделение общих суждений от законов. А. Малевский обратил также внимание на отличие предметного идиографизма Э. Бернгейма от научного идиографизма Г. Риккерта. По его мнению, законы в понимании А. Шаффа слишком связаны с предсказанием победы социализма, как будто бы они должны служить только этой цели. А. Малевский полагал, что исторические законы могут быть сформулированы в результате сотрудничества историков с экономистами и социологами. Он упрекал А. Шаффа за то, что тот воздерживался от рассмотрения конкретных примеров исторических законов. Сам он пытался привести некоторые примеры, правда, скорее «закономерностей», а не законов *sensu stricto*.

Та же самая тенденция к конкретности, а точнее к оперированию конкретным историческим материалом в теоретических суждениях, проявляется в следующей работе А. Малевского, написанной совместно с Е. Топольским⁷. Здесь

имеется критический анализ методов, применяемых в исторической науке, и логический анализ причинности в истории. Авторы рассмотрели в хронологическом порядке филологический, генеалогический, географический, ретроспективный, прогрессивный и сравнительный методы, чтобы затем больше всего места уделить статистическому методу, анализу разных индексов, разных средних, корреляции и дисперсии. Аргументация авторов подкрепляется данными из отдельных исторических работ, преимущественно новых. Авторы не ставили своей задачей показать всю совокупность исторических методов, не интересовала их и проблема применения исторических методов вне истории. Они оставили в стороне, и вероятно правильно, методы критики источников, сосредоточив свое внимание на методах обработки и систематизации фактов. Они отметили также, что биографистика имеет собственную методологию, уже довольно разработанную. Самым серьезным пробелом в их работе было то, что они не рассмотрели социологические методы. Другой недостаток заключается в том, что авторы характеризуют применение статистики лишь примерами из экономической жизни, хотя известно, что в настоящее время статистические методы широко применяются в области исследования общественного мнения, читательской массы, мировоззрения.

Что касается проблемы причинности, авторы, согласно логике, различали условия достаточные, необходимые, содействующие и, как это обычно делается, причины непосредственные и опосредованные. Но они не проанализировали других, также довольно известных категорий причин: экономических, социальных, политических, разницу между мотивами и причинами, причин постоянно действующих и причин временных, однократных. Они также не дали оценку тому факту, что в истории мы имеем дело с так называемой иерархией причин, многими причинами, «связкой» причин, тому, что установление так называемого *causa efficiens* является часто вулгаризацией. Этим проблем они попросту не касались. Лишь в одном месте была подчеркнута специфика исторической аргументации, а именно: отсутствие подтверждения аргументации в источниках. Книга не была откровением, она систематизировала определенные данные и привлекла внимание профессиональных историков точностью формулировок. В этом смысле результат совместной работы философа А. Малевского и историка Е. Топольского следует признать удачным.

Следующей работой, которую уместно здесь рассмотреть, является книга проф. В. Кули. Она имеет более общий характер, ставит на первый план проблематику

⁵ «Kwartalnik historyczny», 1953, z. 4.

⁶ A. M a l e w s k i. Zagadnienie idyograficzności historii. — «Kwartalnik historyczny». 1958, z. 2.

⁷ A. M a l e w s k i, J. T o p o l s k i. Studia z metodologii historii. Warszawa, 1960.

уровня исторического знания, социальной и политической функции нашей науки⁸. В. Куля поставил вопрос о том, нужен ли и обязателен ли периодический пересмотр наших знаний, когда основная масса фактов, как например, в области древней или средневековой истории, известна. Он видел специфику исторического познания в оперировании источниками, а также в характере познаваемых фактов и был убежден, что нет принципиальной разницы между познанием фактов одной и той же категории, относящихся к прошлому и современности. В. Куля отмечал большой вклад историка в построение исторических фактов. Слабым местом в его аргументации был, несмотря на теоретическое признание разной значимости фактов, отказ от какой-либо попытки их классифицировать, а ведь мы имеем дело с фактами, где элемент нашего построения минимален; другие крупные во времени и пространственном отношении события требуют большего количества терминов, большего использования построений. В. Куля прошел мимо мелких фактов, уловимых лишь в массе посредством статистики. А ведь именно такие факты преобладали даже в прошлом. Можно было бы спорить с В. Кулей, является ли более адекватной мотивировка интересами или мотивировка потребностями. Оставив без внимания «мелкие» факты, В. Куля пришел к заключению о принципиальной неповторимости исторических фактов, с чем нельзя согласиться.

Довольно много места в книге посвящено общественной функции истории. В. Куля выражает опасения относительно «нажима истории» и отрицательных последствий тех стереотипных примеров, которые дает история. Он придает слишком большое значение эмоциональному влиянию исторической науки и недооценивает критическое отношение, формирующееся на основе исторических знаний. Он почти не учитывает самого основного смысла изучения истории в школе, а именно: проникновение в современность, в культуру, облегчение ориентации в текущих событиях и благодаря этому переход от прагматических начал к более целесообразной и далеко видной общественной деятельности. В. Куля преувеличил традиционализм, вытекающий из познания прошлого. Тем более следует отметить те страницы его книги, на которых подчеркивается изменяемость элементов, выступающих в историческом материале: естественных, географических, климатических. Особенно трудно, разумеется, установить мотивы деятельности людей другой эпохи. Это обстоятельство В. Куля иллюстрирует на примере внеэкономических це-

лей, которые были у магнатов, организовавших в XVIII в. в Польше мануфактуры. Он предостерегает от поверхностных аналогий. Книга В. Кули проинкрустата глубоким убеждением важности изменений, которые происходят вокруг нас; своей работой он способствовал росту теоретического самопознания, подъему уровня исторической научной продукции.

Несколько лет спустя В. Куля подробно развернул свои положения в области экономической истории в учебнике по методологии. Он широко использовал литературу предмета на многих языках⁹. В. Куля обстоятельно проанализировал специфику источников по экономической истории, трудности, возникающие при изучении истории предприятий, уровня потребления и жизни населения, проблемы общественного дохода, демографии, истории цен и рынка, истории систем мер и весов. Кроме того, в книге широко рассмотрены статистический и сравнительный методы, периодизация экономической истории. Во введении даны сведения о начальном этапе и развитии исследований по экономической истории, показано отношение этой дисциплины к другим отраслям исторической науки и политической экономии; далее рассмотрена проблема синтеза и столь существенный для экономической истории вопрос как зависимость человеческой деятельности от природных условий. В заключение автор приводит свои теоретические положения о возможности далеко идущих прогнозов.

Труд В. Кули является своего рода *vaedemecum* для всех, занимающихся экономической историей. Теоретические положения он везде аргументировал множеством примеров из работ польских, французских, английских, американских, советских, итальянских авторов. Приводятся примеры из экономической истории как Китая и Японии, Латинской Америки, экономически отсталых стран, так и разных французских провинций, которые уже изучены.

В книге сильно подчеркивается значение правильной терминологии, обращается внимание на изменение содержания экономических понятий особенно в разных социальных системах. Широко учитывается экономика социалистических стран. В соответствии с высказанными в книге «*Rozważania o historii*» постулатами В. Куля написал также учебник по экономической истории, который поможет молодым adeptам создать труды большого значения, не толькодвигающие вперед нашу науку о прошлом, но и содействующие рациональному формированию нашей экономической жизни сегодня и завтра.

⁸ W. K u l a. *Rozważania o historii*. Warszawa, 1958.

⁹ W. K u l a. *Problemy i metody historii gospodarczej*. Warszawa, 1963.

В межвоенный период в Польше был автор, который написал вступление к политической экономии на уровне мировой науки¹⁰. Свидетельством зрелости нашей экономической науки является то, что и теперь мы смогли создать подобное теоретическое вступление к экономической истории, охватывающее всю совокупность теоретической проблематики этой дисциплины.

Перед опубликованием рассмотренного выше труда В. Куля издал небольшую брошюру под заглавием «Экономическая теория феодального строя, попытка модели»¹¹. Вторая часть заглавия заключает подлинное содержание этой работы. Модель феодального строя в Польше — либо практически В. Куля здесь ограничивается этим — является собственной оригинальной концепцией автора. Критики отметили, что модель В. Куля относится, строго говоря, к фольварчному и вообще сельскому хозяйству, и в значительно меньшей степени затрагивает феодальный город. Наиболее оригинальная его идея — предложение ввести показатель потребления шляхтича и крестьянина, так называемый кошик (koszyk). Спорным, несомненно, является вопрос о сопоставимости этого показателя в разные эпохи.

Модель В. Куля основывается на следующих положениях: 1) доминирование сельского хозяйства, 2) полное разделение производительных сил между деревней и фольварком, 3) крепостная зависимость, 4) барщина, 5) ремесло, цеховое и фольварчное, 6) экономическая свобода шляхты, 7) роскошный образ жизни шляхтича, 8) пассивность государства в экономических вопросах. Можно заметить, что преобладание сельскохозяйственной продукции над промышленной было присуще многим странам со сравнительно развитым капитализмом. Полагаю, что фольварчное хозяйство представляет собой своеобразное переплетение производительных сил деревни и фольварка, а не их разделение. Крепостная зависимость на территории центральной и западной Польши исчезает в 1807 г. Для периода позднего феодализма (1800—1864 г.) В. Куля действительно дает несколько иные характерные черты; однако, он обходит последствия статьи 4 конституции 1807 г., результаты технических усовершенствований, например, гладкой пахоты, строительства винокуренных заводов и различные условия сельского хозяйства в трех частях Польши, аннектированных Пруссией, Австрией и

Россией. Когда говорят о роскоши шляхетского потребления в Польше, следует помнить о существовании весьма значительного процента мелкопоместной шляхты (Подлясье, Мазовше) и так называемой гольтыбы. Польша не пережила периода меркантилизма; это является ее характерной чертой. Существенное значение имели особенности ее развития во второй половине XVII в.

Проблематикой гипотез в исторической науке занялся доцент логики Познанского университета Е. Гедымин¹². Он различает гипотезы в естественных науках и гуманитарных. Прежде всего Е. Гедымин рассмотрел гипотезы, касающиеся определения текста, авторства, фактов, т. е. рабочие гипотезы историка. Он обошел «великие гипотезы», называемые иногда теориями, которые вызывали ожесточенную полемику и длительные споры, как например, причины падения Польши или теорию агрессии. Классификация гипотез в зависимости от того, отвечают ли они на вопросы: *почему, когда, где, кто*, не учитывает подлинное место гипотез, зависящего от характера поставленной проблемы. Вопрос, начинающийся с *почему*, может иметь совершенно разное значение применительно к простым фактам, например, мотивам поведения личности, и таким крупным событиям как революции, важные исторические процессы. Е. Гедымин не останавливается на способе формулирования гипотез, тогда как для исследователя именно процесс возникновения предварительных ответов столь же интересен, как и методы их проверки.

Недавно Е. Гедымин опубликовал новое исследование, посвященное методологии общественных наук¹³. Хотя работа была издана Польским экономическим обществом, мы имеем в ней дело с методологией не только экономической науки, но и других общественных дисциплин, в частности социологии и истории. Основной тезис автора — так называемые общественные науки имеют в принципе ту же методологию, что и точные науки. У тех и других логическая структура проблем одинакова. Для историка было бы более убедительным, если бы правильность исторических доказательств была бы выведена индуктивным методом из трудов самых выдающихся историков, а не из норм правильного суждения вообще.

¹² J. G i e d y m i n. Pojęcie hipotezy oraz stawiania i sprawdzania hipotezy w analizie historycznej.— «Zeszyty naukowe Uniwersytetu A. Mickiewicza w Poznaniu», 1959, № 4. Рец. см.: «Kwartalnik historyczny», 1959, z. 4; ответ Е. Гедымина см. там же, 1962.

¹³ J. G i e d y m i n. Problemy, założenia, rozstrzygnięcia. Poznań, 1964.— «Rozprawy Polskiego Towarzystwa Ekonomicznego», № 10.

¹⁰ L. B i e g e l e i s e n. Wstęp do ekonomii. Warszawa, 1937. Во втором томе этого труда рассматриваются экономические модели.

¹¹ W. K u l a. Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego, próba modelu. Warszawa, 1962.

Е. Гедымин систематизирует исторические проблемы по довольно механическому критерию качества вопросительного союза или местоимения, с которого начинается вопрос: *ли (czy), кто, как, что, почему*. Разделительный вопрос *Монацкий или Высоцкий был автором статьи о заговоре подпоручиж, которая появилась в декабре 1830 г. в «Курьеже польском»?* почти идентичен вопросу *кто был автором этой статьи?* В примере Е. Гедымина всегда ли склонность к потреблению уменьшается по мере роста дохода? нет противопоставления, а есть проблема отношения потребительских расходов к доходу. Вопрос закончилась ли Гроховская битва ничейным результатом? хотя и содержит ту же частицу *ли*, касается совершенно иной проблематики и требует иной подготовки для содержательного ответа. Само по себе употребление частицы *ли* еще ничего не говорит нам о четкости формулировки такого, например, вопроса *утратила ли Польша независимость по собственной вине?* Стоит указать также на многозначность частицы *ли* в вопросах: 1) *Правда ли, что...?* 2) *Павликовский ли написал эту брошюру?* 3) *Была ли гданьский вопрос причиной начала второй мировой войны?*

Также рискованно относить к одной категории вопросы, начинающиеся с вопросительного местоимения *кто*. Е. Гедымин приводит примеры установления автора, исполнителя, изобретателя. Поиски ответа на вопрос *кто первый романтик?* требуют иного хода рассуждений, чем поиски ответа на вопрос *кто автор конституции 3 мая?* Даже определение авторства не всегда однородно: если относительно хроники так называемого Галла ответ, касающийся национальной принадлежности ее автора, является для нас уже определенным научным достижением, то при установлении автора «Илиады» можно отрицать индивидуальное авторство.

Не менее многозначны вопросы, начинающиеся вопросительным словом *как*. Это могут быть вопросы, требующие чистого повествования о ходе событий. Достаточно добавить *как это могло случиться?*, чтобы упор был сделан на необходимости выяснения какой-то несоизмеримости между причиной и фактом. Вопрос *как влияет?* идентичен вопросу об отношении причины и следствия, что, разумеется, очень далеко от простого описания событий, следующего после вопроса *как произошло?* Вероятно, совершенно отдельную категорию вопросов, начинающихся с *как*, представляют вопросы, касающиеся оценки данного события разными историками: например, *как историки оценивали конституцию 3 мая?* Другой род вопросов — это вопросы о способе определения своеобразия событий: *как читай, на каком основании?) можно было*

установить такой, а не иной ход событий. Здесь мы спрашиваем об источниках и методе действия при переходе от сообщения к установлению фактов.

Разумеется, нельзя считать наиболее типичным для вопросов, начинающихся с *почему*, вопрос, приведенный Е. Гедымином *почему Сократ принял яд?*, ибо в исторической науке вопрос о мотивах относится к биографистике, а не к истории *sensu stricto*. Ставя вопрос *почему* в истории, мы имеем в виду причины, причем причины важных процессов, событий первоочередного значения, а не микрографию. Е. Гедымин не рассматривал проблемы плохо поставленного вопроса, а, по-видимому, много ошибок возникает именно по этой причине.

Е. Гедымин слишком мало придает значения точности терминов, употребленных в вопросах. Кроме того, для ответа на вопрос важно не столько качество самого ответа, сколько вес аргументов, приводимых в доказательство его правильности. Е. Гедымин выбрал для анализа аргументации историка как раз проблему очень частную *был ли так называемый Болеслав [Забывший] сыном Храброго?* Гораздо более поучительным в этом отношении был бы анализ аргументации, например, степени германизации населения городов Польши в период колонизации на немецком праве!

В книге мы находим оборот *модель вопроса*, к сожалению, без попытки перечисления таких моделей вопросов в исторической или экономической науке. Ибо до сих пор как в экономике, так и в истории (см. исследование В. Кули о модели феодализма) говорится об экономических моделях в смысле характеристики экономических структур в данных общественных условиях, например, крепостной фольварк или большое промышленное предприятие. Соображения Е. Гедымина о достоверности информации¹⁴ не представляют для теории исторической науки такого большого интереса, как его суждения о разнородности ставящихся вопросов, ибо эта проблема уже давно обсуждается социологами и юристами на основе сопоставления мнений. Следовало бы также уточнить термин *область*, в которой данный информатор является достоверным. Из текста Е. Гедымина не ясно, является ли информатором только лицо или же под этот термин можно подвести и орган печати.

Е. Гедымин дает очень точное определение *источникам по данному вопросу*. Серьезный недостаток его работы — отсутствие определения *вопроса*; обиходное

¹⁴ Эта работа первоначально была опубликована в «*Studiach źródłoznawczych*», 1952; перепечатана в кн.: «*Z logicznych problemów analizej historycznej*». — «*Prace Filozoficzne* Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk», t. X, 1961.

значение здесь недостаточно. Историки хорошо понимают, что для некоторых вопросов пресса является первостепенным источником, для других нет. Е. Гедымин прав, указывая, что одной индукцией, констатирующей, что в известных случаях после *a* следовало *b*, историкам недостаточно, они хотели бы понять механизм воздействия *a* на *b*, т. е. разложить явление на отдельные элементы, сослаться на какие-то общие закономерности.

Книга Е. Гедымина не является учебником по методологии истории. Примеры исторического анализа в ней приводятся наряду с другими, в особенности с данными экономической науки. Рассуждения автора касаются общественных наук вообще, поэтому претензии к нему профессиональных историков за то, что специфика их науки недостаточно отражена, необоснованны. Аргументы Е. Гедымина относительно проблем — вопросов, как и его предшествующие замечания о гипотезах, дают, однако, довольно много материала для размышления историкам. Они содержат некоторые попытки уточнения, что способствует совершенствованию исторического исследования.

Г. Лябуда в большой статье, опубликованной в «Источниковедческих исследованиях»¹⁵, рассмотрел проблему классификации источников. Он критически проанализировал существовавшие до сих пор классификации источников, как например, очень распространенную классификацию Э. Бернгейма, принял во внимание более старую И. Г. Дройзена и более новую В. Бауэра и Э. Кайзера. Г. Лябуда считает малопродуктивным формальное деление источников. Он предлагает делить их только на 3 основные группы: 1) источники, касающиеся производственных отношений и техники производства (эрготехнические), 2) источники по истории политического и общественного строя (социотехнические), 3) источники, относящиеся к отдельным лицам (психотехнические). К последним он отнес речь и письмо как продукты человеческого сознания. Предложение это несомненно оригинально; классификация по отношению к простому критерию сравнительно с классификацией, содержащейся в двух статьях, опубликованных в «Новой и новейшей истории»¹⁶, которая предусматривает значительно большее количество категорий, соблазнительна. Однако границы между тремя группами не являются достаточно четкими. С другой стороны, источники, например, по истории армии могут оказаться в трех перечисленных группах Г. Лябуды. Включение демографических материалов в эрготехнические источники может вызвать оговорки, поскольку здесь речь идет об обществен-

ных отношениях. Включение речи в третью группу не учитывает общественного характера языка; сюда же, а не к группе социотехнических материалов Г. Лябуда относит также общественные науки. Что же касается самих названий групп, то заметен какой-то уклон в сторону модной политехнизации — употребление прилагательного «технический» в обозначении каждой из трех групп.

Последней работой из области теоретической проблематики истории является книга проф. Ц. Бобиньской¹⁷. Часть ее уже известна советскому читателю из статьи в «Вопросах истории»¹⁸. Книга состоит из 3-х частей. В первой, озаглавленной «Методологические потребности исторического исследования», рассмотрена проблема исторического факта и вопрос источников. Во второй части автор полемизирует прежде всего с соображениями проф. Оссовского относительно определения общественных классов. В третьей части рассматривается ленинский анализ классов. Рассуждения автора подтверждаются примерами, главным образом из истории Польши второй половины XVIII в., которая как раз в последнее время была предметом исследования Ц. Бобиньской и ее учеников.

В работе Ц. Бобиньской отсутствует всякая попытка показать психологию историка-исследователя. Книга написана с позиции историка, который противопоставляет себя социологу и философу. В заглавии книги фигурирует также метод. Однако Ц. Бобиньская занимается собственно лишь одним методом: методом классовой оценки источников.

Проблеме исторического факта в книге отводится немного места. Автор различает лишь факты простые и сложные и не дает никакой более подробной классификации. Зато она указывает на различие между фактами историческими и историографическими. Не рассматривается вопрос о том, что степень построения в экспозиции историка зависит не только от его субъективизма, но и от качества факта. Трудно согласиться с ее мнением, что «каждый факт характеризуется спецификой, однократностью и неповторимостью». Ведь в экономической истории мы имеем дело с фактами повторимыми; их индивидуальность для исследователя совершенно безразлична. Историки оперируют цифрами, таблицами, графиками. Это стало необходимым с момента, когда они от явлений исключительных перешли к массовым явлениям. Ц. Бобиньская не рассматривает проблемы типичных явле-

¹⁷ C. B o b i Ń s k a. *Historyk, fakt, metoda*. Warszawa, 1964; Рец. см.: «Kwartalnik historyczny», 1965, т. 3 і «Studia filozoficzne», 1965. Вторая рецензия очень резко упрекает автора в неиспользовании англо-саксонской литературы, в неточном цитировании.

¹⁸ «Вопросы истории», 1965, № 6.

¹⁵ «Studia źródłoznawcze», 1957, z. 1.

¹⁶ «Новая и новейшая история», 1961 и 1963.

ний; дискуссии на эту тему ведутся уже довольно давно. В ее работе отсутствуют также соображения о принципах классификации и группировки фактов. В суждениях Ц. Бобиньской можно заметить почти признание того, что самой существенной задачей историка является «реконструкция». Как-то не подчеркнут элемент сокращения, схемы, модели в изображении явления исследователями, располагающими определенным кругом понятий для бесконечного количества и изменчивости фактов.

Что касается источников, то в работе прежде всего широко, на многих примерах показан классовый характер источников. Рискованным кажется утверждение автора о классах, «не создающих источников». Термин *источник* в книге употребляется преимущественно вместо термина *письменный источник*, документ. Неожиданным является то, что представитель экономической науки почти полностью оставляет без внимания материальные следы человеческой деятельности, эрготехнические источники по терминологии Г. Лябуды.

Соглашаясь с основным положением Ц. Бобиньской о разных точках зрения историка и социолога, можно заметить, что методологической ошибкой было бы

сознательно не принимать во внимание последних работ проф. Оссовского. Автор в пылу полемики заходит слишком далеко, квалифицируя предложения Оссовского, как «эkleктическую прививку», принципиально чуждую марксистской мысли.

В заключении к третьей части книги указывается, что «существование многих социалистических государств... ставит новые проблемы и вопросы»; однако не делается даже попытки хотя бы назвать эти вопросы. Последнее обстоятельство представляет, вероятно, наиболее слабую сторону рассматриваемой книги. Развивая учение К. Маркса, В. И. Ленин использовал данные об империализме. Чтобы сделать шаг вперед в области теории в настоящее время, необходимо обращаться к материалам не конца XVIII в., а к новейшей истории.

Рассмотренные здесь достижения еще не очень велики, но возрастающее количество теоретических работ, сотрудничество историков и логиков является знаменательным симптомом. Стоит подчеркнуть, что теоретические проблемы вызывают живой интерес среди молодого поколения историков.

Юзеф Дуткевич

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. МАРХЛЕВСКОГО

17 мая 1966 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося деятеля польского и международного рабочего движения Юлиана Мархлевского.

Этой знаменательной дате было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 14 мая на родине Ю. Мархлевского — в польском городе Влоцлавке с участием представителей партийных, общественных и научных организаций и учреждений города и страны, а также прибывших в Польшу по этому случаю делегации ЦК КПСС во главе с членом ЦК, директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П. Н. Поспеловым и делегации ЦК Социалистической единой партии Германии во главе с заведующим отделом пропаганды ЦК К. Тедтке.

На собрании с большой речью выступил секретарь ЦК ПОРП Р. Стшелецкий. Он рассказал об огромной роли, которую сыграл Ю. Мархлевский в польском рабочем движении, как его ведущий руководитель и теоретик, отметил его заслуги в развитии международного рабочего движения, деятельность в Коминтерне.

К. Тедтке посвятил свое выступление роли Ю. Мархлевского в истории рабочего движения Германии.

Об огромных заслугах Ю. Мархлевского в революционной борьбе рабочего

класса России рассказал выступивший на собрании П. Н. Поспелов. С революционным движением в России Юлиан Мархлевский был связан узами многолетней и упорной борьбы за свободу русского и польского народов, — сказал он. Юлиан Мархлевский постоянно отстаивал идеи революционного союза и братской дружбы рабочего класса России и Польши. Его жизнь и борьба являются примером преданности великому делу пролетарского интернационализма и братской дружбы польского и советского народов, делу борьбы за победу социализма и коммунизма.

16—17 мая в Варшаве состоялась научная сессия, организованная Научным комитетом по проведению тысячелетия Польского государства, Отделением общественных наук Польской академии наук, Институтом истории партии при ЦК ПОРП и Высшей школой общественных наук при ЦК ПОРП.

По приглашению организаторов в работе сессии приняли участие ученые-историки СССР и ГДР, а также дочь Ю. Мархлевского София Юлиановна и внук Ян Мархлевский-Фогелер.

Сессию открыл министр высшего образования ПНР Г. Яблоньский. С вступительным словом выступили директор Института истории партии при ЦК ПОРП

Т. Данишевский и действительный член АН СССР М. Б. Митин.

Сессия заслушала доклады польских ученых — д-ра исторических наук Ф. Тыха — «Место Юлиана Мархлевского в польском рабочем движении»; проф. Ц. Бобиньской — «Юлиан Мархлевский как историк польского народа в новейшее время»; проф. Ю. Завадского — «Экономические взгляды Юлиана Мархлевского»; ст. научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Г. Куранова — «Деятель-

ность Юлиана Мархлевского в русском революционном движении и в Советской России». Научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Х. Шумахер сделал доклад «Борьба Ю. Мархлевского в рядах группы «Спартак» против империалистической войны».

В развернувшейся затем дискуссии приняли участие многие ученые Польши, а также гости из СССР и ГДР.

П. Ольшанский

ГЕНРИК ВОЛЬПЕ

Скончался Генрик Вольпе, видный польский литературовед, профессор, заместитель директора Института литературных исследований ПАН. На протяжении всей своей жизни он совмещал литературно-педагогическую деятельность с общественной, с участием в борьбе польских коммунистов за лучшее будущее своего народа. Преподаватель латыни, польского языка и литературы в варшавских гимназиях (1920—1939). Г. Вольпе неоднократно подвергался арестам как деятель нелегальной польской компартии. Во время войны, находясь в СССР, он был тесно связан с Союзом польских патриотов, замещал председателя Комитета по делам польских детей в СССР, занимался изданием книг на польском языке. Заметна и ответственна его роль в деятельности смешанной Польско-Советской комиссии по репатриации, Посольства ПНР в Москве. В 1947—1952 гг. Г. Вольпе — член коллегии Министерства просвещения, главный редактор школьного издательства.

Научные интересы Г. Вольпе, еще в 1931 г. получившего степень доктора философии за исследование «Гораций в поэзии Кохановского», после войны были связаны в основном с творчеством Мицке-

вича. Он участвовал в подготовке первых подлинно научных и полных изданий сочинений поэта, написал работы, посвященные пребыванию Мицкевича в Росспии и его творчеству этого периода. В последние годы под руководством Г. Вольпе осуществлялось издание «Полонистического бюллетеня», высоко ценимого литературоведами-полонистами за исчерпывающую, объективную и оперативную информацию о новейших литературоведческих исследованиях.

Многим памяты блестящие лекции по истории польской литературы, которые Г. Вольпе читал в 1942 г. в Свердловском университете и в 1944—1946 гг. в МГУ. Дружеские связи с советскими полонистами Г. Вольпе постоянно поддерживал и в последующие годы, что способствовало расширению советско-польских научных связей. В последний раз Г. Вольпе был у нас в 1964 г., выступал перед студентами МГУ, побывал в Институте славяноведения АН СССР. Общительный, дружелюбный, прекрасно осведомленный о нуждах советской полонистики, вызывавший живую симпатию у всех, кто его знал, — таким он остался в нашей памяти.

Б. Ф. Сталев, Е. З. Цыбенко

CONTENTS

- Marian Zychowcki* (Poland). Poland's Millenium (Selected Problems—Poland—Catholic Church—Vatican—Germany). *E. P. Lvova*. Bulgarian pictorial art in the period between the two World Wars. *T. V. Popova*. On the characteristics of the interrelationship between the vocalic and consonantal systems (on the Bulgarian dialectal material). 3

COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS

- M. Ja. Goldberg*. I. Franko's marginals on Marković's book. *I. N. Kiselev*. On the creative contacts between the Soviet and Czechoslovak scientists in the field of Social Sciences. *F. V. Nedzielski*. On the problem of the study of R. I. Bošković's scientific heritage. *Ju. I. Shtakelberg*. From the history of the 1863 uprising. *Ju. K. Begunov*. The reflection of Cosma the Bulgarian's «Beseda» in «Molenie Daniila Zatočnika». *L. P. Zhukovskaya*. N. P. Rumiantsev's questions addressed to Vuk Karadžić and the latter's answers. 43

BIBLIOGRAPHY

Reviews and review — articles

- V. I. Maryina*. The problems of the Socialist reconstruction of the agriculture in the works of the Czechoslovak historians. *I. Ja. Kaganov*. The problems of Slavic bibliology in the periodic issues of «The Book». *M. R. Tulchinsky*. The economics of the Socialist countries in 1964. *A. S. Mylnikov*. «Dějiny Sovětského Svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech». *Ju. M. Groszman*. A Study on the obligations of the King's peasants. *A. P. Soloyeva*. «Realismus a modernost. Proměny v česke próze 19 století». *V. D. Savitzky*. Not only «what about» but also «how». *A. S. Lvov*. «The Izbornik of 1076». 73

Book notices

- Ju. F. Zudinov*. «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны». *I. K. «Przemiany społeczne w Polsce Ludowej»*. *A. D. Bachinsky*, *M. D. Dykhan*. A book on the history of the Russo-Bulgarian contacts. *L. K. Josef Polak*. Americká cesta Josefa Václava Sládka.

Bibliographical publications and index

- The main articles and materials on the present state, history, culture and language of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1965—66 (continued). The contents of foreign periodicals. 96

SCIENTIFIC LIFE

- I. V. Popova*, *A. S. Lvov*. In the commissions of the International Slavists Committee. *T. A. Vozdvizhenskaya*. The Meeting devoted to the Bulgarian culture and Slavic writing Day. *N. Zueva*, *E. Shatkhina*. The 90 th anniversary of the 1876 April uprising in Bulgaria. *V. P.* At the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. *B. V. Levshin*. The permanent exposition in honour of Academician M. N. Tikhomirov at the Archives of the USSR Academy of Sciences. 112

At the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences

- K. I.* The Scientific session in honour of J. Marchlewski centenary. *V. Glinski*. The Symposium on «Drang nach Osten». *N. S. Zakharyina*, *E. P. Naumov*. The defence of dissertation theses. *Ju. B.* Meetings with the Czechoslovak Scientists. 118

Scientific Life Abroad

- Józef Dutkiewicz* (Poland). Theoretical problems of the historical science in the works of Polish Scientists. *P. Olshinsky*. On the centenary of J. Marchlewski. 125
B. F. Stakhejev, *Je. Z. Thybenko*. Henryk Wolpe 134

В № 3 журнала «Советское славяноведение» за 1966 г. обнаружена следующая опечатка:

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
79	Прав. столб. 17 св.	группа возникла в октябре 1918 г. путем выделения из Югославянской группы (причем не в Петрограде, а в Москве).	группа в Петрограде возникла в начале октября 1918 г.

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т. 12496 Подписано к печати 17/VIII-1966 г. Тираж 1025 экз. Зак. 951
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 11,9 Бум. л. 4¹/₄ Уч.-изд. листов 13,5

2-я типография издательства «Наука». Москва. Шубинский пер., 10

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»**

Москва, Центр. Б. Черкасский пер., 2/10

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Атлас болгарских говоров.

Ч. 1. Вступительные статьи. Комментарии к картам. 1958. 84 стр.

Ч. 2. Карты. 1958. 109 стр. 1 р. за обе части.

Будовниц И. У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в. 1962. 398 стр. 3 р. 34 к.

Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. 1959. 160 стр. 60 к.

Вопросы грамматики болгарского литературного языка. 1959. 437 стр. 2 р. 48 к.

Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская праславянская и анатолийская языковые системы. (Сравнительно-типологические очерки). 1965. 298 стр. 1 р. 40 к.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие симпатические системы. (Древний период). 1965. 247 стр. 1 р.

История славянских литературных языков. Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 43. 1965. 104 стр. 52 к.

Калынин Л. Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. 1961. 136 стр. 44 к.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1965. 172 стр. 66 к.

Творительный падеж в славянских языках. 1958. 378 стр. 1 р. 73 к.

Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. 1961. 379 стр. 1 р. 92 к.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. 1962. 270 стр., 7 вкл. 1 р. 84 к.

Шаумян С. К. История системы дифференциальных элементов в польском языке. 1958. 90 стр. 30 к.

Если Вы хотите приобрести эти книги, направляйте заказы по адресу:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12; магазин «Книга — почтой» или в ближайший магазин «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129.